

СИМБИРСКИЙ ВЕСТНИК

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ИСТОРИКО-МЕМОРИАЛЬНЫЙ ЗАПОВЕДНИК
"РОДИНА В. И. ЛЕНИНА"

СИМБИРСКИЙ ВЕСТНИК

Историко-краеведческий сборник

Выпуск III

г. Ульяновск
Симбирская книга
1996

ББК 63.3 (2р35—4Ул.)
С 37

Редакционная коллегия:

А. Н. Зубов (ответственный редактор),
В. В. Преснякова, И. Ю. Гордеева

С 37 Симбирский вестник. Историко-краеведческий сборник. Выпуск III. — Ульяновск: "Симбирская книга," 1996.— 192 с.

ISBN 5—8426—0188—5 **ББК 63.3 (2р35—4 Ул.)**

СИМБИРСКИЙ ВЕСТНИК
Историко-краеведческий сборник
Вып. III

Технический редактор: *Н. И. Давыдова*
Корректоры: *Г. Н. Гульнова, А. Н. Ключникова*

Сдано в набор 9.01.96 г. Подписано в печать 6.05.96 г. Формат 60x84 1/16. Гарнитура Антигуа.
Бумага офсетн. Печать офсетн. Усл. печ. л. 11,16. Уч. -изд. л. 10,96. Тираж 1000. Заказ № 631.

Ульяновское областное книжное издательство
"Симбирская книга"
432021, г. Ульяновск, ул. Гончарова, 52

Областная типография "Печатный двор"
432061, г. Ульяновск, ул. Пушкарева, 27

С. Л. СЫТИН

Дом Ульяновых на Московской улице Симбирска

На плане Симбирска 1800 г. "сквозных" участков от Московской до Покровской улицы в рамках интересующего нас квартала не было. Домовладения были расположены к северу и к югу от осевой линии квартала, которая проходила с востока на запад на примерно равном расстоянии от Московской и Покровской улиц.

Границы северной половины участка, который в 1878 г. приобрели у Е. П. Молчановой Ульяновы, с 1800 г. до 1865 г., когда Молчанова продала часть его Ф. А. Андрееву, не менялись. Более того, мы видим на плане 1800 г. на этом участке контуры двух зданий, которые по своему местоположению и конфигурации совпадают с будущим домом Ульяновых и флигелем, отошедшим в 1865 г. портному Андрееву.

Южная половина участка была в 1800 г. самостоятельным домовладением. Восточная граница этого домовладения совпадала с восточной границей участка Ульяновых со стороны Покровской улицы, а вот западная — проходила ближе к Свияге. В состав этой усадьбы в 1800 г. входила как территория, которая затем оказалась частью усадьбы Ульяновых, так и территория, которую на плане Симбирска 1871 г. занимает домовладение 24.

Первым из известных нам владельцев будущей усадьбы Ульяновых был чиновник 12-го класса (губернский секретарь) Петр Никитич Замков.

В 1828 г. Замков вместе с купцом Иваном Васильевичем Зотовым и мещанином Петром Федоровичем Ражевым обзавелись на паях пивоваренным заводом в Конной Подгорной слободе Симбирска. Пай Замкова был самым большим — 10 тыс. рублей. Зотов вложил 6 тысяч, Ражев — 3 тысячи. В 1829 г. Ражев под предлогом "буйственных на заводе поступков" отстранил своих компаньонов от участия в его управлении. Возникло судебное "Дело по прошению чиновника Замкова и Симбирского купца Зотова, жалующихся на присвоение мещанином Рожевым (Ражевым) пивоваренного завода, общего с ними владения"[1]. Замков и Зотов предъявили иск на 16665 руб.

Таким образом, при малом чине Замков был по тем временам человеком состоятельным. Жил он в это время "во 2-ой части (полицейской части Симбирска, т. е. к северу от Дворцовой улицы, нынешней улицы К. Маркса. — С.), в доме № 89"*.

В списках прихожан Симбирской Богоявленской церкви, расположенной на Московской улице, Замков впервые появляется в 1837 году. А так как эти списки составлялись ежегодно, то мы вправе предположить, что дом на Московской улице он приобрел в 1836—1837 гг. К этому времени он — уже чиновник 10-го класса, но вместе с тем ему уже 62 года. Чтобы оставаться на службе в таком возрасте и даже продвигаться в чинах, надо было иметь солидные связи, "положение". С Замковым живет в это время только его "воспитанник" Василий Петров, которому было 9 лет[2]. По терминологии первой половины XIX века "воспитанник" — это чаще всего внебрачный ребенок.

В 1841 г. семейное положение Замкова остается прежним — он или холост, или вдовец и живет с воспитанником[3]. В 1842—1844 гг. его имя в списках прихожан Богоявленской церкви отсутствует. Это значит, что в эти годы он, сохраняя свой дом на Московской улице, жил где-то за пределами Симбирска и там же исповедовался. А в 1845 г. в числе домовладельцев — прихожан Богоявленской церкви появляется вдова титулярного советника Ксения Григорьевна Замкова, 46 лет.

Вместе с Замковой живут ее сестры, "из дворян девицы" Евдокия (36 лет) и Александра (29 лет) Григорьевны Сапожниковы, а также ее "воспитанники" Василий Петров (18 лет) и Петр Алексеев (9) лет. Был и квартирант — губернский секретарь Иван Кириллов, 52-летний вдовец с тремя сыновьями и племянницей[4]. В 1846 г. Кириллов уже не упоминается.

В 1846 г. у Замковой числился один "дворовый человек" — вдова Дарья Иванова, 62 лет[5]. Это дает основание предполагать, что ей или ее покойному мужу принадлежала где-то земля.

В 1850 г. в доме Замковой поселился ее зять, муж ее умершей сестры, губернский секретарь Александр Викентьевич Бургарт с 15-летней дочерью Александрой[6].

В 50-х или 60-х гг. Замкова приобрела еще один небольшой участок, примыкавший к ее основному домовладению с востока,

---

* № 89 — не номер дома на какой-то улице — такого рода нумерация появляется в Симбирске только в 90-х гг. XIX в. Это номер дома в едином списке всех домов города, который составлялся Квартирной комиссией, ведавшей постоем военных чинов. "Натуральная" квартирная повинность существовала в Симбирске до начала 70-х гг.

со стороны Покровской улицы (на плане 1871 г. — квартал 101, домовладение 23). Этот участок был оформлен на имя ее сестры Александры Григорьевны Сапожниковой* и ее племянницы Александры Александровны Бургарт, которые владели этой небольшой усадьбой до начала 70-х гг., именуясь в окладных книгах как "наследницы Замковой"[7].

В краеведческой литературе стало общим местом, что Замкова продала свое домовладение Е. П. Молчановой в 1863 г.[8] Но в действительности это произошло "де факто" много раньше — в начале 50-х гг.

Екатерина Петровна Молчанова была дочерью "из дворян коллежской регистраторши" Анны Ульяновны Федоровой, урожденной Аристовой[9]. Ее братья — "канцеляристы" Иван и Порфирий дворянами не были, но имели "17 душ и 10 четвертей земли" при селе Жадовке Карсунского уезда. Часть этой земли они продали казне, а 117 дес. достались после их смерти (около 1845 г.) сестре, Е. П. Молчановой[10].

Муж Молчановой, сын подпоручика Ивана Михайловича Молчанова Степан Иванович Молчанов "в службу вступил в Симбирское Военное Сиротское отделение Учителем 22 Марта 1818 г.". В 1831 г. был уволен в отставку штабс-капитаном, год служил в Тамбове, а затем стал "комиссионером" в Симбирском Комиссариате в чине 12 класса и вновь уволился в отставку по болезни[13]. Женился он на 18-летней Екатерине Федоровой, вероятно, в 1837 г. В 1838 г. у них родился сын Иван, в 1844 — второй сын, Степан.

Отец С. И. Молчанова и он сам, начиная с 1831 г., жили в приходе Богоявленской церкви "на Тути"[14]. Но уже в 1850 г. Молчанова указывает: "жительство имею в г. Симбирске, в 1-ой части, в доме чиновницы Замковой"[15]. А в 1852 г. квартальный надзиратель рапортует начальству, что "г-жа Молчанова (проживает) — в Московской улице — в собственном своем доме — в бывшем прежде Замкова"[16]. Характерно, что в купчей 1878 г., когда дом перешел к М. А. Ульяновой, говорилось: "... Принадлежавший прежде чиновнице девятого класса Ксении Григорьевне Замковой, а мне (Е. П. Молчановой. — С.) доставшийся с торгов, по данной, совершенной в Симбирской Палате гражданского суда пятого августа 1863 года..."[17].

---

* В 1841 г. в приходе Богоявленской церкви жил коллежский секретарь Александр Григорьевич Сапожников, 40 лет с двумя малолетними сыновьями[11]. В 1872 г. в приходе этой церкви умер "от дряхлости" коллежский асессор Павел Григорьевич Сапожников[12]. Были ли это братья Замковой и ее сестер — установить не удалось.

Продажа с торгов означала продажу за долги. В таком случае покупатель получал вместо купчей крепости, т. н. "данную", которая заменяла купчую. Когда речь шла о домовладельцах, то самой распространенной формой долга было получение денег взаймы под залог дома, выдача кредитору закладной на дом. Есть все основания предполагать, что уже в начале 50-х гг., еще до 1852 г. Молчанова ссудила Замкову деньгами под залог ее дома и стала фактической собственницей этого дома. Нам известно несколько случаев, когда владельцы закладных на дома в Симбирске рассматривались окружающими и даже официально, как хозяева этих домов. А деньги у Молчановой в начале 50-х гг. водились. В 1850 г. она, например, купила у братьев Прозоровых крестьянина со скотом и 26 десятинами земли при селе Дворянском Сенгилеевского уезда[18]. Вместе с тем, ясно и обратное — Замкова находилась с начала 50-х гг. в затруднительном материальном положении, что делало маловероятным ремонт или перестройку дома и надворных построек.

Важно отметить, что к моменту, когда дом официально перешел к Молчановой, ее собственное материальное положение становится все более затруднительным. В 1861 г. была продана земля в Жадовке и значительная часть вырученных денег ушла на уплату штрафа "за неправедную апелляцию" в сенат. В 1865 г. Молчанова продает доставшееся от матери пустопорожнее место в Карсуне[19]. Почти одновременно она вынуждена продать флигель и часть своей усадьбы на Московской улице портному Андрееву[20].

О материальном положении Молчановой и о том, что представлял собой ее дом, ярко свидетельствует ее переписка с Квартирной комиссией по поводу постоя в 1867 г.

"В Симбирскую Квартирную Комиссию

Домовладелицы из дворян вдовы
Титулярного Советника
Екатерины Петровой Молчановой.

Прошение.

В принадлежащем мне доме, состоящем Городе Симбирске в 1-й Части на Московской улице, хотя квартирною Комиссией и сочтено 10 покоев, на которые назначен офицерский постой, но этот мой дом находится в весьма ветхом состоянии, так что во многих местах крыша протекает, в некоторых комнатах сделаны подпорки под потолок; по каковой причине я с дома своего получаю весьма мало дохода от квартирантов, а между тем исправно и безнедоимочно отправляю все денежные повинности, как то:

плату в казну, налоги, поземельных в городской доход (так в подлиннике. — С.), произвожу на свой счет очистки тротуаров, двора, труб, отхожих мест и проч. Поэтому получаемый мною с дома весьма малый доход за всеми расходами на него, почти не дает мне никаких средств на содержание себя, а тем более для меня невыразимо обременительно ныне... (неразборчивое слово) Квартирной Комиссией на мой счет квартиры для Лекарского Помощника Васильева.

Объяснив это, я убедительно прошу Симбирскую Квартирную Комиссию освидетельствовать справедливо описанные мною ветхости в доме и затем дом мой избавить от офицерского постоя, а назначить его под постой нижних военных чинов. Причем не излишним считаю присовокупить, что к исправлению ветхостей в моем доме я совершенно не имею средств.

...Июля 12 дня 1867 года"[21].

"1867 года Июля 20 дня. В присутствие Симбирской Квартирной Комиссии прибыли...

Слушали

Прошение из дворян вдовы Титулярной Советницы Екатерины Петровны Молчановой, в коем она, описывая ветхости своего дома и выставляя себя несостоятельной к отправлению квартирной повинности, просит дом ее от постоя и постойной повинности освободить, освидетельствовав оный в ветхости. Приказали: Просить Симбирское Губернское правление для освидетельствования ветхости дома г. Молчановой командировать в Комиссию техника, а между тем первую часть города просить произвести дознание о несостоятельности г. Молчановой..."[22].

"В Симбирскую Квартирную Комиссию.

1 часть имеет честь при сем препроводить показания разных лиц о несостоятельности г. Молчановой.

Августа 4 дня 1867 г.
За пристава..."[23].

"1867 года Августа Дня...

На Требование 1-й Части Города Симбирска я нижеподписавшаяся Надворная Советница Ираида Афанасьевна Брюханова Имею Честь объяснить, что Квартируя в Доме Титулярной Советницы Молчановой Плачу ей за Квартированье ежемесячно по семи руб. сереб. (орфография подлинника. — С.)

И. Брюханова"[24].

"1867 года Августа 2 дня честь имею объяснить 1-й Части города Симбирска, что за проживание свое в квартире Титулярной Советницы Г(жи) Молчановой я плачу ежемесячно восемь рублей. Губернский секретарь Петр Семенов Медведков"[25].

"Мы, нижеподписавшиеся, сим удостоверяем, что из дворян вдова Титулярная Советница Екатерина Петрова Молчанова, кроме имеющегося у нее на Московской улице ветхого деревянного дома и получаемой ею по 4 р. 76 к. в месяц пенсии, другого состояния не имеет, что известно и Господину Губернскому Предводителю Дворянства, ибо при сих недостаточных средствах к жизни Г-жи Молчановой дети ее воспитывались в сдешнем (орфография подлинника. — С.) Благородном Пансионе на Дворянский Счет.

Титулярный Советник Василий Иванович Ксанф
Губернский Секретарь Федор Лавров
Коллежский Секретарь И. Лебяжьев
Штабс-Капитан Брониславский
Коллежский регистратор (подпись неразборчива. — С.)
Коллежский секретарь Лазарев"[26].

"МВД. Симбирское губернское правление. Строительное отделение. 19 октября 1867 г. № 1371. Г. Симбирск.

Симбирской Квартирной Комиссии.

Вследствие рапорта от 14 июля 1867 г. № 47 Строительное отделение Губернского Правления согласно резолюции, утвержденной Начальником Губернии, предписало Симбирскому Городскому Полицейскому Управлению объявить с подпискою Молчановой, чтобы она угрожающий от ветхости опасностью дом, принадлежащий ей по Московской улице г. Симбирска, исправила в течение... осени, т. е. к первому Декабря...

И. д. Губернского инженера"[27].

Несмотря на все эти предписания Молчанова "исправлений", видимо, так и не произвела и в сентябре 1868 г. вновь отказалась дать постой в своем доме[28].

"Архитектурно-строительная комиссия, — пишет о доме Ульяновых К. П. Гайдашенко, — обследовавшая дом перед реставрацией в 1928 году, по состоянию конструкций и деталей отнесла время его постройки к 40—50-м годам XIX века"[29]. Однако приведенная только что переписка неопровержимо свидетельствует, что дом Молчановой уже в 1867 г. был ветхим настолько, что приходилось подпирать потолки, и ставился вопрос о том, что

он представляет опасность. Дом, выстроенный в 40—50-х гг., обветшать в такой мере за 15—25 лет, конечно, не мог. Если вспомнить, что контуры дома мы находим уже на плане 1800 года, то следует сделать вывод, что он был выстроен еще в XVIII веке, скажем осторожнее — до 1800 г.

Первое изображение участка Молчановой мы находим на плане Симбирска 1871 г. Характерно, что граница между домом Молчановой и проданным ею в 1865 г. Андрееву флигелем намечена на плане карандашом, как своего рода исправление. Это говорит о том, что при составлении этой части плана новой съемки местности явно не производилось, был использован, видимо, один из ранних планов, составленных до 1865 года. Контуры дома Молчановой на плане 1871 г. напоминают его современные очертания — западное крыло выступает во двор значительно больше, чем восточное. Судить о точности изображения и назначении построек на участке по этому плану трудно. Отчетливо показано, что треть усадьбы, примыкающая к Покровской улице, — огород, никаких построек здесь нет.

К июню 1873 г. относится единственный дореволюционный план домовладения Молчановой, которым смогли воспользоваться реставрационные комиссии в 1928—1931 гг. Этот план находился в "Деле по прошению жены Титулярного Советника Екатерины Петровой Молчановой о разрешении построить ей деревянную кухню"[30]. Кухня эта пристраивалась к небольшому флигелю в глубине двора. За этим флигелем в сторону Покровской улицы на плане обозначен сад.

Обращают на себя внимание контуры основного дома. Восточное крыло имеет почти такую же длину (в глубину двора), как и западное. К западному крылу с восточной его стороны пристроено крыльцо. Восточная сторона дома оканчивается то ли террасой, то ли галереей. Один конец выходит на Московскую улицу, а другой упирается в восточное крыло. Здесь, очевидно, была дверь.

Строительство кухни было предпринято Молчановой далеко не случайно. Дело в том, что во второй половине 1873 года назрел наконец капитальный ремонт, а, возможно, даже перестройка дома. К этому времени вернулись в Симбирск и поселились у матери сыновья Молчановой. Об Иване Степановиче Молчанове речь идет в очерке "Дом Андреева". Младший сын, отставной подпоручик, уже в апреле—мае 1869 г. исправлял должность судебного пристава при Симбирском съезде Мировых Судей и жил у матери[31]. В июне 1872 года он женился на Екатерине — 17-летней дочери Надворного Советника Василия Ивановича

Ксанфа, давнего знакомого Е. П. Молчановой. Характерно, что одним из поручителей жениха был мещанин Яков Павлович Фадеев, а вторым — купец Иван Иванович Филатов. Мещанин и купец! Старший сын вернулся и поселился у матери в 1872 г.[32]

Возвращение сыновей, вероятно, несколько улучшило и материальные дела Е. П. Молчановой. В 1878 г. старший сын утверждал, что она заняла у него 1000 рублей[33]. Возможность занять, наличие кредита всегда было в мире частной собственности благоприятным признаком. В июле 1871 г. Молчанова заняла под залог дома 1500 руб. у Макарова[34]. Речь идет вероятнее всего о купце Иване Осиповиче Макарове, который жил как и Молчанова на Московской улице, но выше Анненковского переулка. Как бы то ни было, но деньги на перестройку дома были найдены.

"Симбирская городская дума определила в заседании 20 декабря (1873 г. — С.): ...6) Просьбу Г. Молчановой о предоставлении ей льготы в платеже денег на квартирную повинность за выстроенный ею дом оставить без последствий"[35].

Молчанова утверждала, что она выстроила дом и требовала предоставления установленной льготы. Дума ей отказала! Следовательно, она не выстроила дом, а лишь перестроила или же капитально отремонтировала свой старый дом. Перестройка требовала разрешения, но соответствующее дело пока не выявлено или не сохранилось. Ремонт, даже капитальный, проводился обычно без какого бы то ни было разрешения властей и в этом случае отсутствие документов понятно само собой.

О том, что изменения произошли значительные, свидетельствует увеличение условной оценки домовладения Молчановой сразу в полтора раза — с 600 до 900 руб. В 1871, 1872, 1873 гг. — 600 руб.[36] В 1874, 1875 гг. и далее — 900 руб.[37] Предположение об изменении оценки в связи не с перестройкой, а каким-либо общим для всех домовладельцев изменением оценок, отпадает, так как условные оценки соседних с Молчановой домов остались на протяжении всего этого периода неизменными (например, домовладение соседки Молчановой с запада на протяжении 1871—1875 гг. оставалась неизменной — 1050 руб.)[38] Таким образом, Ульяновы купили в 1878 г. не старый, ветхий дом, а дом, капитально отремонтированный или даже перестроенный.

До возвращения сыновей у Молчановой постоянно жили постояльцы и квартиранты. Нам известны имена некоторых из них. Выше уже неоднократно говорилось о том, почему для нас существенны все эти сведения. С одной стороны, — это современники Ульяновых, неотъемлемая часть окружавшей их соци-

альной среды. С другой стороны, с вереницей этих квартирантов, постояльцев связана возможность находки новых материалов о доме, который стал в 1878 г. домом Ульяновых. Эти материалы могут быть обнаружены в связи с именами всех этих людей и в ходе дальнейших поисков в архивах, и у ныне живущих потомков этих людей.

В 1865 г. у Молчановой снимал квартиру (или же был поставлен на постой) писарь Симбирского воинского начальника Владимир Фидельман[39]. В 1913 г. наследники мещанина Владимира Семеновича Фидельмана жили в собственном доме на Чебоксарской улице Симбирска.

В ведомости прихожан Богоявленской церкви за 1866 год указано, что в одном доме с Молчановой проживала вдова титулярного советника Клавдия Афанасьевна Аксенова, 41 года, с детьми — Виктором (11 лет), Варварой (8 лет) и Константином (6 лет)[40]. Ее мужем был, видимо, Александр Степанович Аксенов, отец которого, чиновник 8-го класса, жил в 1841 г. в приходе Богоявленской церкви[41].

Аксенова была одной из восьми дочерей Афанасия Сидоровича Комарова, помещика средней руки, у которого было именье в селе Березовке Карсунского уезда[42]. Молчанова была каким-то образом довольно тесно связана с этой семьей. После Аксеновой у нее жили в разные годы еще две сестры — Ираида Брюханова и Любовь Комарова.

Аксенова растила своих детей, опекала с 1861 г. двух дочерей своей рано умершей сестры Александры — Олимпиаду и Варвару Розановых, которые унаследовали от матери дом на Московской улице, расположенный почти напротив дома Молчановой[43]. В 1879 г. она стала опекуншей Лепилиных — детей своей сестры Екатерины[44]. И все это время жила то в одном, то в другом доме на Московской улице поблизости от дома Молчановой (в 1872 г. — в доме Розановых[45], в 1879 г. — в доме Рачкиной[46]), была "старожилом" этой улицы. Сын Аксеновой Константин был в 1875 г. учеником III класса гимназии[47].

В 1867 г. у Молчановой (как уже говорилось выше) снимали квартиры губернский секретарь Петр Семенович Медведков и надворная советница Ираида Афанасьевна Брюханова, урожденная Комарова, сестра Аксеновой.

Муж ее, Федор Иванович Брюханов, был братом Павла Ивановича Брюханова[48], отца Николая Павловича Брюханова, который после Великой Октябрьской социалистической революции был сперва наркомом продовольствия, а затем — наркомом финансов[49].

В 1867 г. у Ираиды и Федора Брюхановых родилась дочь Людмила[50], в 1869 г. — Ольга[51], в 1870 г. — сын Вячеслав[52]*.

Как и многие другие домовладельцы Молчанова была готова иметь дело не только с "благородными" квартирантами, но и с ремесленниками. В мае 1870 г. в ее доме (очевидно, в одном из "строений" во дворе) находилось "красильное заведение" саранского мещанина Алексея Миленина, который занимался своим "мастерством" без наемных рабочих[53].

В октябре 1872 г. у Молчановой жила Елизавета Афанасьевна Комарова —сестра К. Аксеновой и И. Брюхановой[56].

Выше уже говорилось, что в 1872 г. младший сын Молчановой женился на Екатерине Васильевне Ксанф, которая вместе с мужем поселилась в доме на Московской улице. Василий Иванович Ксанф, ее отец, был в 1861 г. контролером питейного отделения Симбирской Казенной палаты[57]. В 1869 г. он — уже помощник Симбирского губернского казначея[58]. В 1866 г. Ксанфу было 45 лет и у него была большая семья — жена Варвара Ивановна, 30 лет, дети — Николай (12 лет), Екатерина (9 лет), Калерия (8 лет), Сергей (4 года), Петр (4 месяца)[59]. Позже родился Василий. У Ксанфа был дом на Панской улице. Сыновья его учились в гимназии. Брат Матвей был с 1870 г. преподавателем в семинарии[60]. Естественно предположить, что семья Ксанфов была в числе постоянных посетителей дома Молчановой.

Младший сын В. И. Ксанфа Василий в I и II классах учился вместе с В. И. Лениным. Его отец умер в 1879 г.[61]. Опекуном трех сыновей-гимназистов стал их дядя — М. И. Ксанф[62].

И Замкова, и Молчанова, и Ксанф представляли собой очень характерную среду разорявшихся мелкопоместных дворян, мелких чиновников, учителей, офицеров низших рангов. Источники их существования — жалованье, пенсии, квартиранты. Они все время в долгах, их дома и другая недвижимая собственность мало-помалу переходят в чужие руки, а они сами превращаются в квартирантов в чужих домах...

Тем большим контрастом является временное пребывание в доме Молчановой представителей семьи Философовых. В январе—апреле 1872 г. у нее снимали квартиру Николай, Алексей и Илларион (Ларион) Николаевич Философовы[63]. Их отец, генерал-лейтенант Николай Илларионович Философов, был родом из Петербургской губернии и начал службу в гвардии в 1821 г. 14 декабря 1825 г. он был "в строю войск, собранных на

* В 1877 г. И. А. Брюханова жила на Чебоксарской улице в доме Кравца[54]. В 1883 г. у нее появился собственный дом во 2-й части Симбирска[55].

Дворцовой и Исаакиевской площадях противу мятежников", за что был "удостоен признательности". С этого началась военная и придворная карьера этого любимца Николая I. Уже в 1843 г. он — генерал-майор гвардии, в 1848 г. — назначен в "Свиту", командует учениями и смотрами гвардии, его детей крестят представители императорской фамилии, сыновья становятся пажами и т. д.[64].

В конце 30-х гг. Н. И. Философов женился на дочери богатейшего симбирского помещика Ивана Степановича Кроткова Варваре, получив в приданое за ней свыше 3 тыс. десятин и суконную фабрику при селе Кезьмино Симбирского уезда[65]. В. И. Философова умерла в Кезьмино в 1871 г.[66], и пребывание ее сыновей в Симбирске в начале 1872 г. было связано с вводом их в наследство[67].

Николай Николаевич Философов родился в 1839 г. в Новгороде, воспитывался в Пажеском корпусе в Петербурге, там же начал службу, но уже в 1863 г. вышел в отставку "по болезни". Он женился на дочери полковника Алексея Петровича Иванова* Софье и в течение нескольких лет жил то в Кезьмино, то в с. Березовке Карсунского уезда (имение А. П. Иванова). В 1876 г. он оказался в Греции, в Афинах в качестве "домашнего секретаря Ея Величества Королевы Эллинов"[68].

Алексей Философов, паж, а затем артиллерии подпоручик, который однако "к батарее отправлен не был", а предпочел выйти в отставку, как и его старший брат жил в Симбирской губернии примерно в 1863—1873 гг., занимал незначительные выборные дворянские должности, а затем поселился в Петербурге[69].

Илларион Философов, видимо, жил в Симбирске дольше, чем братья, но уже в 1875 г. оказался в Витебске[70]**.

Со своей собственностью в Симбирской губернии Философовы расстались очень быстро — сразу после смерти матери, в 1872 г. они продали купцу Крылову фабрику, а в 1875 г. продали своему дяде Н. С. Кроткову и землю[77]***.

---

* А. И. Иванов был в 1861 г. командиром Симбирского гарнизонного батальона[71]. До 1869 г. у него был дом в Симбирске на углу Лисиной улицы и Анненковского переулка[72], а в селе Березовке Карсунского уезда — 1500 дес. земли и суконная фабрика[73]. Вторая его дочь была замужем за Николаем Эрнестовичем Вик. Умер он в 1871 г.[74]

** Сестра Философовых Екатерина была в 1871 г. замужем за полковником генерального штаба Николаем Николаевичем Обручевым[75], отказавшимся за несколько лет до этого участвовать в подавлении польского восстания, дяди виднейшего советского геолога, академика Владимира Афанасьевича Обручева[76].

*** Имелась ветвь Философовых и в Карсунском уезде Симбирской губернии, представленная Никитой Никитичем Философовым (ум. около 1835 г.). Его имение находилось при селе Малое Шуватово. Не исключены связи этой ветви с петербургской.

О периоде, когда в доме на Московской улице жили Ульяновы, написано немало. Естественно, что при этом использованы прежде всего воспоминания членов семьи Ульяновых. "Это было летом 1878 года..., — писала Анна Ильинична Ульянова-Елизарова в 1927 г. — Отец купил... дом на Московской улице, в котором мы и жили до 1887 г. При нем был большой зеленый двор и молодой, но довольно обширный садик, большей частью фруктовый. Все место тянулось на целый квартал, и калитка в заборе сада давала возможность выйти на следующую, Покровскую, улицу. Окраинные, заросшие сильно травой улицы, прелестный цветник, которым заведывала мать, изобилие ягод и плодов, а также близость реки Свияги, куда мы ходили ежедневно купаться, делали этот уголок недурным летним местопребыванием (конечно, воздух был все же городской, с деревней не могло сравниться). Мы подолгу гуляли в теплые летние вечера или сидели на увитой цветами терраске, а в особенно душные ночи вытаскивали на нее матрацы и спали на ней"[78].

Представляют интерес и объявления в "Симбирских губернских ведомостях", связанные с домом Ульяновых. В этих объявлениях дом долгое время назывался "дом, бывший Молчановой". Учитывая служебное положение И. Н. Ульянова, так было удобнее. В феврале 1880 г. газета сообщала: "На время ярмарки сдается конюшня на шесть стойл, на Московской улице, в доме бывшем Молчановой"[79].

Осень 1881 г. — "В Симбирске, на Московской улице, в доме бывшем Молчановой, открывается девицей Ульяновой школа для обучения детей обоего пола, а равно и для подготовки в средние учебные заведения[80]. Это объявление явилось отправным пунктом для интересной статьи П. С. Бейсова "Домашняя школа Анны Ульяновой"[81].

Лето 1884 г. — "10-го июля, в 2 часа дня, у действительного статского советника Ульянова, из комнаты со стола украдены двое карманных часов, стоющих 40 руб., крестьянином Буинского уезда, дер. Чекурской С. Ш-м., одни часы, стоющие 25 руб., разысканы. Дознание передано мировому судье"[82]. В "Черновой ведомости о происшествиях в Симбирской губернии" есть расшифровка имени похитителя "Садык Шевмаханов" и очень характерная деталь — кража совершена из "незапертой комнаты"![83]

А 30 мая 1887 г. в газете появилось объявление: "По случаю отъезда продается дом с садом, рояль, мебель. Московская улица, дом Ульяновой"...[84].

Кто жил в доме на Московской улице 1878—1887 гг. кроме самих Ульяновых? Мы знаем, что к ним приезжали погостить ненадолго многочисленные родственники Марии Александровны. Вместе с тем, две из ее племянниц жили в семье Ульяновых по несколько лет. Это были Анна Лаврова и Екатерина Веретенникова.

Анна Иосифовна Лаврова была дочерью младшей сестры Марии Александровны Ульяновой — Софьи Александровны Бланк, которая в 1860 г. вышла замуж за Иосифа (Осипа) Кондратьевича Лаврова, который с 1856 по 1858 год работал учителем и штатным смотрителем Симбирского уездного училища, а в апреле 1858 г. был назначен штатным смотрителем Самарского уездного училища[85]. В 1876 г. он был переведен штатным смотрителем Ставропольского уездного училища, а летом 1877 г. у Лавровых всей семьей гостили Ульяновы.

В документах Симбирской Мариинской гимназии указано, что 24 августа 1878 года в гимназию поступила Анна Осиповна Лаврова, 1867 года рождения, дочь чиновника, проживающая в доме Ульяновых на Московской улице[86]. В 1880 г. Анна Иосифовна Лаврова была принята в гимназию вновь. На этот раз о ней говорится, что она — дочь чиновника, родилась 21 октября 1868 г., живет "у Ульяновых"[87]. Далее следует пометка "выбыла из V кл. в 1881 г." Выбыла в связи со смертью от туберкулеза[88]. С болезнью был связан, очевидно, перерыв в ее учебе, который привел ко вторичному поступлению в гимназию в 1880 г. Соответственно имел место, видимо, перерыв и в ее проживании у Ульяновых.

Летом 1878 г. у Ульяновых гостила и ее сестра Любовь Лаврова, "любимая кузина", как писала о ней позже Анна Ильинична, дружившая больше других многочисленных "кузин и кузенов" со старшими детьми Ильи Николаевича[89].

В 1879 году в Симбирск приехала Екатерина Ивановна Веретенникова. Ее мать — Анна Александровна Веретенникова была старшей сестрой Марии Александровны Ульяновой, ее отец Иван Дмитриевич Веретенников работал в 1861—1864 гг. в Пензенском дворянском институте вместе с И. Н. Ульяновым. Екатерина Ивановна родилась в 1859 г. в Самаре. Она окончила курс Казанской Мариинской гимназии, а потом высшие женские курсы в г. Казани и с 1 сентября 1879 г. стала учительницей 1 класса Симбирского двухклассного женского училища[90]*.

---

* В книге О. Савина и Ж. Трофимова "И. Н. Ульянов в Пензе" говорится, что Е. И. Веретенникова приехала в Симбирск в 1879 г. "после окончания Бестужевских курсов"[95].

В училище Е. И. Веретенникова работала до сентября 1883 г., правда, с длительными отлучками в 1883 г.[91]. Инспектор училищ В. М. Стржалковский отмечал в 1882 г., что "урок учительницы Веретенниковой по арифметике может быть назван образцовым"[92]. "...17 числа минувшего апреля месяца (1882 г. — С.) осмотрено мною Симбирское женское городское 2-х классное училище, учебно-воспитательная часть которого найдена в очень хорошем состоянии благодаря примерному усердию в исполнении обязанностей со стороны учительниц В. П. Прушакевич и Е. И. Веретенниковой"[93].

Е. И. Веретенникова не только работала вместе с В. П. Прушакевич, но, видимо, была близка с ней[94]. Правомерно предположить, что во время своих поездок в 80—90-х гг. в Петербург В. П. Прушакевич встречалась там с Е. И. Веретенниковой, которая к тому времени уже носила фамилию Песковской[96].

"Вместе с Ульяновыми жила в 1879—1883 гг. Екатерина Ивановна Веретенникова..." — пишет С. Рубанов[97]. Какое-то непродолжительное время Веретенникова, вполне возможно, и жила у Ульяновых, но уже в октябре 1879 г. у нее была квартира при 1-м женском училище — та самая, которую занимала раньше Вера Павловна Прушакевич[98].

Переехав в Петербург, Е. И. Веретенникова окончила Высшие женские Бестужевские курсы. "Во второй половине 90-х годов Екатерина Ивановна открывает на Васильевском острове единственный в то время в Петербурге детский сад для девочек и мальчиков совместно со школой. С 1900 года она руководит еще и женской гимназией... А в 1908 году она является также и учредительницей Высших юридических женских курсов"[99].

Ее муж — Матвей Леонтьевич Песковский (1843—1903). "Публицист. Писал статьи умеренно-либерального направления... Автор биографических очерков о полководце А. В. Суворове..., о видном русском педагоге-методисте Н. А. Корфе..., а также отдельных рассказов"[100].

Александр и Анна Ульяновы, поступив учиться в высшие учебные заведения Петербурга, постоянно бывали у Песковских. Именно Е. И. Песковская уведомила весной 1887 г. Марию Александровну (через В. В. Кашкадамову) об аресте Александра Ильича. Впоследствии у Песковских в их петербургской квартире по Среднему проспекту не раз бывали Ольга и Владимир Ульяновы[101].

Умерла Е. И. Веретенникова-Песковская в 1930 г. в Ленинграде[102].

В 1880—1885 гг. в Симбирской мужской гимназии преподавал латинский и греческий языки Александр Иванович Веретенников — брат Екатерины Ивановны[103]. Мы не можем исключить предположение о том, что и он какое-то время пользовался гостеприимством Ульяновых.

Наконец весной 1887 г. Мария Александровна, срочно уезжая в Петербург, "вызвала телеграммой из Казани свою сестру Анну Александровну Веретенникову"[104].

"Занимался с Сашей химией также младший его на один класс товарищ, Михаил Щербаков, живший одну зиму у нас пансионером", — писала в своих воспоминаниях об Александре Ильиче Ульянове А. И. Ульянова-Елизарова[105]. Из контекста следует, что Щербаков видимо жил у Ульяновых еще до окончания гимназии А. И. Ульяновым, т. е. до 1883 г.

"...Он один, — пишет Ж. А. Трофимов, — из всех соучеников (А. И. Ульянова. — С.) жил в доме Ульяновых, в смежной комнате с Владимиром Ильичем, а в Петербурге был деятельным помощником А. И. Ульянова по делам нелегального студенческого землячества, учился вместе на одном факультете и отделении... После окончания в 1888 году университета М. Ф. Щербаков преподает в Кишиневском училище виноделия, а в 1907—1915 годах работает директором Никитского ботанического сада... В течение многих лет возглавлял кафедры виноделия Крымского университета и Кубанского сельскохозяйственного института, являлся в 30—40-х годах консультантом знаменитого комбината "Массандра" и института "Магарач". Умер он в 1948 году в Симферополе..."[106].

"В 1925 году Анна Ильинична встретилась с Михаилом Федоровичем Щербаковым и попросила его написать воспоминания об Александре Ильиче. Профессор-естественник обещал, но местонахождение его записок до сих пор неизвестно[107]*.

С лета 1883 г. и до января 1884 г. у Ульяновых жили пансионерами братья Вячеслав и Борис Персияниновы[108]. Появление их в доме Ульяновых было вне всякого сомнения результатом многолетнего сотрудничества Ильи Николаевича Ульянова с их отцом — врачом Львом Васильевичем Персияниновым.

С одной стороны, Ульяновы в те годы явно не нуждались в том, чтобы брать пансионеров ради платы. С другой, и Л. В. Персиянинов имел возможность снять для них квартиру в Симбирске или

* Отцом Михаила Щербакова мог быть Федор Андреевич Щербаков — попечитель Базарно-Сызганского училища Карсунского уезда — впрочем, это только предположение[109].

устроить пансионерами в другую семью. Речь шла о большой услуге со стороны И. Н. Ульянова, суть которой хорошо определил классный наставник ученика IV-а класса Вячеслава Персиянинова С. Н. Теселкин: "Они живут у лиц, которые могут оказывать на своих квартирантов благотворное влияние и наблюдать за их поведением"[110].

"Вы просите, — пишет внучка Л. В. Персиянинова Наталия Васильевна Толмачева, — набросать родословное "древо" семьи Персияниновых, сделать это нетрудно, т. к. это "древо" не уходит корнями в глубокую древность. Род Персияниновых начался с деда Льва Васильевича, "выходца из персов". После одного из боев на границе Кавказа с Персией наши солдаты нашли в развалинах одного из домов маленького мальчика — перса, приблизительно 5 лет. Мальчика показали командиру части, ребенок ему понравился, и он взял его на воспитание. Мальчика звали Асланом, что в переводе на русский язык значило Лев. Ребенка окрестили и дали ему имя Лев, отчество по крестному отцу Васильевич, а фамилию по национальности — Персиянинов. Воспитатель его дал ему военное образование. Он был офицером русской армии, женился на русской девушке Левашевой. У него было двое детей — Мария и Василий. Василий Львович — отец Льва Васильевича (моего деда) заведывал архивом в г. Рязани, был дважды женат и от второго брака с Кандауровой и появились на свет мой дед и его сестра Мария Васильевна"[111]*.

Лев Васильевич Персиянинов родился в конце 1832 или 1833 года[112]. В 1858 г. он окончил медицинский факультет Московского университета и был назначен городовым врачом в г. Зарайск[113].

4 августа 1862 г. Персиянинов был арестован и заключен в следственный дом. Об этом эпизоде его жизни говорит справка, составленная по просьбе П. П. Евдокимова работниками ЦГАОР СССР.

"При обыске в его (Л. В. Персиянинова) квартире жандармами были "взяты письма к нему: г-жи Аш. заключающие в себе запрещенное стихотворение, и живущего в Москве зарайского помещика Дмитрия Борисовича Похвиснева, в коем он уведомляет Персиянинова о высылке ему через брата своего Алексея

---

* "...Мария Васильевна была замужем за Худяковым..., у нее была дочь Елена Константиновна и сын Николай... Николай был в свое время Наркомом здравоохранения в какой-то из... республик (граничивших с Азией). Старший внук Константин был врачом, тоже где-то в пограничном городке. Погиб от бубонной чумы, которой заразился от перебежчика границы — перса, привезенного в его больницу. Дальнейшая судьба Николая мне неизвестна..."[114].

Похвиснева запрещенных сочинений: Бюхнера, Фейербаха и Огарева".

В августе 1862 г. Министерство внутренних дел уведомило Третье отделение о Л. В. Персиянинове и других лицах "с весьма вредным направлением, противодействующим правительству, и распространяющих запрещенные журналы и прокламации". В донесении упоминается, что на вечеринке, состоявшейся у Л. В. Персиянинова 12 января 1862 г., в день основания Московского университета, "пели возмутительные песни, пили за свободу ...поклонялись портрету Герцена..."

Производство следствия... было возложено на особую следственную комиссию... Члены комиссии пришли к выводу..., "что ни в Зарайске, ни в Рязани не существует какого-либо вредного кружка или общества с противоправительственной целью, некоторые же личности действительно заслуживают, особого внимания".

Среди таких лиц в докладе Министерства внутренних дел Третьему отделению названы: "...2. Бывший зарайский уездный стряпчий... Каневский, проникнутый либеральными идеями, дальнейшее оставление которого в означенной губернии представляется неудобным. 3. Товарищ и близкий друг Каневского одинаковых, по-видимому, с ним убеждений зарайский городовой врач Персиянинов, которого полезно было бы удалить от общества..., переместив в другой город, где он однако не был лишен возможности приобретать практикой средства к содержанию себя, бабки, матери и сестры".

18 ноября 1863 г. Министерство внутренних дел уведомило III отделение, что Каневский "выслан в г. Елабугу Вятской губ., под надзор полиции... зарайский городовой врач Персиянинов перемещен в той же должности в г. Касимов"[115].

В Касимове Персиянинов пробыл очень недолго и уже в июле 1863 г. занял должность городового врача в городе Сапожок[116]. Здесь он познакомился, первоначально как с пациентом, с генерал-майором Всеволодом Павловичем Пущиным и его племянницей и воспитанницей Анной Николаевной Пущиной, дочерью умершего майора Николая Павловича Пущина[117]. Всеволод и Николай Пущины были сыновьями Павла Ивановича Пущина. Его брат — Иван Иванович Пущин был декабристом и другом Пушкина. "Дед Анны Николаевны тоже был декабристом, но менее себя "скомпрометировавшим" и менее пострадавшим. Он был участником войны 1812 г. и вместе со своим полком вошел в Париж"[118].

Анна Николаевна Пущина родилась в 1846 г., "в раннем детстве осталась круглой сиротой..., готовила себя на самостоятельную жизнь, думала стать учительницей"[119]. "...Образование получила в Москве, в частном учебном заведении г. Брок... Вследствие поданного ею, Пущиной, прошения о желании вступить в Домашние учительницы... допущена была к испытанию в Императорском Московском университете и показала познания в языках: Французском и Немецком отличные, и сверх сего в присутствии Испытателей с успехом дала пробные лекции по означенным предметам. А потому ей, Пущиной, дозволено принять на себя звание Домашней Учительницы... декабря 31 дня 1864 года"[120]. "...Замужество и затем завещание в ее пользу усадьбы в Б. Чилиме (1374 десятины в Буинском уезде Симбирской губернии[121]. — С.), решили ее судьбу по-иному"[122]*.

В Большой Чилим Персиянниновы переехали окончательно в 1869 году[124], т. е. в том же году, когда приехал на работу в Симбирск И. Н. Ульянов. "Как врач по профессии, он (Л. В. Персиянинов. — С.) в течение 30 лет безвозмездно лечил крестьян, принимая у себя на дому до четырех тысяч больных ежегодно. Больные нередко заносили заразу в его дом, заражали его детей, но, несмотря на это, он до конца дней своих не отказывал больным в помощи, не получая ничего за труд... Врачуя физические недуги, он в то же время боролся с невежеством, ведя в своей деревне борьбу с пьянством. Не употребляя вина, он при всяком удобном случае вел с крестьянами беседу о вреде кабака и, благодаря его влиянию, кабак был уничтожен в Чилиме вскоре после того, как он поселился в имении, и не открывался во все время, несмотря на всяческие ухищрения виноторговцев"[125].

И Персиянинов, и его жена сразу же энергично занялись школьным делом. "Училище в Чилиме основано в 1863 г., прежде оно помещалось в избе отставного конторщика, который и был учителем, — писал Персиянинов в 1877 г. — Потом переведено

* "Когда умер Л. В., она оказалась в роли его преемницы в части лечения населения. Народ говорил: "Чай он передал тебе все, что он сам знал, ну и лечи тоже"... И вот уже на моей памяти наш дом был своего рода "Скорой помощью". Ближайшая больница в Шатрашанах была за 12 верст, и пока туда доберешься (особенно в распутицу), можно было или умереть, или уже поправиться самостоятельно. Помню особенно ребят — как только начинала поспевать белена, их приносили к нам полумертвыми. ...Тут уже А. Н. помогали все члены семьи, все, кто был дома... Верными ее пациентами были старушки с их непроходящими старческими недугами. Конечно, все это делалось без всякой материальной заинтересованности — тем более, что к бесплатному лечению народ был приучен еще Львом Васильевичем"[123].

было в небольшую мирскую избу, а в 1870 г. по распоряжению попечительницы школы Персияниновой, училище помещено во флигеле, принадлежащем ей, в двух комнатах коего помещаются классы, а в остальной квартира учителя"[126]. "В 1880 г. Персияниновыми была выстроена новая, обширная школа, но уже в черте крестьянской оседлости"[127].

И. Н. Ульянов посетил впервые школу в Чилиме в 1871 г. и в дальнейшем бывал в ней неоднократно. "Ревизия Чилимского училища, — писал он в своем отчете за 1873 год, — произведена была 19-го октября... Классные комнаты, равно как и квартира учителя, теплы, сухи и светлы... Попечителем школы состоит землевладелец Л. В. Персиянинов; попечительница — жена его А. Н. Персиянинова. Как попечитель, так и попечительница не только заботливо относятся к школе, что без их содействия и помощи она едва ли существовала в Чилиме. Благодаря их стараниям снабжена достаточным количеством книг и хорошей мебелью... Едва ли не благодаря им устроен из учеников и учениц прекрасный хор певчих, которые могли бы доставить удовольствие своим пением жителям наших губернских городов. Наконец, как попечитель, так и попечительница, видимо, имеют сильное нравственное влияние на училище, т. е. на учащихся и на преподавателя своим вниманием к их успехам и вообще к процветанию и благосостоянию школы... Между прочим, в Чилимской школе ручная гимнастика, которой дети занимаются с большим удовольствием... В Чилимской школе обучается 56 человек, из них 42 мальчика и 14 девочек..."[128] Характерная деталь — сам Персиянинов оценивал положение дел в школе значительно сдержаннее, чем Илья Николаевич.

Л. В. Персиянинов занимался делами не одной только Чилимской школы. Он был активным членом Буинского училищного совета. В 1877 году он посетил 10 училищ и опубликовал на страницах "Симбирской земской газеты" подробный отчет, в котором он не только оценивает постановку преподавания в школе, особо останавливается на материальной обеспеченности или необеспеченности школы и учителя, но и анализирует состав населения каждого селения, занятия его жителей, их отношение к школьному делу[129]. По своему подходу к делу народного образования, по своему стилю этот отчет Персиянинова очень напоминает отчеты И. Н. Ульянова и его инспекторов.

Л. В. Персиянинов оказался в числе очень немногих деятелей, которые в 80-х годах решились вместе с И. Н. Ульяновым открыто защищать земскую школу. Эта сторона деятельности Персияни-

нова до сих пор не нашла освещения и надлежащей оценки на страницах нашей педагогической и краеведческой литературы.

Л. В. Персиянинов "...на основании опыта, пришел к убеждению, что для искоренения народного невежества школ с исключительно церковно-религиозным направлением недостаточно, что кроме развития в народе религиозных чувств, нужно и умственное развитие"[130]. На протяжении нескольких десятков лет Буинский уезд в вопросах народного образования находился в руках протоиерея А. И. Баратынского. В конце 60-х — начале 70-х гг. Баратынский был вынужден считаться с "духом времени" и с развитием земской школы. Но с конца 70-х годов он оказался одним из ярых поборников насаждения т. н. церковно-приходских школ, которые были детищем реакции, начавшейся в это время во всех областях политической и общественной жизни. В 1886 г. Баратынский добился введения в земских школах Буинского уезда программ церковно-приходских школ.

"Отвергнув когда-то признаваемые им учебники Ушинского, Водовозова, барона Корфа и др., а также и звуковой метод, о. Баратынский изъял из школ русские книги не только по общеобразовательным предметам, кроме, разумеется, арифметики, но даже учебник по закону Божию, составленный понятным для детей родным русским языком, был заменен извлечениями из книг священного писания на славянском языке. Обучение грамоте началось по старому методу (аз, буки, веди) по славянской азбуке. Одной учительнице поставлено было на вид о. Баратынским, что она во время его приезда в школу диктовала: "мужик пашет землю". Сделав укор учительнице, о. Баратынский на вопрос учительницы, как учить правописанию, заметил, что нужно диктовать молитвы, а не такие пустяки. При таких требованиях сельские учителя и учительницы недоумевали!..."[131].

В докладе Буинскому земскому собранию 1888 г. Л. В. Персиянинов выступил в защиту земской школы и русского языка. Выступил, несмотря на то, что даже в эти годы ему приходилось писать в "штатных формулярах" о том, что он когда-то находился под строгим полицейским надзором...

"Считать нам отечественный язык языком бедным, неспособным производить благоговейное впечатление и влияние на сердца и ум детей, думаем, и несправедливо, и оскорбительно для истинного патриота. Язык русский развивался уже более тысячелетия... Этот язык, один из наиболее разработанных научно в мире языков, язык настолько богатый средствами, как и самый народ русский, что оказался способным запечатлеть в своих

словах и образах выражение глубочайших истин христианства, восприять все просвещение древнего и нового мира и внести в это просвещение новый богатый вклад, язык один из благозвучнейших языков мира. Ужели этот язык, который сделался предметом школьного изучения в соседних государствах, не способен возбуждать благих мыслей и чувств в русских детях?" Не ограничиваясь защитой русского языка, Персиянинов ставил вопрос о необходимости в школах произведений "отечественных и народных писателей" и других книг "светского содержания", о том, что надо "вывести наших бедных школьников из необходимости, помимо усвоения священной истории уже на память, еще перечитывать ее по несколько раз, с начала до конца и потом с конца до начала..."[132].

Л. В. Персиянинов, как и В. Н. Назарьев, был представителем левого крыла симбирского земства. Поддержка со стороны этого левого крыла была необходимым условием деятельности И. Н. Ульянова.

Интересовался Персиянинов и историей. "Он любил вдумываться в памятники и следы прошедшего и в них искать связи с настоящей жизнью. Чтение старинных актов было любимым его занятием"[133]. В 1895 г. он опубликовал историко-этнографический очерк "Буинский уезд"[134].

Умер Л. В. Персиянинов скоропостижно 10 июня 1897 г.*

У Персияниновых было 5 сыновей и 2 дочери: Вячеслав (1868 г.), Наталья (1870), Борис (1872), Владимир (1873), Василий (1875), Всеволод (1876) и Анна, она же Нина (1886)[135].

"Жили мы с Володей (Ульяновым. — С.) вместе (на Московской улице в доме Ульяновых), — вспоминал в 1925 г. Вячеслав Львович Персиянинов. — Комната наша была на верху дома, в мезонине"[138]. Вячеслав учился в IV-а классе гимназии[138а], т. е. на один класс ниже Володи Ульянова, хотя был старше его на два года.

---

* Л. В. Персиянинов "умер по вине лесного клеща. Этих клещей в наших лесах, — вспоминает Н. В. Толмачева, — было очень много, и мы часто их на себе ловили и извлекали из тела. Тот роковой клещ успел присосаться, дед попросил жену извлечь его с помощью пинцета. Пинцет лежал в ящике с продезинфицированными инструментами, клещ был извлечен, но вскоре на его месте появилась краснота, поднялась температура и началось рожистое воспаление, а затем заражение крови и за 2—3 дня Льва Васильевича не стало. Оказалось, фельдшер пользовался пинцетом при обработке гнойной раны и положил его без дезинфекции на место"[136].

А. Н. Персиянинова умерла 27 ноября 1917 г. в Чилиме[137].

"Впервые выполнять роль репетитора, — пишет о Володе Ульянове —гимназисте Ж. А. Трофимов, — ему, наверное, довелось уже зимой 1883—1884 года, будучи учеником пятого класса. Как известно, в то полугодие в доме Ульяновых жили дети хорошо знакомого Илье Николаевичу врача и прогрессивного земского деятеля Л. В. Персиянинова. Мальчики не успевали по многим предметам, но особенно плохо обстояло дело с языками. Владимиру пришлось приложить немало усилий, пока в классных журналах его подопечных появились удовлетворительные отметки по французскому и латыни"[139].

"Илье Николаевичу не понравились балованные и бездельные мальчики Персияниновы (кроме Вячеслава, жил пансионером и его младший брат, Борис), — писала в 1925 г. А. И. Ульянова-Елизарова, — и он под благовидным предлогом болезни жены, попросил родителей взять их"[140].

Весьма вероятно, однако, что дело было не только в избалованности, а и в том, что Илье Николаевичу стало ясно, что Вячеславу Персиянинову преодолеть гимназический барьер из греческого и латинского языков вообще не удастся, и он убедил в этом и Л. В. Персиянинова. Вячеслав перешел в Казанское реальное училище[141], где этого языкового барьера не существовало.

После окончания Петровской (ныне Тимирязевской) сельскохозяйственной академии В. Л. Персиянинов служил в Симбирске, в губернской земской управе[142]. Еще студентом, в 1891 г. он обвенчался с дочерью старейшего преподавателя симбирской мужской гимназии Якова Михайловича Штейнгауера — Ольгой[143]*.

10 мая 1919 года В. И. Ленин "пишет телеграмму Симбирскому губисполкому (копия — ЧК) с указанием сообщить причины ареста Вячеслава и Василия Львовичей Персияниновых"[145], 13 мая М. А. Гимов ответил Ленину, что Персияниновы арестованы, как заложники и подлежат высылке из прифронтовой полосы[146]. "...Когда в 1919 г. Вячеслав Львович подвергался репрессиям, как бывший чиновник, — вспоминает Н. В. Толмачева, — Наталья Львовна (дочь Л. В. Персиянинова, сестра Вячеслава Львовича. — С.) была у Анны Ильиничны, рассказала ей о положении Вяч. Льв., и по просьбе Анны Ильиничны Владимир Ильич послал в ГПУ телеграмму... и после этого Вячеслав Львович репрессиям больше не подвергался"[147].

* Первым браком она была за губернским секретарем Дружковым. От брака с Вячеславом Львовичем Персияниновым у нее была дочь Ксения (1891—1924), в замужестве Соколовская[144].

"Вячеслав Львович недолго служил в Симбирском Губземотделе, а потом он долго болел и не работал..., жена давала уроки немецкого языка (на дому)..."[148]. С января 1923 г. Персиянинов получал пенсию, как инвалид II группы[149].

В 1924—1925 гг., (после смерти В. И. Ленина), как уже говорилось выше, в нескольких изданиях были опубликованы воспоминания Вячеслава Львовича Персиянинова о В. И. Ленине. Они были использованы и в книге Алексеева и Швера "Семья Ульяновых в Симбирске", вышедшей в 1925 г. под редакцией и с примечаниями А. И. Ульяновой-Елизаровой.

В апреле 1926 года Персиянинов жил в принадлежавшем Горсовету доме № 22 по ул. Радищева (бывшей Мартыновой) и был уполномоченным этого дома, в котором жили тогда председатель Ульяновского Горсовета К. П. Шарапов[149а] и секретарь Укома ВЛКСМ Н. П. Долбилин. О себе он писал, что находится на иждивении сестры Н. Л. Рябовой и получает пенсию, как инвалид. В свою очередь на его иждивении находилась жена[150].

В марте 1928 года Ульяновский губисполком создает комиссию по реставрации Дома-музея В. И. Ленина, включив в ее состав и В. Л. Персиянинова[151]. "Когда Анна Ильинична в 1928 г. была в Ульяновске, она встретилась с Вячеславом Львовичем. Они вспоминали прошлое..."[152]. "Помню, — пишет секретарь реставрационной комиссии Н. В. Толмачева, — Анна Ильинична обратилась к Вячеславу Львовичу Персиянинову, знавшему хорошо комнату на лестнице, где он жил вместе с В. И. (Владимиром Ильичем. — С.), так как семья Ульяновых, как тогда говорили, "взяла его на хлеба" по просьбе деда Льва Вас.: "Вячеслав Львович, а Вам не кажется, что мы с Вами опять молодые?" — "Нет, Анна Ильинична, не кажется!" — грустно ответил ей Вяч. Львович"[153].

Умер Вячеслав Львович Персиянинов в 1948 году в Ульяновске[154]*.

Борис Львович Персиянинов умер подростком, когда ему было 16 лет[155].

Интересна судьба старшей дочери Л. В. Персиянинова — Натальи, родившейся в 1870 г. Она окончила Смольный институт в Петербурге, а затем училась на медицинских курсах в Швейцарии[156]. "Моя сестра, бывшая в Швейцарии, — вспоминал Вячеслав Львович Персиянинов, — в 90-х годах встречалась там с

---

* А. Иванский считает, что Вячеслав Львович Персиянинов умер в 1944 г.[160].

Владимиром Ильичем, бывшим там еще в первую поездку за границей"[157]. Н. Л. Персиянинова рано вышла замуж за "обходчика лесов" П. С. Рябова, сына крепостного. Вышла против воли отца, что привело к полному разрыву отношений. Медицинский институт ей в связи с этим закончить не удалось. Она вернулась в Россию и "жила на деньги от уроков французского языка, которые давала в частных домах"[158]*.

В 1896 г. постановкой пьесы "Пашенька" на сцене Александринского театра началась карьера 26-летней Персияниновой-Рябовой в качестве драматурга. Ее пьесы ставились в Петербурге, в Малом театре в Москве, шли и на периферии. "Судьба свела Персиянинову с такими гигантами сцены, как Ермолова и Савина, Давыдов и Правдин... Впоследствии она подружилась с Яблочкиной и Рыжовой, Турчаниновой и Остужевым..."[159].

Дочь Н. Л. Персияниновой-Рябовой А. П. Ефремова была артисткой, в 60-х гг. жила в Ульяновске, где ее дочь, внучка Н. Л. Персияниновой, Вера Андреевна Ефремова была художественным руководителем драмтеатра[162]**.

---

* В своих воспоминаниях внучка Персияниновой В. А. Ефремова пишет: "В эти трудные для нее дни она не раз встречалась с Марией Ильиничной Ульяновой..."[161]. Автор, видимо, путает в данном случае Марию Ильиничну с Марией Александровной (или Анной Ильиничной).

** Владимир Львович Персиянинов окончил Симбирскую гимназию[163] и Казанский ветеринарный институт[164] и работал ветеринарным врачом 2 участка Буинского уезда[165], куда входил Чилим, в котором был ветпункт с фельдшером и аптекой. "Женат он не был, умер в 1919 г. от тифа"[166].

Василий Львович Персиянинов родился 21 февраля 1875 г., окончил Симбирскую гимназию и естественный факультет Московского университета. С 1899 г. работал в Буинском земстве, неоднократно избирался председателем Буинской земской управы. В 1900 г. женился на Марии Александровне Шипиловой (род. 24 января 1877 г.)[167].

Выше уже говорилось об его аресте в 1919 г. и вмешательстве В. И. Ленина. В 1925 г. Василий Персиянинов был служащим хлебного отделения Госбанка в Ульяновске (приемщиком хлебного отдела). Жил он в доме № 19 по Мартыновой улице, был уполномоченным по дому. Вместе с ним и на его иждивении жили жена и дочери Марианна и (в 1926 г.) Наталья. Кроме того, с ним жили родственники Татьяна Тимофеевна Башкирова и Александр Александрович Левашев[168].

В дальнейшем он работал агрономом в разных совхозах Московской области. В 30-х гг. он был вновь арестован. "С Анной Ильиничной, —вспоминает в этой связи его старшая дочь Н. В. Толмачева, — я встретилась еще раз, это было уже в Москве, у нее дома. Жила она около Манежа, на улице, выходившей к Кремлевской стене, около Александровского бульвара... Была я у нее вместе со своей младшей сестрой, мы просили у нее помощи в деле отца, арестованного по обвинению в экономической контрреволюции..., отец был агрономом и его обвиняли в последствиях неурожайного года. Анна Ильинична отнеслась к нам очень сочувственно... Она вышла нас проводить в прихожую, поцеловала и на

При жизни И. Н. Ульянова флигель во дворе, как правило, сдавался внаймы. "Знакомство мое с Володей Ульяновым, — вспоминал Николай Григорьевич Нефедьев в 1924 или 1925 году, — произошло в возрасте 10 или 12 лет; так как я родился в 1870 г., 12 октября, то, видимо, возраст у нас был почти одинаков. Обстоятельства знакомства таковы. По Московской улице, в доме директора Ульянова, т. е. отца Володи, отдавалась квартира, которая, будучи по средствам моей покойной матери, и подошла нам. Мы переехали, как мне помнится в середине лета. Это был небольшой флигелек, переделанный, видимо, из домашней бани, который стоял в нескольких саженях от дома, близ сада"[176].

"Судя по воспоминаниям Н. Г. Нефедьева, — пишет К. П. Гайдашенко, — он и его мать поселились во флигеле летом 1883 года и прожили здесь несколько лет"[177].

Летом 1882 г. в связи с ремонтом дома во флигеле во дворе жили сами Ульяновы[178]. Таким образом, Нефедьевы могли жить во флигеле либо до, либо после лета 1882 г. Содержание игр и забав, которые описывает Н. Г. Нефедьев, в большей мере соответствуют возрасту в 10 лет, чем 12—13 годам. Вероятнее всего, что Нефедьевы жили во флигеле в 1880—1882 гг.

Воспоминания Н. Г. Нефедьева были использованы Алексеевым и Швером в книге "Семья Ульяновых в Симбирске", но уже тогда Анна Ильинична опровергла одни детали (об облике сада) и усомнилась в других (конфискация жандармами у Нефедьева задачника по арифметике с пометками Володи Ульянова)[179].

прощание сказала: "Это хорошо, девочки, что Вы не отрекаетесь от своего отца, как это теперь делают многие дети, а ищите правды и боретесь за его судьбу!" Это было наше последнее свидание с А. И. Она сделала все, что смогла: и скоро отец был с нами"[169].

Умер Василий Персиянинов в 1943 г. вскоре после гибели на фронте его младшего сына Сергея[170].

О его старшей дочери Н. В. Толмачевой речь будет идти в связи с работой реставрационной комиссии. Младшая дочь Марианна была скульптором.

Всеволод Львович Персиянинов окончил Симбирский кадетский корпус и Александровское военное училище в Москве[171]. В 1912 г. он был земским начальником 4 участка Буинского уезда[172]. После начала войны в 1914 г. — на фронте. Был женат на Надежде Яковлевне Гречкиной[173]. Умер в 1944 г. Жив его внук — тоже Всеволод[174].

Младшая дочь Персиянинова — Нина (Анна) Львовна "в молодые годы упала на лестнице, ушибла позвоночник, что вызвало тяжелое заболевание". Тем не менее она закончила Симбирскую Мариинскую гимназию. "Была замужем за Абутковым и имела двоих детей. Она... умерла в 1917 г. через месяц после смерти матери. Дочь ее работает прокурором, а сын убит на Отечественной войне"[175].

"Итак, — пишет Н. В. Толмачева, — видимо, на 6-м поколении наш род замрет..."

В 30-х годах о воспоминаниях Нефедьева очень резко отозвалась Мария Ильинична. Правда, не до конца ясно, о каких именно воспоминаниях идет речь — то ли это воспоминания 1924—1925 гг., о которых только что шла речь, то ли какие-то новые. 22 сентября 1936 года М. И. Ульянова писала Мариэтте Шагинян в Ульяновск: "Весною нынешнего года нам с братом несколько недель пришлось сидеть за чтением двух огромных папок с воспоминаниями, собранными каким-то сотрудником Профиздата, объехавшим поволжские города и опросившим многих лиц. Что это был за ужас. Боюсь точно указать процент выкинутого и зачеркнутого нами, но, вероятно, не ошибусь, определив его в 80—90%. Берегитесь всех этих Нефедьевых, которые выдают себя за друзей Владимира Ильича, "нянек" которых появилось теперь несметное количество, наших двоюродных сестер, которые были далеки от нас до революции, потому что боялись сношения с нами, а теперь пишут многочисленные воспоминания, которые кроме вреда ничего принести не могут, потому что рисуют и В. И., и других в ложном свете... Некоторые из "воспоминаний" (того же Нефедьева, например) были в свое время опубликованы и ими многие пользуются, считая их за истинные факты"[180].

К сожалению, эти предостережения М. И. Ульяновой основательно забыты за последние десятилетия, и наши краеведы, и музейные работники вновь пользуются и воспоминаниями, не заслуживающими доверия, и воспоминаниями в кавычках, о которых писала М. И. Ульянова, не видя разницы между ними, не подвергая их критическому анализу...

Сам Нефедьев вспоминал о своем участии в революции 1905—1907 гг. об обыске у него в 1906 г. В "Очерках по истории Ульяновской организации КПСС" идет речь о Н. Нефедьеве, симбирском социал-демократе в 1907—1909 гг.[181] "Осенью 1907 г. оставшиеся на свободе большевики Симбирска под руководством Н. Спирина, Г. Сибирякова и Н. Нефедьева создали временный комитет из пяти членов. Комитет включился в кампанию по выборам в III Государственную думу"[182]. Отсутствие отчества не позволяет однако отождествить этого Н. Нефедьева с Н. Г. Нефедьевым, о котором идет речь.

На выборах 15 августа 1917 г. в Симбирскую городскую думу типографщик Николай Григорьевич Нефедьев был избран депутатом от блока партии социалистов-революционеров и трудовой народно-социалистической партии[183]. А в августе 1918 г., в период белогвардейской оккупации Симбирска, на выборах в Симбир-

скую думу типографщик Николай Григорьевич Нефедьев, 48 лет, удостоверяет своей подписью согласие баллотироваться сразу по двум спискам кандидатов — списку № 4 "от 12-ти объединенных районов г. Симбирска" и списку № 8 от "Союза возрождения России". Проживал он в это время на Мало-Саратовской улице в собственном доме[184]. Устойчивостью политических симпатий Нефедьев явно не отличался...

В 1930—1933 гг. Н. Г. Нефедьев привлекался к участию в работе второй реставрационной комиссии, как "современник"[185]. В 1937 г. в журнале (или газете) "За коммунистическое просвещение" публикуются его новые воспоминания[186].

В музее 1-й школы имени В. И. Ленина хранится письмо дочери Николая Нефедьева, написанное Ире Нефедьевой в марте 1968 г.: "Если верить рассказам наших родственников, мать моего отца, швея, иногда обшивала семью Ульяновых и в эти дни жила у них. Я думаю, приходила к ним на несколько часов. Мой отец, вероятно, тоже приходил в этот дом, м. б. виделся и говорил с Володей, вот и все!"

После смерти И. Н. Ульянова половина дома стала сдаваться квартирантам. "После смерти отца, — вспоминал Дмитрий Ильич Ульянов, — мы жили в одной половине, в той, которая к Свияге. Дверь в комнату, где сейчас портретная, была заделана досками. У постояльца и у нас были отдельные парадные входы. Сначала в той половине, которая к Волге, жил молодой врач. Он жил недолго (несколько месяцев), а потом квартиру сдали присяжному поверенному Багряновскому"[187]. "Зимой 1886/87 года Ульяновы жили в той части дома, которая была ближе к Свияге, — пишет Ж. А. Трофимов. — Другую половину с отдельным наружным входом они сдавали недавно приехавшему из Москвы молодому юристу М. М. Багриновскому. "Мария Александровна, — вспоминала жена квартиранта, — приходила к нам узнать, к кому ей обратиться о свидании (после ареста А. И. Ульянова. — С). В тот же день она уехала в Петербург, и в доме стало тихо"[188]. К сожалению, ссылок на источники Ж. А. Трофимов в данном случае не дает*.

На объявление Марии Александровны Ульяновой в связи с отъездом из Симбирска о продаже дома откликнулся симбирский

---

* Итак, Багряновский или Багриновский? Или же, что представляется вероятным, — Багрянский? В 1887/88 году в Симбирской мужской гимназии учился в III-б классе Михаил Багрянский[189], в 1917 г. во II классе Мариинской гимназии училась Евгения Багрянская[190], в 1925 г. в доме № 20 по ул. Ленина жил преподаватель чувашского педтехникума Иван Михайлович Багрянский[191].

полицеймейстер Андрей Николаевич Минин. В его завещании, несколько лет спустя, говорилось о недвижимом имении "заключающемся в доме, в приходе церкви Богоявления, со строениями и землей под оными, доставшимися... от вдовы Действительного Статского Советника Марьи Александровны Ульяновой по купчей крепости, совершенной и. о. Симбирского нотариуса Брызгалова Иванцевым, утвержденной Старшим Нотариусом Симбирского Окружного Суда 15 Июня 1887 года по реестру выписям под № 455"[192].

Ссылки на источники

[1] ГАУО, ф. 109, оп. 1, д. 1218.
[2] Там же, ф. 134, оп. 4, д. 3.
[3] Там же.
[4] Там же.
[5] Там же.
[6] Там же, д. 10.
[7] Там же, ф. 144, оп. 1, д. 84.
[8] К. П. Гайдашенко. Из истории создания Дома-музея В. И. Ленина в Ульяновске, стр. 6, 19. Ульяновск, 1977. Замкова почему-то превратилась у автора в Зайкову.
[9] ГАУО, ф. 115, оп. 93, д. 12.
[10] Там же, ф. 317, оп. 3, д. 20.
[11] Там же, ф. 134, оп. 4, д. 3.
[12] Там же, оп. 10, д. 3, л. 385 об.
[13] Там же, ф. 45, оп. 1, д. 300.
[14] Там же, ф. 134, оп. 4, д. 10.
[15] Там же, ф. 115, оп. 93, д. 12.
[16] Там же, ф. 124, оп. 3, д. 720.
[17] Там же, ф. 401, оп. 1, д. 9.
[18] Там же, ф. 124, оп. 3, д. 720.
[19] Там же, ф. 115, оп. 113, д. 431.
[20] Там же, ф. 317, оп. 2, д. 24, лл. 124—125.
[21] Там же, ф. 142, оп. 1, д. 7.
[22] Там же, л. 90.
[23] Там же, д. 9, л. 91.
[24] Там же, л. 92.
[25] Там же, л. 93.
[26] Там же, л. 98.
[27] Там же, л. 148.
[28] Там же, д. 21, л. 212.
[29] К. П. Гайдашенко, цит. соч., стр. 19.
[30] ПАУО, ф. 441, оп. 1, д. 36, лл. 180—183. В цит. выше книге К. П. Гайдашенко ошибочно дана ссылка на ГАУО вместо ПАУО (стр. 20).
[31] Симбирские губернские ведомости, 1870 г., 23 мая, № 38; 31 мая, № 41.
[32] ГАУО, ф. 134, оп. 10, д. 3, л. 338.
[33] Там же, ф. 713, оп. 1, д. 48.
[34] Там же, ф. 401, оп. 1, д. 9, лл. 165 об. — 166.
[35] Симбирские губернские ведомости, 1874 г., 26 января, № 7.
[36] ГАУО, ф. 137, оп. 34, д. 2248, л. 46 об.; д. 2258, л. 51 об.; д. 2269, л. 45 об.

[37] Там же, д. 2278, л. 46 об.; д. 2288, л. 90 об.
[38] Там же.
[39] Там же, ф. 142, оп. 1, д. 5, л. 231 об.
[40] Там же, ф. 134, оп. 4, д. 24.
[41] Там же, д. 3.
[42] Там же, ф. 1, оп. 10, д. 12; ф. 115, оп. 102, д. 42.
[43] Там же, ф. 117, оп. 15, д. 785.
[44] Там же, ф. 1, оп. 10, д. 12.
[45] Там же, оп. 3, д. 15, л. 1.
[46] Там же, оп. 10, д. 12.
[47] Там же, ф. 101, оп. 1, д. 118.
[48] Там же, ф. 134, оп. 12, д. 114, л. 401 об.; д. 128, л. 207 об.
[49] Очерки истории Ульяновской организации КПСС, ч. 1, стр. 472. Ульяновск, 1964 г.
[50] ГАУО, ф. 134, оп. 12, д. 114, л. 401 об.
[51] Там же, д. 128, л. 207 об.
[52] Там же, л. 494 об.
[53] Там же, ф. 144, оп. 2, д. 31, л. 28 об.
[54] ГАУО, ф. 108, оп. 7, д. 6, лл. 9—11 в 3-м деле.
[55] Там же, ф. 137, оп. 40, д. 5.
[56] Там же, ф. 1, оп. 3, д. 15, л. 1.
[57] Памятная книжка Симбирской губернии на 1861 год, стр. 18. Симбирск, 1861.
[58] Симбирские губернские ведомости, 1869 год, 30 августа, № 67.
[59] ГАУО, ф. 134, оп. 4, д. 24.
[60] Там же, ф. 81, оп. 1, дд. 625—626.
[61] Там же, ф. 101, оп. 1, д. 333.
[62] Там же, л. 6, ф. 174, оп. 1, д. 581.
[63] Там же, ф. 401, оп. 1, д. 237. Симбирские губернские ведомости, 1872 год, 1 апреля, № 23.
[64] ГАУО, ф. 45, оп. 1, д. 209.
[65] П. Мартынов. Селения Симбирского уезда, стр. 73. Симбирск, 1903.
[66] Симбирские губернские ведомости, 1871 год, 28 сентября, № 71.
[67] ГАУО, ф. 401, оп. 1, д. 237.
[68] Там же, ф. 45, оп. 1, д. 209, лл. 36.
[69] Там же, ф. 134, оп. 10, д. 3, л. 478 об.; ф. 45, оп. 1, д. 209.
[70] Там же, ф. 134, оп. 10, д. 3, л. 478 об.; ф. 45, оп. 1, д. 209.
[71] Памятная книжка Симбирской губернии на 1861 год, стр. 11 и 73. Симбирск, 1861.
[72] ГАУО, ф. 317, оп. 9, д. 441.
[73] Памятная книжка Симбирской губернии на 1868 год, ч. II, стр. 52. Симбирск, 1868.
[74] ГАУО, ф. 1, оп. 2, д. 15.
[75] Там же, д. 90; ф. 45, оп. 1, д. 209, л. 1 об.
[76] М. Поступальская, С. Ардашникова. Обручев, стр. 26. М., 1963.
[77] П. Мартынов. Селения Симбирского уезда, стр. 73.
[78] А. И. Ульянова-Елизарова. Воспоминания об Александре Ильиче Ульянове. В кн.: Александр Ильич Ульянов и дело 1 марта 1887 г., стр. 56—57. М.—Л., 1927.
[79] Симбирские губернские ведомости, 1880 г., 16 февраля, № 12.
[80] ГАУО, ф. 115, оп. 76, д. 29.

[81] П. Бейсов. Домашняя школа Анны Ульяновой. Ульяновская правда, 1971 год, 18 августа.

[82] Симбирские губернские ведомости, 1884 год, 18 июля, № 52.

[83] ГАУО, ф. 675, оп. 1, д. 14, л. 557.

[84] Цит. по кн.: Ж. Трофимов. Гимназист Владимир Ульянов, стр. 185—186. Пенза, 1976.

[85] В. Арнольд. Семья Ульяновых в Самаре, стр. 14—15. Куйбышев, 1979

[86] ГАУО, ф. 148, оп. 1, д. 94.

[87] Там же, д. 186, л. 18 об. В. Арнольд. Родственники Ильича в Самаре. За советский станок (многотиражка. — С.), 1969, 30 мая. Куйбышев.

[88] Письмо В. Н. Арнольда С. Л. Сытину от 17 ноября 1971 г. Архив С. Л. Сытина.

[89] А. И. Ульянова-Елизарова. Воспоминания об Александре Ильиче Ульянове. В кн.: Александр Ильич Ульянов и дело 1 марта 1887 г., стр. 55—56 и др. М.—Л., 1927.

Двоюродные сестры В. И. Ленина, "кузины": Любовь Ивановна Веретенникова (1851—1925), Анна Ивановна Веретенникова (1855—1888), Екатерина Ивановна Веретенникова-Песковская (1859—1930), Екатерина Иосифовна (Осиповна) Лаврова (1862—1863), Любовь Иосифовна Лаврова-Воскресенская (1864—1912), Анна Иосифовна Лаврова (1867—1881) (См. В. Арнольд. Семья Ульяновых в Самаре, стр. 15—16).

Между тем, Анна Ильинична пишет, что "любимая кузина" была старше Александра Ильича на 3 года. Таким образом, это могла быть только Любовь Иосифовна Лаврова, в замужестве Воскресенская.

[90] ГАУО, ф. 99, оп. 1, д. 1039, лл. 13—16.

[91] 2 июля 1883 г. В. М. Стржалковский писал, что Е. Веретенникова "уже давно в Казани" (ГАУО, ф. 99, оп. 1, д. 1236, л. 12). Жалованье Веретенниковой за июнь того же года получил по доверенности Н. Лукьянов (ГАУО, ф. 137, оп. 34, д. 2340, л. 4).

[92] ГАУО, ф. 99, оп. 1, д. 1042.

[93] Там же, д. 1043.

[94] Там же, ф. 134, оп. 22, д. 10, л. 179.

[95] О. Савин, Ж. Трофимов. И. Н. Ульянов в Пензе, стр. 152. Пенза, 1973.

[96] В. П. Прушакевич была, в частности, в Петербурге почти весь декабрь 1889 г. (ГАУО, ф. 713, оп. 1, д. 133).

[97] С. Рубанов. Здесь были все Ульяновы. Ульяновский комсомолец, 1972 год, 21 апреля.

[98] ГАУО, ф. 99, оп. 1, д. 1039, лл. 15—16.

[99] Рубанов, цит. статья.

[100] Переписка семьи Ульяновых, стр. 13. М., 1969.

[101] Рубанов, цит. статья.

[102]

[103] Безгин И. Г. Симбирская губернская гимназия (1786—1887 гг.), стр. 277, 279. С.—Пб., 1888.

[104] Ж. Трофимов. Гимназист Владимир Ульянов, стр. 137. Пенза, 1976.

[105] А. И. Ульянова-Елизарова. Воспоминания об Александре Ильиче Ульянове. В кн.: Александр Ильич Ульянов и дело 1 марта 1887 г., стр. 63. М.—Л., 1927.

[106] Ж. Трофимов. Класс Александра Ульянова. Ульяновская правда, 1976 г., 10 апреля.

[107] Ж. Трофимов. Ульяновы, стр. 112. Саратов, 1978. См. также: Ж. Трофимов, Товарищ Александра Ульянова. "Курортная газета" (Ялта), 1972 г., 12 ноября.

[108] В. Алексеев и А. Швер. Семья Ульяновых в Симбирске (1869—1887). Под ред. и с примечаниями А. И. Ульяновой-Елизаровой. М.—Л., 1925, стр. 41. И этот отрывок из воспоминаний В. Л. Персиянинова и сопровождающий его текст из книги Алексеева и Швера (кроме примечания А. И. Ульяновой) дословно повторяется в публикации "Гимназические годы В. И. Ленина. Из неизданных материалов" в журнале "Красная панорама", 1925, № 3, стр. 3.

[109] Адрес-календарь лиц, служащих в Симбирской губернии. Симбирск, 1875, стр. 139.

[110] ГАУО, ф. 101, оп. 1, д. 436.

[111] Письмо Н. В. Толмачевой С. Л. Сытину от 24 февраля 1969 г. Архив С. Л. Сытина.

[112] ГАУО, ф. 45, оп. 1, д. 546.

[113] Там же, ф. 454, оп. 25, д. 39.

[114] Письмо Н. В. Толмачевой от 7 апреля 1969 г.

[115] Справка ЦГАОР СССР № 2373 от 4/1 1972 г. "О привлечении Л. В. Персиянинова к дознанию по делу о распространении в Зарайске нелегальных кружков и прокламаций". Архив П. П. Евдокимова.

[116] Рязанский областной государственный архив, ф. 25, оп. 60, св. 67, д. 24.

[117] ГАУО, ф. 45, оп. 1, д. 546.

[117a] "Анна Ник. встречалась с Иваном Ивановичем (Пущиным. — С.), когда он вернулся из ссылки и некоторое время жил в Москве, где в то время жила и училась Анна Николаевна. Я знаю, что мама (Мария Александровна Персиянинова, урожд. Шипилова. — С.) передавала какие-то Пущинские документы и портреты (миниатюры маслом) в пушкинский музей в Москве..." (Письмо Н. В. Толмачевой от 7 апреля 1969 г.)

[118] Там же.

[119] Письмо Н. В. Толмачевой от 12 марта 1969 г.

[120] Свидетельство о присвоении звания народной учительницы Анне Николаевне Пущиной от 31 декабря 1964 г. Подлинник. Архив С. Л. Сытина.

[121] ГАУО, ф. 401, оп. 1, д. 698.

[122] Письмо Н. В. Толмачевой от 12 марта 1969 г.

[123] Там же. Сохранилось завещание А. Н. Персияниновой, составленное в 1915 г. "Вполне уверена, — заканчивала она завещание, — что дети мои не будут враждовать из-за всего того, что после смерти остается, и тем дадут мне вечный покой" (ГАУО, ф. 156, оп. 1, д. 1223).

[124] ГАУО, ф. 454, оп. 25, д. 39.

[125] Памяти Льва Васильевича Персиянинова. Перепеч. из №№ 57 и 59 неофиц. отдела "Симб. Губ. Вед." 1897 г. Симбирск, 1897, стр. 1, 3. См. также: П. Евдокимов. Жил для блага людей. Ульяновская правда, 1976.

[126] Симбирская земская газета, 1877 г., № 36. 11 сентября

[127] Памяти Л. В. Персиянинова, стр. 5.

[128] И. Н. Ульянов. Отчет о состоянии начальных народных училищ Симбирской губернии за 1873 гражданский год, Симбирск, 1874.

[129] Л. В. Персиянинов. Школы Буинского уезда. Симбирская земская газета, 1877 г., № 36.

В 1875 г. Персиянинов посетил 8 училищ (И. Н. Ульянов. Отчет о состоянии начальных народных училищ Симбирской губернии за 1875 гражданский год, стр. 36. Симбирск, 1876).

[130] Памяти Л. В. Персиянинова, стр. 5.

[131] Там же, стр. 6—7.

[132] Там же, стр. 10—11.

[133] Там же, стр. 16.

[134] Симбирские губернские ведомости, 1895 г. №№ 34—36.
[135] ГАУО, ф. 454, оп. 25, д. 39; ф. 45, оп. 1, д. 546.
[136] Н. В. Толмачева. Письмо С. Л. Сытину от 24 февраля 1969 г. Архив С. Л. Сытина.
[137] ГАУО, ф. 156, оп. 1, д. 1223.
[138] В. Алексеев и А. Швер. Семья Ульяновых в Симбирске (1869—1887) стр. 41.
[138а] ГАУО, ф. 101, оп. 1, д. 444.
[139] Ж. Трофимов. Гимназист Владимир Ульянов, стр. 84. Пенза, 1976.
[140] Алексеев и Швер, цит. соч., стр. 41.
[141] ГАУО, ф. 45, оп. 1, д. 546.
[142] Н. В. Толмачева, Письмо от 12 марта 1969 г.
[143] ГАУО, ф. 1, оп. 37, д. 172.
[144] Там же, ф. 45, оп. 1, д. 546; ф. 156, оп. 1, д. 1223.
[145] Владимир Ильич Ленин. Биографическая хроника, т. 7, март—ноябрь 1919. М., 1976, стр. 181.
[146] Ленинский сборник, XXXVIII, стр. 259—260.
[147] Н. В. Толмачева. Письмо от 7 апреля 1969 г.
[148] Там же.
[149] ГАУО, ф. Р-183, оп. 6, д. 183.
[149а] "Шарапов Константин Павлович (р. 1895) — член КПСС с 1919 г. В 20-х гг. работал в Ульяновске начальником милиции, председателем горсовета и на других должностях. Ныне персональный пенсионер" (Очерки истории Ульяновской организации КПСС, ч. 1, стр. 507. Ульяновск, 1964 г.)
[150] ГАУО, ф. Р-183, оп. 6, д. 183.
[151] Ленин и Симбирск, 2-е изд., стр. 500—501, 428. Ульяновск, 1970.
[152] Н. В. Толмачева. Письмо от 7 апреля 1969 г.
[153] Там же, письмо от 20 февраля 1969 г.
[154] Там же, письмо от 7 апреля 1969 г.
[155] Там же, письмо от 12 марта 1969 г.
[156] Там же, письмо от 7 апреля 1969 г.
[157] Ульяновский Дом-музей В. И. Ленина. Сборник воспоминаний, т. 1, стр. 34.
[158] В. Ефремова. Принадлежу театру. Огонек, 1979, № 44, стр. 30. "В браке со своим классовым врагом, — писала Наталья Васильевна Персиянинова 18 декабря 1927 г. Н. Н. Столову, — пользуюсь счастьем совершенно исключительным, т. к. кроме любви и забот обо мне он же поддерживает мою несчастную, замученную "дворянскую семью" (сообщено А. Макеевым).
[159] В. Ефремова. Принадлежу театру. Огонек, 1979, № 44, стр. 30.
[160] А. Иванский. Илья Николаевич Ульянов. По воспоминаниям современников. М., 1963, стр. 277.
[161] В. Ефремова, цит. статья. Огонек, 1979, № 44, стр. 30.
[162] Н. В. Толмачева, Письмо от 12 марта 1969 г.
[163] ГАУО, ф. 101, оп. 1, д. 578, д. 656.
[164] Там же, ф. 45, оп. 1, д. 546.
[165] Списки избирателей в 4-ю Государственную думу по Симбирской губернии, (1912 г.), стр. 20.
[166] Н. В. Толмачева. Письмо от 12 марта 1969 г.
[167] ГАУО, ф. 454, оп. 46, д. 33. Дети Василия Львовича Персиянинова: Наталья (род. 1902 г.), Марианна (1904), Лев (1909), Сергей (1911).
[168] Там же, ф. Р-183, оп. 6, д. 153, д. 187.
[169] Н. В. Толмачева. Письмо от 20 февраля 1969 г.

[170] Там же, письмо от 12 марта 1969 г.
[171] ГАУО, ф. 45, оп. 1, д. 546.
[172] Списки избирателей в 4-ю Государственную думу по Симбирской губернии, (1912 г.), стр. 21.
[173] ГАУО, ф. 60, оп. 1, д. 300.
[174] Н. В. Толмачева, Письмо от 12 марта 1969 г.
[175] Там же.
[176] Алексеев и Швер, цит. соч., стр. 34. В другом варианте своих воспоминаний Нефедьев пишет, что ему было 8—9 лет ("Семья Ульяновых", изд. 3-е, стр. 93. Саратов, 1966).
[177] К. П. Гайдашенко, цит, соч., стр. 44.
[178] А. И. Ульянова-Елизарова, Воспоминания об Александре Ильиче Ульянове. В кн.: Александр Ильич Ульянов и дело 1 марта 1887 г., стр. 60—61. М.—Л., 1927.
[179] Алексеев и Швер, цит. соч., стр. 37, 38.
[180] Мариэтта Шагинян. Воспоминания о Надежде Константиновне Крупской. В кн.: Мариэтта Шагинян. Семья Ульяновых. Статьи. Очерки. Воспоминания. М., 1959, стр. 179.
[181] Очерки истории Ульяновской организации КПСС, ч. 1, стр. 493. Ульяновск, 1964.
[182] Там же, стр. 152.
[183] Симбирское слово, 1917 г., 18 августа, № 125.
[184] ГАУО, ф. 137, оп. 41, д. 22, л. 29 об., л. 142 об.
[185] ПАУО, ф. 441, оп. 1, д. 36.
[186] Н. Нефедьев ... "За коммунистическое просвещение", 1937 г. № 11, от 22 января. Цит. по кн.: "Семья Ульяновых", изд. 3-е, стр. 62—63. Саратов, 1966 г.
[187] Д. И. Ульянов. Воспоминания о Владимире Ильиче. М., 1968, стр. 16—17. Цит. по кн.: Ленин и Симбирск, изд. 2-е, стр. 443.
[188] Ж. Трофимов. Гимназист Владимир Ульянов, стр. 136—137. Пенза, 1976. См. также: Ж. А. Трофимов. Последняя симбирская весна, "Волга", 1975, № 11, стр. 133.
[189] ГАУО, ф. 101, оп. 1, д. 578.
[190] Архив С. Л. Сытина.
[191] ГАУО, ф. Р-183, оп. 6, д. 187.
[192] Там же, ф. 1, оп. 21, д. 282.

Е. В. ШИМОНЕК

Министр А. Д. Протопопов (по материалам Государственного архива Ульяновской области)

Жизнь и деятельность последнего министра внутренних дел царской России Александра Дмитриевича Протопопова до настоящего времени изучены крайне мало. Это объясняется однозначно негативной оценкой, которую давала советская историческая наука по отношению к этой личности.

А. Д. Протопопов не был уроженцем Симбирской губернии, тем не менее большой период своей жизни он был связан с этим регионом. В фондах Государственного архива Ульяновской области (ГАУО) сохранился значительный комплекс документов, позволяющих достаточно подробно проследить основные вехи биографии А. Д. Протопопова.

В деле о дворянстве А. Д. Протопопова имеется копия метрической записи о его рождении. Александр Дмитриевич родился 18 декабря (по ст. ст.) 1866 г. в с. Маресево Лукояновского уезда Нижегородской губернии в семье помещика того же села губернского секретаря Дмитрия Алексеевича Протопопова и его жены Александры Яковлевны[1]. Крещен 1 января 1867 г. в церкви с. Маресево[2]. Кроме него в семье Протопоповых был еще старший сын Сергей[3].

В дореволюционной России существовало несколько довольно разветвленных дворянских родов Протопоповых. Даже в Симбирской губернии, согласно данным В. Н. Поливанова, насчитывалось 3 фамилии дворян Протопоповых[4]. И все-таки объяснение этимологических корней данной фамилии известным историком В. Б. Кобриным может быть применимо и к фамилии именно того рода Протопоповых, к которому принадлежит Александр Дмитриевич Протопопов. В. Б. Кобрин считает, что эта фамилия берет свое начало от протопопа придворного Благовещенского собора в Московском Кремле Василия Кузьмича. Он принадлежал к элите русского духовенства, ибо его духовным сыном был сам государь. Именно как "отец духовный" протопоп присутствовал

при составлении духовной записи Василия III перед казанским походом 1523 г.[5].

Образование Александр Дмитриевич получил в I Санкт-Петербургском кадетском корпусе и вступил в службу 26 сентября 1883 г. прикомандированным к Николаевскому кавалерийскому училищу[6]. В 1884 г. произведен в унтер-офицеры, а затем в портупей-юнкера[7]. 7 августа следующего года А. Д. Протопопов был произведен в корнеты лейб-гвардии Конно-Гренадерского полка[8].

В январе 1888 г. Александр Дмитриевич женился на дочери директора I Санкт-Петербургского кадетского корпуса Ольге Павловне Носович[9]. Венчание происходило в церкви Рождества Иоанна Предтечи при I кадетском корпусе[10]. 25 декабря 1889 г. в семье появилась дочь Наталия[11], а 12 января 1894 г. — дочь Агния[12].

Тем временем Протопопов из корнетов был в 1889 г. произведен в поручики[13], а Высочайшим приказом от 22 декабря 1890 г. по болезни уволен от военной службы в чине штабс-ротмистра[14].

Примерно тогда же погиб от рук террористов дядя А. Д. Протопопова генерал-лейтенант Николай Дмитриевич Селиверстов[15]. После его смерти племяннику досталось в наследство 465 десятин земли и суконная фабрика при с. Румянцево Карсунского уезда[16]. Можно предположить, что полученное наследство было одной из причин ухода А. Д. Протопопова в отставку. Именно оно и связало жизнь Александра Дмитриевича с Симбирской губернией.

В отставке будущий министр пробыл недолго и 30 января 1891 г. был причислен сверх штата к Собственной Его Императорского Величества Канцелярии по учреждениям ведомства императрицы Марии[17]. Так началась статская служба и будущая политическая и общественная карьера Александра Дмитриевича Протопопова.

В мае 1892 г. он был назначен почетным членом Демидовского дома призрения трудящихся[18]. Именно "за отличное усердие и особые труды на пользу Дома Анатолия Демидова" Протопопов был награжден орденом св. Станислава III степени в 1896 г., орденом св. Анны III степени в 1899 г. и орденом св. Станислава II степени в 1903 г.[19] А вообще в формулярном списке А. Д. Протопопова кроме этих наград значатся еще следующие ордена и медали: св. Станислава I степени, св. Владимира III и IV степеней, св. Анны I степени, серебряная медаль в память царствования императора Александра III на Александровской ленте, нагрудный знак отличия "За труды по землеустройству" и светло-бронзовая медаль в память 300-летия царствования Дома Романовых[20].

8 марта 1893 г. Александр Дмитриевич Протопопов был назначен пожизненным попечителем благотворительных заведений Н. Д. Селиверстова, учрежденных при с. Румянцево Карсунского уезда[21]. Попечительницей заведений была также и Ольга Павловна Протопопова[22].

Нужно отметить, что благотворительные заведения Н. Д. Селиверстова или Селиверстовские заведения, как значатся они во многих документах, представляли собой целый конгломерат учреждений, существующих на частные пожертвования и входящих в систему ведомства императрицы Марии. Они включали в себя: двухклассное училище Н. Д. Селиверстова, бесплатную народную библиотеку, 2 приюта-интерната для мальчиков и девочек, богадельню, больницу и амбулаторию, учебную пасеку, учебные мастерские — столярную, слесарную и кузнечную[23].

При переходе на статскую службу Александру Дмитриевичу соответственно его военному чину гвардии поручика был присвоен в 1892 г. чин титулярного советника[24]. К концу же своей жизни и карьеры А. Д. Протопопов имел чин действительного статского советника и звание камер-юнкера двора Его Императорского Величества[25].

11 апреля 1894 г. "отставной гвардии штабс-ротмистр" Протопопов подал прошение в Симбирское дворянское депутатское собрание, в котором указывал: "...я состою потомственным дворянином Нижегородской губернии, между тем я владею унаследованными после генерал-лейтенанта Николая Дмитриевича Селиверстова (записанного в книгу дворян Симбирской губернии) имениями, состоящими Симбирской губернии Карсунского уезда при селах Жадовке и Румянцеве"[26]. На основании чего А. Д. Протопопов и просил внести его с семьей в книгу дворян Симбирской губернии. 28 апреля 1894 г. род Протопоповых был причислен к обществу симбирских дворян и внесен во II часть дворянской родословной книги[27].

Именно в Симбирской губернии началась карьера Протопопова сначала как общественного деятеля, а затем как политика и государственного мужа. 18 декабря 1900 г. он был избран на должность депутата дворянства по Карсунскому уезду[28]. В 1902 г. — почетного мирового судьи по Карсунскому уезду, в которой он с перерывом пребывал вплоть до 1917 г.[29]. 30 сентября 1905 г. Протопопов был выбран на пост предводителя дворянства Карсунского уезда Симбирской губернии[30]. Состоял он в этой должности бессменно вплоть до избрания губернским предводителем дворянства в 1916 г.[31]. В 1906 г. Протопопов утвержден в

должности почетного смотрителя Карсунского городского 3-классного училища[32]. В 1910 г. ему присвоено звание почетного гражданина г. Карсуна[33].

Александр Дмитриевич Протопопов являлся также членом Симбирской ученой архивной комиссии. В дар архивной комиссии в 1904 г. им было передано несколько ценных документов, в числе которых грамота Ивану Болобанову от 1736 г., 2 грамоты на ордена генерал-лейтенанту Н. Д. Селиверстову за собственноручной подписью императора Александра II, грамота иерусалимского патриарха Иосифа Валерия и др.[34]

Одновременно Александр Дмитриевич поднимался все выше по ступенькам роста государственного деятеля: депутат Государственных дум 3-го и 4-го созывов, с 1914 г. — товарищ председателя Государственной думы, с 1916 г. — председатель Совета съездов представителей металлургической промышленности[35].

Летом 1916 г., будучи председателем думской делегации в Англии, А. Д. Протопопов вел переговоры в Стокгольме с неофициальным агентом германского правительства банкиром Варбургом о возможности заключения сепаратного мира[36].

16 сентября 1916 г. Александр Дмитриевич Протопопов был назначен на пост министра внутренних дел России[37]. Из Симбирска в Петроград по этому случаю 22 сентября была направлена поздравительная телеграмма: "Петроград. Его высокопревосходительству министру внутренних дел Александру Дмитриевичу Протопопову. Симбирская городская дума искренно приветствует Ваше высокопревосходительство, как своего родного гражданина с назначением на высокий и ответственный пост руководителя внутренними делами нашей родины России. В этом Высочайшем акте выраженного к Вам доверия городская дума усматривает высокомилостивый знак внимания Его Императорского Величества Государя Императора к общественным деятелям, к числу которых всегда принадлежали Вы по избранию членом Государственной думы и в должностях губернского и уездного предводителя дворянства. Городская дума выражает Вам наилучшие пожелания успешной и плодотворной деятельности на новом высоком посту, доверием Государя Императора Вам вверенном. Симбирский городской голова Афанасьев"[38].

С ответом министр не задержался: " Прошу Вас принять, а также передать городской думе мою глубокую благодарность за поздравление и выраженное благопожелание. Шлю родному мне городу Симбирску сердечный привет. Протопопов"[39].

Кратковременное пребывание А. Д. Протопопова на посту министра внутренних дел (до февраля 1917 г.) породило массу слухов, кривотолков и сплетен, эхо которых докатилось из столицы и до Симбирска. Три дня подряд — 21—23 января 1917г. — симбирское дворянство обсуждало на своих собраниях вопрос о деятельности министра внутренних дел[40]. Журналы заседаний этого собрания являются интересным источником для изучения биографии и личности А. Д. Протопопова. В ходе обсуждения высказывались различные, иногда совершенно полярные оценки Протопопова как дворянина и как министра: "... М. А. Пашков[41] предлагает обратиться к Протопопову с просьбой оставления им для блага Родины министерского поста. Его политика ведет к государственному перевороту.

С. П. Дурасов[42] заявляет, что даже у Штюрмера[43] хватило самолюбия уйти, когда его обвиняли в измене, а Протопопов сидит и переносит молча все оскорбления, не принимая никаких мер к защите своей чести. "Общество 1914 года"[44] прямо обвиняет его в измене Родине. Имя Протопопова занесено в "черную книгу"[45], несмотря на представленное им объяснение оно и поныне там. Он не закрыл общество и не привлек его за клевету, как это сделал Штюрмер с Милюковым[46]...

А. А. Мотовилов:[47] "Симбирское дворянство не имеет за собой никакой вины в деле Протопопова. Его уважали, любили. Выбирали в думу хорошо, даже лучше, чем других, в предводители и в президиум думы также. Протестую против инкриминируемых ему бесчестных поступков. Мягкость характера не позорна. Протопопов реагировал всякий раз на оскорбления Пуришкевича[48] и Бобринского[49], он вызывал на дуэль второго, а первый от дуэли уже отказался и потому — по кодексу о дуэлях — не мог принимать таковых. В думе возражать запретил Протопопову Совет министров с Треповым[50] во главе, а Родзянко[51] закрыл заседание, чем лишил Протопопова возможности возражать на обвинения депутатов с кафедры в качестве депутата. Думаю, что министром Протопопов сделан благодаря поездке за границу, успешно проведенной им. Послы Палеолог[52] и Бюкенен[53] его хвалили. Никакого стыда я не чувствую, что выбрали Протопопова. Он — не изменник, не бесчестный человек. Никаких оснований его обвинения нет. Протопопов затеял газету[54] для ознакомления общества с металлургической промышленностью, о которой мало знают при богатствах минеральных России, за это осуждать нельзя.. Родзянко был в самых хороших отношениях с Протопоповым и случай неподачи руки[55] мне известен только из газет".

В заключение А. А. Мотовилов сказал, что Протопопова обвинять не может..."[56].

Трехдневное обсуждение закончилось тем, что было решено переизбрать губернского предводителя дворянства и потребовать "от дворянина А. Д. Протопопова объяснения по поводу оглашенных в собрании его действий"[57].

Через несколько дней в одной из газет губернии появилась заметка под названием "Симбирское дворянство и А. Д. Протопопов", подписанная таинственным инициалом ("Р"): "Группой симбирских дворян во главе с полковником С. Дурасовым поднят вопрос о необходимости обсудить действия А. Д. Протопопова.

С этой целью указанные лица подали исполняющему должность симбирского губернского предводителя дворянства М. Ф. Белякову заявление, в котором подробно рассматривается поведение и политическая карьера А. Д. Протопопова. В частности, заявление обращает внимание на "неверный доклад о беседе в Стокгольме г.г. губернским предводителям дворянства" и на издание газеты на средства банков.

После изложения фактов и выяснения их значения записка говорит: "Мы обращаемся к Вашему превосходительству, как исполняющему должность губернского предводителя дворянства, с ходатайством созвать безотлагательно собрание г.г. предводителей и депутатов для всестороннего рассмотрения нашего заявления"[58].

Редактора-издателя газеты Н. И. Батракова за эту заметку подвергли штрафу в размере 2 тыс. руб., т. к. телефонным распоряжением главноначальствующего Симбирской губернии от 25 января 1917 г. прессе запрещено было помещать сведения относительно резолюций дворянского собрания, касающихся А. Д. Протопопова[59].

Затребованные от него объяснения министр, по-видимому, дать не успел. Наступил февраль 1917 г.

В своих мемуарах старый друг и однополчанин А. Д. Протопопова по лейб-гвардии Конно-Гренадерскому полку П. Г. Курлов дает довольно неоднозначную оценку последнего министра как человека и государственного деятеля: "Все знакомые А. Д. Протопопова согласятся, что он олицетворял собой тип так называемого шармёра[60], — никто не мог ему отказать в уме и таланте. Ведь недаром же он был persona grata Государственной думы, товарищем председателя которой он был неоднократно избираем громадным большинством! Наконец та же дума не нашла в своей среде другого человека, чтобы представить ее при указанной

заграничной поездке[61]. Талантливые речи и личное обаяние подтвердили в чужих краях правильность думского избрания...

Государь император под обаянием личности А. Д. Протопопова и в желании пойти навстречу Государственной думе в ее постоянных стремлениях, чтобы министры избирались из ее среды, назначил его на пост министра внутренних дел...

В дальнейшем у него не оказалось привычки к систематической работе, не было и определенных взглядов на те или другие государственные вопросы, а главное — отсутствовала решимость довести какое-либо предначертание до конца. В министерстве начался полный хаос, а политические разглагольствования министра вызвали протест даже со стороны его товарищей: князя В. М. Волконского и В. А. Бальца и совершенно сбили с толку директоров департаментов и прочих подчиненных лиц, что повлекло за собой полную приостановку правильного функционирования ведомства..."[62].

Надо полагать, что историкам и краеведам еще предстоит дать правильную и объективную оценку личности Александра Дмитриевича Протопопова и определить его место в российской истории.

---

[1] ГАУО. Ф. 45. Оп. 1. Д. 533. Л. 3.

[2] Там же.

[3] Там же. Л. 2.

[4] Поливанов В. Н. Материалы к истории симбирского дворянства (1781—1900). Симбирск, 1900. С. 35.

[5] Кобрин В. Б. Опыт изучения семейной генеалогии (Протопоповы — Мезецкие —Пронские). — Вспомогательные исторические дисциплины. Т. XIV. АН СССР, отделение истории, Археографическая комиссия, Ленинградское отделение. Л., Наука, 1983. С. 50—59.

[6] ГАУО. Ф. 88. Оп. 5. Д. 640. Л. 1 об.

[7] Там же.

[8] Там же.

[9] ГАУО. Ф. 45. Оп. 1. Д. 533. Л. 4.

[10] Там же.

[11] Там же. Л. 4 об.

[12] Там же. Л. 5.

[13] ГАУО. Ф. 88. Оп. 5. Д. 640. Л. 1 об.

[14] Там же.

[15] Козлов Ю. В. Неизвестный Протопопов. — Симбирский курьер, 1995, 14 янв., № 5.

[16] ГАУО. Ф. 88. Оп. 5. Д. 640. Л. 1 об.; Ф. 45. Оп. 1. Д. 533. Л. 1—1 об.

[17] ГАУО. Ф. 88. Оп. 5. Д. 640. Л. 1 об.

[18] ГАУО. Ф. 454. Оп. 34. Д. 77. Л. 3 об.
Демидовский дом призрения трудящихся был открыт в Санкт-Петербурге в 1833 г. на капитал в 500 тыс. руб., пожертвованный Анатолием Николаевичем Демидовым. Совмещал в себе черты дома трудолюбия и дешевых квартир.

[19] ГАУО. Ф. 88. Оп. 5. Д. 640. Л. 3 об., 4 об.
[20] Там же. Л. 1 об., 2 об.
[21] Там же. Л. 2 об.
[22] ГАУО. Ф. 48. Оп. 1. Д. 196. Л. 7.
[23] ГАУО. Ф. 76. Оп. 5. Д. 261; Ф. 48. Оп. 1. Д. 196. Л. 3—7.
[24] ГАУО. Ф. 88. Оп. 5. Д. 640. Л. 2 об. — 3.
[25] Там же. Л. 1 об., 6 об.
[26] ГАУО. Ф. 45. Оп. 1. Д. 533. Л. 1—1 об.
[27] Поливанов В. Н. Материалы к истории.... С. 35.
[28] ГАУО. Ф. 88. Оп. 5. Д. 640. Л. 4—4 об.
[29] Там же. Л. 4 об., 5 об., 7 об., 8 об.
[30] ГАУО. Ф. 477. Оп. 1. Д. 546. Л. 52 об.
[31] ГАУО. Ф. 45. Оп. 1. Д. 679. Л. 164.
[32] ГАУО. Ф. 88. Оп. 5. Д. 640. Л. 5 об.
[33] Там же. Л. 7 об.
[34] Отчет о деятельности Симбирской ученой архивной комиссии за 1904 г. Симбирск, 1905. С. 6.
[35] Советская историческая энциклопедия. Т. 11. М., 1968. С. 643.
[36] Там же.
[37] ГАУО. Ф. 88. Оп. 5. Д. 640. Л. 10 об.
[38] ГАУО. Ф. 137. Оп. 36. Д. 100. Л. 114.
[39] Там же.
[40] ГАУО. Ф. 477. Оп. 3. Д. 177.
[41] Пашков М. А. — коллежский регистратор, депутат дворянства по Курмышскому уезду.
[42] Дурасов С. П. — гвардии полковник.
[43] Штюрмер Б. В. — русский государственный деятель, министр внутренних дел России в период марта — июля 1916 г.
[44] "Общество 1914 года" — политическая организация черносотенного толка, выступавшая под девизом "Борьба с немецким засильем и возрождение России".
[45] Имеется в виду т. н. "черная книга" "Общества 1914 года", куда имя А. Д. Протопопова было внесено одним из первых решением общего собрания членов общества от 16 октября 1916 г. В Симбирское дворянское депутатское собрание была прислана выписка из протокола собрания (ГАУО. Ф. 477. Оп. 3. Д. 178. Л. 1.).
[46] Милюков П. Н. — русский политический деятель, лидер Конституционно-демократической партии, историк, публицист, депутат Государственной думы 3-го и 4-го созывов.
[47] Мотовилов А. А. — действительный статский советник, депутат Государственной думы 4-го созыва.
[48] Пуришкевич В. М. — русский политический деятель, монархист, черносотенец, депутат Государственной думы 2—4-го созывов.
[49] Бобринский В. А., граф — депутат Государственной думы 2—4-го созывов.
[50] Трепов А. Ф. — председатель Совета министров России в период ноября—декабря 1916 г.
[51] Родзянко М. В. — русский политический деятель, один из лидеров партии октябристов, депутат Государственной думы 3-го и 4-го созывов.
[52] Палеолог Ж. М. — французский посол в России в период 1914—1917 гг.
[53] Правильное написание — Бьюкенен. Бьюкенен Дж. У. — английский посол в России в период 1910—1918 гг.

[54] Имеется в виду "Русская воля" — газета, основателем и редактором которой был А. Д. Протопопов. Выходила с декабря 1916 г. по октябрь 1917 г.

[55] Симбирские дворяне поставили в вину А. Д. Протопопову тот факт, что 1 января 1917 г. в царском дворце М. В. Родзянко не подал ему своей руки.

[56] ГАУО. Ф. 477. Оп. 3. Д. 177. Л. 2 об.— 3.

[57] Там же. Л. 14.

[58] Сызранский курьер, 1917, 29 янв., № 24.

[59] ГАУО. Ф. 76. Оп. 6. Д. 854. Л. 7.

[60] От charme (фр.) — очарование.

[61] Имеется в виду поездка думской делегации в Англию, о которой писалось выше.

[62] Курлов П. Г. Гибель императорской России. М., Современник, 1991. С. 229, 230, 231—232.

Ю. В. КОЗЛОВ

Румянцевский Третьяков

В России не было недостатка в благотворителях, которые открывали больницы и приюты, строили храмы и учебные заведения, учреждали стипендии. А самым крупным благотворителем Симбирского края был генерал Н. Д. Селиверстов.

Николай Дмитриевич родился в 1830 году и принадлежал к старинному дворянскому роду, происходящему от выехавшего из Большой орды "мужа честна" Феогниста, в крещении Василия, сын которого Селиверст был родоначальником Селиверстовых[1]. Воспитывался он в столичной Школе гвардейских подпрапорщиков и кавалерийских юнкеров и после завершения учебы, в августе 1847 года, начал службу корнетом в лейб-гвардии Гусарском полку[2]. Это был один из самых престижных гвардейских полков, где могли служить только богатые дворяне, так как затраты на пребывание в нем значительно превышали офицерское жалованье. В апреле 1849 года Селиверстов, имея от роду 20 лет, получил звание поручика и спустя несколько месяцев был утвержден полковым казначеем[3].

К тому времени его отец уже умер, и мать Екатерина Илларионовна, урожденная Безобразова, вновь вышла замуж за майора Алексея Алексеевича Протопопова. Отчим уволился с военной службы и приобрел в Карсунском уезде Симбирской губернии село Румянцево, принадлежавшее поначалу сподвижнику Петра I генерал-адъютанту графу А. И. Румянцеву. В трех верстах от Румянцева, на речке Барыше, Алексей Алексеевич основал суконную мануфактуру, которая в 1848 году выдала первые аршины суровья. Здесь было установлено 60 ручных станков, которые обслуживали около 200 крепостных[4].

Спустя десятилетие Румянцевская фабрика насчитывала уже более тысячи работающих и выпускала около 400 тысяч аршин сукна в год. Хозяин приобрел для фабрики новейшее оборудование, ввел прогрессивную денежную оплату труда. Друзья Протопопова, посещавшие фабричный поселок, удивлялись его "европейским порядкам". Порядки эти заключались в том, что в жилых

корпусах Алексей Алексеевич выделил каждой семье по отдельной комнате. Застольная на Румянцевской фабрике была почище и харчи там были получше, чем, к примеру, на Гурьевской или Ишеевской фабриках той же Симбирской губернии. Для удобства рабочих, чтобы не ездить в единственный выходной на базар, в Жадовку, была создана фабричная лавка. Протопопов также открыл при фабрике больницу и воскресную школу.

После смерти А. А. Протопопова Румянцевская суконная фабрика перешла во владение его жены. Симбирский губернатор Е. Н. Извюков в отчете за 1859 год отмечал: "По оборотам своим первое место занимают в губернии суконные фабрики, из них же самая значительная Карсунского уезда в с. Румянцеве г. Протопоповой, на которой выделано в 1859 году сукон на сумму 1458950 рублей серебром. На этой фабрике... начинают выделывать тонкие сукна, а также драп наподобие заграничного и довольно доброкачественного сорта"[5].

В тот год 12 апреля Н. Д. Селиверстов был произведен в полковники и назначен "для особых поручений" к шефу жандармов[6]. В декабре 1861 года высочайшим приказом Николай Дмитриевич был назначен для особых поручений при министре внутренних дел, где немало способствовал успешному введению в действие Положений 19 февраля 1861 года о крестьянах, вышедших из крепостной зависимости. Немало сил пришлось приложить полковнику Селиверстову для наведения порядка и в его собственном селе Румянцеве, унаследованном вместе с суконной фабрикой от матери, где весной 1861 года вспыхнули крестьянские волнения. "В селе Румянцеве беспорядки происходят столь великие, — доносил мировой посредник симбирскому начальству, — что дальнейшее продолжение их может иметь пагубное влияние на всю округу"[7].

После отмены крепостного права многие дворяне, использовавшие в качестве дешевой рабочей силы собственных крепостных, вынуждены были закрыть свои фабрики или продать их более удачливым купцам. Селиверстов же наоборот всячески старался расширить производство, выписывал для фабрики из-за границы дорогое, но производительное оборудование, для обучения мастеровых приглашал иностранных специалистов. В 1861 году на Румянцевской фабрике появилась первая паровая машина, чуть позднее — вторая паровая машина и локомобиль. К тому времени здесь выпускалось более 30 сортов тканей, которые поставлялись в казну и частным лицам, а также продавались на Нижегородской ярмарке и в Симбирске. Румянцевские сукна в 1861 году пока-

зывали на Санкт-Петербургской выставке русской мануфактурной промышленности, владелец получил за них большую серебряную медаль. А в следующем году на Симбирской губернской выставке за освоение и выпуск хорошего и дешевого крестьянского сукна ему вручили золотую медаль. При фабрике были устроены вспомогательные заводы — свечной, клеевой, мыльный, поташный, маслобойный, кожевенный, чугунолитейный, а также посажены плантации красильных трав. Все это снижало себестоимость продукции и повышало доходы владельца.

Свою предпринимательскую деятельность Николай Дмитриевич успешно сочетал со службой. Летом 1863 года полковник Селиверстов, находясь по личному поручению министра внутренних дел в Симбирской и Нижегородской губерниях, доставлял сведения о местной промышленности и ходе Нижегородской ярмарки. В августе 1864 года он был командирован в распоряжение генерал-адъютанта барона Врангеля и по его приказу исправлял должность начальника штаба войск, расположенных в Симбирской, Самарской, Саратовской и Казанской губерниях. 20 ноября того же года "за отлично-усердную службу и особые труды" был пожалован орденом Святой Анны 2-й степени. А 3 июля 1867 года Н. Д. Селиверстова высочайшим приказом произвели в генерал-майоры и назначили губернатором в Пензу, где он успешно управлял около пяти лет[8].

Николай Дмитриевич был состоятельным человеком. В Симбирской губернии, кроме суконной фабрики, он имел мериносовый и конный заводы, а также около 7500 десятин земли. Кроме того, он унаследовал от родителей немало земли в Тульской, Саратовской и Тамбовской губерниях, приобрел дом в Пензе. В селе Румянцеве на его усадьбе был выстроен просторный барский дом с хозяйственными службами, рядом устроен огромный пруд с купальней и разбит живописный парк. Поскольку Селиверстов с юных лет интересовался литературой и искусством, в румянцевском доме разместились прекрасная библиотека и богатая коллекция картин. В его коллекции была представлена итальянская живопись XVII века, произведения французских и голландских художников, а также работы русских мастеров.

Селиверстов был женат на дочери товарища статс-секретаря тайного советника Каванькова, фрейлине Двора ее императорского величества Марии Александровне. Однако семейная жизнь не сложилась, по указанию Святого Синода 14 апреля 1869 года брак был расторгнут "с дозволением мужу вступить в новое супружество"[9]. Но Николай Дмитриевич больше не женился.

При всей своей занятости Николай Дмитриевич не забывал о людях, чьим трудом приумножались его капиталы. В 1870 году он построил в Румянцевском фабричном поселке деревянный храм с престолом в честь Рождества Христова и дома для священника и псаломщика. В поселке действовало "Общество христианского милосердия" с больницей, амбулаторией и приютами для детей обоих полов. В 1875 году здесь открылось мужское училище. "По моему мнению, — писал директор народных училищ Симбирской губернии И. Н. Ульянов, — необходимо обязать содержателей фабрик иметь для работающих там детей школы по примеру уже существующих при суконных фабриках Воейкова в Сызранском и Селиверстова в Карсунском уездах"[10].

С нелегкими обязанностями пензенского губернатора Николай Дмитриевич справлялся успешно, о чем свидетельствует его награждение орденами Святого Станислава 1-й степени и Святой Анны 1-й степени. Также не случайно 1 марта 1868 года государь император "по всеподданнейшему докладу г. министра внутренних дел и согласно с ходатайством Карсунского городского общества" присвоил генерал-майору Селиверстову звание почетного гражданина гор. Карсуна, а через год Сенатом его превосходительство был утвержден почетным мировым судьей по Кузнецкому уезду Саратовской губернии[11]. Позднее ему было присвоено звание почетного гражданина Пензы и девяти уездных городов Пензенской губернии. Указанные почетные звания обычно предоставлялись выдающимся деятелям и не были связаны с особыми правами.

В марте 1872 года Николай Дмитриевич был освобожден по высочайшему указу от должности губернатора "согласно его прошению, по расстроенному здоровью" и уволен в отпуск за границу на 8 месяцев для лечения[12]. Дальнейшая его служба попрежнему проходила в Министерстве внутренних дел. В частности, Селиверстов принимал активное участие в расследовании деятельности тайной организации "Народная воля", члены которой убили в 1881 году Александра II. Последняя его должность — товарищ, то есть заместитель, шефа Корпуса жандармов. В конце 1890 года генерал-лейтенант Селиверстов, откомандированный в Париж, пал там от руки народника-террориста. Тело его, запаянное в цинковый гроб, доставили в Румянцево и похоронили в склепе рядом с церковью.

Незадолго до гибели Николай Дмитриевич оставил в Санкт-Петербурге завещание, в котором значилось: "В память моей бытности пензенским губернатором завещаю городу Пензе

300 тыс. руб. и всю мою коллекцию книг и картин на предмет покупки дома и учреждение в нем рисовальной школы наподобие Штиглицевской (Центральное училище технического рисования в Санкт-Петербурге было основано в 1870-х гг. бароном А. Л. Штиглицем и, в отличие от Императорского Строгановского центрального художественно-промышленного училища в Москве, имело меценатский характер с очень низкой платой за обучение. — Ю. К.). Сия школа должна называться школой Николая Дмитриевича Селиверстова. Буде за выполнением всех денежных распределений окажется остаток сумм, то половину оных завещаю... в пользу школы"[13].

Главным душеприказчиком по исполнению завещания был назначен Селиверстовым его друг — выдающийся ученый, крупный государственный и общественный деятель П. П. Семенов, впоследствии получивший известность как Семенов-Тян-Шанский. Знакомство П. П. Семенова с Н. Д. Селиверстовым состоялось, по всей вероятности, еще в юности, в годы их совместной учебы в Школе гвардейских подпрапорщиков и кавалерийских юнкеров. В истории русского искусствознания Семенов-Тян-Шанский известен как крупнейший знаток и коллекционер нидерландской и голландской живописи XVI—XVII веков, его собрание картин, впоследствии поступившее в Эрмитаж, сделало этот музей обладателем лучшей в мире коллекции голландской живописи XVII столетия. П. П. Семенов не располагал достаточно большим состоянием, и часто случалось так, что если какая-либо картина оказывалась ему не по средствам, он обращал на нее внимание эрмитажной администрации. Рекомендациями П. П. Семенова, относящимися к произведениям, не входившим в круг его коллекционных интересов, могли воспользоваться и такие собиратели, как Селиверстов.

Сознавая огромное значение пожертвования, П. П. Семенов приложил все усилия к скорейшему осуществлению стоящей перед ним задачи. В короткий срок он сформировал капитал будущих училища и музея, который составил около 550 тысяч рублей. Поскольку в Пензе не нашлось здания, в котором должным образом молги бы разместиться училище и музей, на совещании представителей Пензенского городского общественного управления и душеприказчиком было принято предложение Семенова построить новое каменное здание на улице Садовой (ныне ул. Лермонтова). Разработка проекта здания была поручена петербургскому архитектору А. П. Максимову, который являлся автором проекта реального училища в Пензе. Для заве-

дывания строительными работами Пензенской городской думой была утверждена комиссия, действовавшая под общим наблюдением пензенского губернатора.

В течение нескольких месяцев после смерти Н. Д. Селиверстова коллекция находилась в его имении при с. Румянцеве Карсунского уезда Симбирской губернии. В апреле 1891 года член Пензенской городской управы Молочников был командирован для ее транспортировки в Пензу. На время строительства специального здания для размещения коллекции Н. Д. Селиверстова было нанято помещение в здании Пензенской ремесленной школы имени Ф. Е. Швецова. Расходы "по перевозке и установке картин" составили 159 рублей 76 копеек[14].

В январе 1892 года "Пензенские губернские ведомости" сообщили: "Картинная галерея покойного генерала Н. Д. Селиверстова, пожертвованная городу Пензе и временно находящаяся в ремесленной Ф. Е. Швецова школе, привлекает массу публики. Вход бесплатный. Всех картин и гравюр 365. В числе картин есть и оригинальные большой ценности, а также и копии с картин знаменитых художников. Все картины в богатых рамах. Каталога пока не составлено... Вместе с картинной галереей пожертвована городу и библиотека; большинство книг — иностранные журналы и книги. Картины и библиотека поступят в рисовальную имени генерала Селиверстова школу, как только она будет открыта"[15].

Строительство велось с 1894 по 1897 годы. 2 февраля 1898 года состоялось торжественное освящение нового здания, где разместились Пензенское художественное училище и картинная галерея имени Н. Д. Селиверстова, одни из первых подобных заведений в провинциальной России.Ведущая роль в руководстве училищем и его музеем принадлежала П. П. Семенову, сначала как душеприказчику Н. Д. Селиверстова, а с 1898 года — в качестве пожизненного блюстителя училища.

Не забыл Н. Д. Селиверстов и своих земляков-симбирян. "Николай Дмитриевич Селиверстов... был обязан своим богатством находящейся в принадлежавшем ему с. Румянцеве суконной фабрике, в которой он хозяйничал с замечательной энергией и знанием дела, — отмечал П. П. Семенов. — Сознав в своей старости, что он был обязан всем своим благосостоянием труду своих бывших крепостных крестьян и вообще работавшему на его фабрике сельскому населению всей Жадовской волости, Селиверстов принял великодушное намерение завещать значительный капитал на устройство в с. Румянцеве целой группы полез-

ных для местного населения филантропических учреждений его имени"[16].

"Симбирские губернские ведомости" в июле 1893 года писали по этому поводу следующее: "Высочайше разрешено принять завещанный генерал-лейтенантом Селиверстовым капитал более 450000 рублей и здания для учреждения в фабричном поселке близ села Румянцева Карсунского уезда ряда благотворительных учреждений имени генерал-лейтенанта Селиверстова. В число этих заведений входят: 1) убежище, 2) постоянное общежитие для детей-сирот, 3) ясли, 4) больница с амбулаторией, 5) богадельня. Кроме того, должна оказываться помощь лицам, служившим в румянцевской экономии и утратившим силы на этой службе, а также и семьям, нуждающимся вследствие недостатка рабочих сил или временного бедствия. Все эти заведения причислены к ведомству учреждений императрицы Марии"[17].

Согласно завещания Николая Дмитриевича новым владельцем Румянцевской суконной фабрики, а также 5931 десятины земли и леса "при с. Румянцеве, Жадовке, Вырыпаевской пустоши и Новой Зиновьевке" Карсунского уезда стал его племянник гвардии штабс-ротмистр А. Д. Протопопов[18].

Как и его предшественники, Александр Дмитриевич в погоне за прибылью не забывал о людях. К началу XX столетия при Румянцевской фабрике действовало Попечительство благотворительных заведений имени Н. Д. Селиверстова, в состав которого входили мужское двухклассное ремесленное училище, в котором преподавали столярное и слесарное ремесла, женское училище с рукодельными классами, приют-интернат для детей обоего пола, богадельня для престарелых и к труду неспособных мужчин и женщин из числа бывших рабочих на суконной фабрике, больница на 45 постоянных кроватей и образцовая пасека. Почетным попечителем состоял член Государственного совета, действительный тайный советник Петр Петрович Семенов, председателем попечительства — коллежский советник Александр Дмитриевич Протопопов, оставивший военную службу, а попечительницей — его жена Ольга Павловна.

После Октябрьской революции Пензенское художественное училище и музей имени Н. Д. Селиверстова, являвшиеся собственностью города, были национализированы и лишены имени основателя. Румянцевская суконная фабрика также была национализирована, а ее последний владелец, министр внутренних дел А. Д. Протопопов расстрелян.

Примечания

[1] Брокгауз Ф. А. и Ефрон И. А. Энциклопедический словарь, т. XXIX, с. 354.

[2] Государственный архив Пензенской области (ГАПО), ф. 5, оп. 1, д. 5008, л. 3.

[3] Там же, л. 4.

[4] Никитин О. В. Рубежи текстильщиков. Саратов, 1988, с. 17.

[5] Центральный государственный исторический архив Российской Федерации (ЦГИА РФ), ф. 1281, оп. 6, д. 42, л. 6.

[6] ГАПО, ф. 5, оп. 1, д. 5008, л. 3.

[7] Коллектив авторов. Край Ильича. Саратов, 1985, с. 147.

[8] ГАПО, ф. 5, оп. 1, д. 5008, л. 5.

[9] Там же, л. 6.

[10] Козлов Юрий. Румянцевский Третьяков. — Симбирский курьер, 1993, 23 октября.

[11] ГАПО, ф. 5, оп. 1, д. 5008, л. 6.

[12] Там же.

[13] Там же, ф. 108, оп. 1, д. 677, л. 97.

[14] Там же, ф. 109, оп. 1, д. 366, л. 161 об.

[15] Пензенские губернские ведомости, 1892, 21 января.

[16] Семенов П. П. и Наманский В. И. Россия. Полное географическое описание нашего отечества. Санкт-Петербург, 1901, т. VI, с. 444.

[17] Симбирские губернские ведомости, 1893, 14 июля.

[18] Государственный архив Ульяновской области (ГАУО), ф. 477, оп. 3, д. 117, л. 19.

В. В. МОРОЗОВА

Несколько новых источников к родословию Ознобишиных

История частных книжных собраний, хранящихся в Ульяновской областной научной библиотеке (далее — УОНБ. — В. М.), в последние годы стала предметом тщательного изучения[1]. Владельческие библиотеки, собранные в XVIII—XIX столетиях, представляют интерес не только в качестве памятников культуры того или иного периода, но и как документальные источники, позволяющие проводить глубокие историко-биографические разыскания. Традиционные для XVIII и XIX вв. покупные, меновые, дарственные записи на старых русских книгах содержат немало сведений об их владельцах. Расшифровка и публикация таких записей в сочетании с традиционными документальными источниками позволяют уточнить уже известные факты из жизни владельцев книг, а также ввести в оборот новые.

Большая часть сохранившихся книжных коллекций симбирских дворян Родионовых, Соловцовых, Языковых, Ознобишиных включает популярные в XVIII—XIX вв. Календари и Месяцесловы.

Первые печатные календари были переводными и появились в России в 1702 году. Регулярно они стали выходить в 1727 году, когда Академия наук реализовала данную ей в 1724 году привилегию на этот вид книжной продукции. Серия ежегодных академических календарей выходила вплоть до 1869 года. Месяцесловами на русский манер их стали называть с 1770 года. Поначалу Месяцесловы включали собственно календарь и святцы греко-российской православной церкви. Но постепенно в них стали включать самые разнообразные справочные сведения: таблицы восхода — захода солнца и луны, еврейский и мухаммеданский календари, перечень городов Российской империи с указанием удаленности от столиц, сведения о российском и иностранных императорских домах, о почтовых услугах и ценах на них, хронологию важнейших политических событий прошедшего года и т. д. Месяцесловы продавались в бумажных обложках, после календаря на каждый месяц вплетались чистые листы для записей. По желанию владельца такие же листы вплетались в конце

книжки. Месяцесловы превращались в своего рода ежедневники, где помимо записей об урожаях, посевах, доходах и покупках, нередки записи семейные: о крестинах, помолвках, свадьбах, похоронах и памятных днях, поездках и именинах.

В собрании Ознобишиных коллекция Календарей и Месяцесловов включает 22 книжки на 1835, 1841—1852, 1854—1856, 1859, 1861—1866 гг. Часть книг в переплетах с тиснением Д. О. (Дмитрий Ознобишин. — В. М.) на корешке. Принадлежность других экземпляров определяется по почерку и содержанию записей. По документам ОУНБ[2] ознобишинские Месяцесловы поступили в числе 746 "других изданий из разных мест за революцию" в научно-архивный отдел Дворца книги, оприходованы в октябре — ноябре 1925 года. Подобных поступлений было очень много. Сотни пудов книг из помещичьих имений свозились в Губернское книгохранилище, Губфинотдел, Губнаробраз[3] и т. д. В научно-архивный отдел Дворца книги поступали особо ценные и редкие русские, иностранные книги для создания в будущем Музея книги. Ценность Месяцесловов как особого вида книгоиздательской продукции невелика, для Музея они отбирались благодаря наличию в них многочисленных записей.

Записи в ознобишинских Месяцесловах — это большей частью результаты многолетних ежедневных наблюдений Дмитрия Петровича за погодой в Троицком (недалеко от нынешней Инзы). Удивляет аккуратность и систематичность, с которой Дмитрий Петрович изо дня в день, из года в год отмечает в Месяцесловах показания барометра и термометра, записывает народные приметы о погоде, природных явлениях. Если записи за какой-то период отсутствуют, то в Месяцеслове всегда указывается причина: "Был в отъезде в Сызране" и др. Наблюдения эти велись скорее всего по просьбе президента Общества сельского хозяйства юго-восточной России (г. Пенза) Павла Тимофеевича Морозова (1808—1881), автора "Метеорологических очерков Средней России"[4]. С ним Дмитрия Петровича связывала многолетняя дружба, начавшаяся еще в годы учебы в Московском Университетском пансионе (1819—1823). В библиотеке Ознобишиных сохранился экземпляр Памятной книжки Смоленской губернии на 1858 год, надписанный Ознобишиным: "Любезнейшему Павлу Тимофеевичу Морозову", но по какой-то причине не отосланный адресату. Есть книги с дарственными надписями Морозова Ознобишину. Имение Морозова Панцыревка (Городищенского уезда Пензенской губернии) находилось по соседству с имением Дмитрия Петровича. Записи Д. П. Ознобишина о

погоде наверняка были бы интересны специалистам-метеорологам, просто любителям природы. Для нас же наибольший интерес представляют записи самого Дмитрия Петровича, его родных и близких о делах семейных, т. к. они позволяют уточнить некоторые даты жизни поэта, представить круг его общения, уточнить родословие Ознобишиных. Приведем некоторые из них.

Месяцеслов на 1835 год.

Январь.	12	Именины Маминьки Евпраксии Егоровны.
	27	Рождение Вариньки Базилевской. В этот же день именины милого брата Ив. Федоровича.
Июль.	8	Моя помолвка с Лисанькою Александровной Батуриной (фамилия приписана другим почерком. — В. М.).
	29	Моя свадьба в Лазареве
	16	Рождение Наташи Базилевской.
Август.	8	Рождение Олиньки Базилевской.
	27	Именины Наташиньки Базилевской.
Сентябрь.	5	Именины Елизаветы Александровны.
	<u>21</u>	<u>Именины Дмитрия Петровича</u> (подчеркнуто авт. — В. М.).
Октябрь.	8	Рождение Митиньки Бурского. 1834.
	30	Рождение Каточки Базилевской.
Ноябрь.	8	числа рождение брата Николеньки.
	24	Именины Каточки Базилевской.
Декабрь.	4	Именины сестрички Вари Базилевской
	4	Именины сестры Вариньки (запись сделана другим почерком. — В. М.).
	6	Именины брата Николеньки.
	17	Рождение Мамы [?]
	18	Рождение Митиньки Малевинского.

Записи от 12 января, 8 и 29 июля, 5 сентября относятся к событиям, связанным с первым браком Дмитрия Петровича. Судя по документам архива Дмитрия Петровича, хранящегося в Пушкинском доме[5], и родословной Ознобишиных, опубликованной Лобановым — Ростовским[6], первой супругой поэта была Рогановская Елизавета Александровна. Со слов внука Дмитрия Ивановича Ознобишина девичья фамилия его бабки была Батурина[7]. О том же свидетельствует и приписка в Месяцеслове, сделанная к записи от 8 июля. Среди симбирских дворян нет Рогановских, но есть Батурины. В Месяцесловах часто встречаются записи Дмитрия Петровича о поездках жены, его самого в Ковров Владимирской губернии, о письмах управляющему в Юдиху Ковровского

уезда и др. Наконец, в формулярном списке надворного советника Д. П. Ознобишина[8] в числе благоприобретенных имений его жены числится с. Юдиха Ковровского уезда Владимирской губернии. После смерти жены имением управляет Дмитрий Петрович, а по достижении совершеннолетия имение стало собственностью единственного сына поэта Ивана Дмитриевича (1837—1896). Среди дворян Владимирской губернии были и Батурины, и Рогановские[9]. До 1813 года с. Юдиха числилось за Аркадием Петровичем Рогановским (1766—1813), ковровским уездным предводителем дворянства (1806—1811). Он был женат на Евпраксии Егоровне Пестрово, и запись от 12 января, вероятно, сделана Елизаветой Александровной именно о ней. По свидетельствам современников Евпраксия Егоровна была "ветренной, но пригожей женщиной". Вероятно, именно вследствие этой ветренности А. П. Рогановский разошелся с женой, но формально развод не был оформлен. Когда в 1810—1811 гг. ему вздумалось жениться во второй раз, то это дало повод его первой жене подать жалобу. Против Рогановского власти начали дело, и он был по указанию Александра I удален с поста предводителя. Дело о многоженстве велось вплоть до самой смерти Рогановского, ибо многочисленные друзья его и епископ Владимирский Ксенофонт затягивали разбирательство. В 1813 году он был убит в своем имении дворовыми людьми. Детей Рогановский не имел. На нем, видимо, и пресекся род Рогановских. Все эти сведения приводит в своей книге владимирский краевед Н. В. Фролов[10], но они пока не проясняют всей путаницы с фамилией первой жены поэта. Может Евпраксия Егоровна вышла замуж за Батурина после гибели первого мужа?

Елизавета Александровна была женщиной образованной, имела некоторые способности к литературе, о чем свидетельствуют сохранившиеся ее наброски в архиве Дмитрия Петровича[11]. Известно немало стихов Д. П. Ознобишина, посвященных Елизавете Александровне. Ее безвременную кончину весной 1847 года он очень глубоко переживал.

В записи Дмитрия Петровича от 27 января говорится о родной, любимой сестре Варваре Петровне (1808—1892) и ее муже Иване Федоровиче Базилевском (1791—1876). Обращение "милый брат" было принято среди близких родственников Ознобишиных, но помимо родственных отношений Дмитрия Петровича и Ивана Федоровича связывала, видимо, старая дружба и деловое сотрудничество. С сестрой и зятем он практически не расставался всю жизнь. Петербургская квартира Ознобишина находилась в доме

№ 10 по Захарьевской улице[12], в собственном доме госпожи Базилевской. Сестре он посвятил перевод "Акселя" И. Тегнера (Спб., 1874). Деловое партнерство Ознобишина и Базилевского было довольно успешным. Поначалу они занимались винными откупами, с большой, судя по всему, выгодой, т. к. Дмитрий Петрович не однажды рисковал своей недвижимостью, закладывая ее в обеспечение дела Базилевского[13]. Уже во второй половине 30-х годов у Базилевского появляются в Восточной Сибири золотые прииски. Дело пошло хорошо, Базилевский разбогател, стал миллионером. У Дмитрия Петровича также был прииск, в Месяцесловах он упоминает прииск "Балбуковский", но больших доходов он, кажется, не приносил.

Записи от 16 июля, 8 и 27 августа, 30 октября и 24 ноября сделаны о племянницах Ознобишина, детях Варвары Петровны и Ивана Федоровича Базилевских. Любопытна запись 18 декабря о рождении Митеньки Малевинского. Дмитрий Николаевич Малевинский — сын Николая Яковлевича Малевинского, приятеля и компаньона Базилевского. Дочь Дмитрия Петровича от второго брака Елизавета Дмитриевна (1863—1899) впоследствии станет супругой Д. Н. Малевинского[14].

Празднуя в 1994 году 190-летний юбилей Д. П. Ознобишина, мы еще не знали точной даты рождения поэта. Запись, сделанная Дмитрием Петровичем в Месяцеслове на 1844 г. после июльской поездки в Пензу и родовое Сумароково, недавно обнаруженная сотрудниками отдела редких книг, дает совершенно точный ответ на этот вопрос. Приводим ее полностью.

1763. Июль 15 род. Варвара Ник. Загоскина.
1764. Октябрь 5 Вера Ник. Алферьева.
1766. Ноябрь 24 Катер. Ник. Трубникова.
1771. Июнь 5 Иван Ник. Ознобишин.
1775. Октябрь 1 Аполлон Ник. Оз.
1778. Июля 28 Ольга Ник. Озноб.
1788. Сентябрь 14 скончался Никанор Иван. Оз.
1781. Ноябрь 28 Николай Васил. Загоскин.
1800. Генваря 21 Катенька Шилова родилась.
1804. Октябрь 4 родился Д. П. Оз. (подчеркнуто авт. В. М.)
1808. Генвар 21 Вар. Петр. Базилевская.
1806. Генвар 4 Елизав. Петр. Волкова.
1823. Ноября 7 Варинька Краевская
1813. Генвар 1 Анна Аполлоновна Озноб.

В этом довольно обширном списке перечислены ближайшие родственники Дмитрия Петровича, но, к сожалению, не все.

Варвара Никаноровна Загоскина, урожденная Познобишина, родная тетка поэта по отцу, была замужем за коллежским асессором Василием Николаевичем Загоскиным, родственником знаменитого писателя. В. Н. Алферьева. Е. Н. Трубникова, О. Н. и Н. Н. Ознобишины — родные тетки Дмитрия Петровича, сестры его отца Петра Никаноровича. Иван Никанорович Ознобишин — офицер Суздальского пехотного полка и Аполлон Никанорович Ознобишин — офицер Черноморского флота — это родные братья отца поэта[15]. В библиотеке Ознобишиных сохранилась одна из учебных книг "гардемарина А. Ознобишина" — это знаменитый труд Н. Г. Курганова "Таблицы румбов..." (Спб., 1794).

Дата кончины деда поэта Никанора Ивановича Ознобишина — 1788 год —вносит некоторые поправки в наши представления о том, когда же Ознобишины появились в Симбирской губернии. Среди движимого и недвижимого имущества, унаследованного Анной Ивановной Ознобишиной, бабкой Дмитрия Петровича, после смерти Никанора Ивановича, значится и "село Троицкое Сюксюм тож в Карсунском округе Симбирскаго наместничества"[15а]. Предполагалось же, что Ознобишины появились в Симбирской губернии на рубеже XVIII—XIX вв. Дата смерти Никанора Ознобишина углубляет хронологические рамки поиска документов об Ознобишиных в нашем архиве (ГАУО). Никанор Иванович — человек незаурядный: служил в Преображенском полку, был хорошо образован, переводил и печатал свои труды, в числе наиболее грамотных офицеров был командирован в Комиссию по составлению нового Уложения (1767—1769). После отставки поселился в Пензенской губернии, был некоторое время предводителем губернского дворянства, постоянно жил в родовом Сумароково Мокшанской округи. Здесь в Сумароково и располагалась библиотека, которую начал собирать его отец Иван Михайлович Ознобишин, секунд-майор того же Преображенского полка. Сохранилось несколько десятков книг с их покупными записями, сделанными в 50—60-е гг. XVIII в. в Москве, Петербурге и Пензе.

Среди книг, приобретенных когда-то Иваном Ознобишиным, есть два увесистых тома "Описания земли Камчатки" Ивана Крашенинникова (Спб., 1855). На форзаце первого тома есть такая надпись: "Из библиотеки Елизаветы Волковой. 1824-го Мая 26-го. с. Сумароково". Наше предположение о том, что Елизавета Волкова — сестра Дмитрия Петровича, подтверждается записью в Месяцеслове о дате ее рождения (4 января 1806 г.). В родословной Ознобишиных по Лобанову — Ростовскому Елизавета Петровна не упомянута, также как и другая сестра Дмитрия

Петровича Александра. Замуж она, видимо, не выходила, жила с братом в Троицком. В 1829 году Александра серьезно заболела. "Болезнь сестры очень меня огорчает, — пишет двоюродный брат Дмитрия Петровича Д. Трубников[16]. — Вам надобно везти ее в Москву, а в Симбирске не могут дать пособия в сей сурьезной болезни". Упоминаний об Александре Петровне Ознобишиной после 1829 года нам не встречалось, и о судьбе ее ничего неизвестно.

Неизвестна и судьба старшего брата Дмитрия Петровича Ивана Петровича. Его имя впервые встретилось на страницах одной из старинных книг. Петр Никанорович Ознобишин, отец поэта, надписал книгу "сыну Ивану" 26 сентября 1811 года, "чтоб полезен был Отечеству". Затем имя прапорщика Ивана встречается в завещании И. А. Варваци, деда по матери, опекавшего малолетних Ознобишиных после смерти родителей[17]. Завещание датируется 1821 г. Вероятно, Иван умер в 1828 или 1829 гг. В письме Д. Трубникова есть такие строки: "Бог испытует вас Любезный братец — и хотя в доме повешенного о висилице не говорят, но скажу вряд ли чье семейство в короткое время потерпело столько потерь и надобно иметь долготерпение Иова"[18]. В своем списке Дмитрий Петрович не упомянул ни об Иване, ни об Александре, ни о своих родителях. Родители его умерли в 1812 или 1813 гг., похоронены в Астрахани в ограде Тихвинской церкви, построенной И. А. Варваци[19].

Варенька Краевская и Юринька Волков — племянники Дмитрия Петровича, дети сестры Елизаветы. В Месяцеслове на 1842 год Ознобишин сделал запись: "Марта 15. Вариныка Волкова помолвлена за Михаила Филипповича Краевского", а 26 апреля: "...была в семь часов вечера свадьба милой крестницы моей Вариньки Волковой". Эти записи помогли установить дарителя одной из книг в библиотеке Ознобишиных. Авторы книги "Стоит ли поощрять русскую промышленность" Скальковский К. А. и Краевский Д. М. Краевский на титульном листе 16 июня 1866 года сделал надпись: "Дмитрию Петровичу Ознобишину от уважающего (несколько слов неразборчиво. — В. М.) Краевской". Даритель, скорее всего, сын племянницы Варвары.

В Месяцесловах нередки записи о поездках Дмитрия Петровича в Репьевку. Репьевка Городищенского уезда Пензенской губернии принадлежала Николаю Тимофеевичу Аксакову, (1797—1882), брату С. Т. Аксакова. В Репьевке бывал подолгу и Аркадий Тимофеевич Аксаков (1803—1860). С братьями Дмитрий Петрович дружил, имение их также было по соседству. Вот несколько записей:

1842 год. 22 апреля скончалась Маша Аксакова и 23 погребение.

1843 год. Апрель 22. Кончина Машеньки Аксаковой.

Декабрь. Седьмого веч. в 6 ч. Н. Т. уехал в Москву.

1844 год. (л. 12) Адресы... Аксаков Ник. Тим. в С. Петерб. на Грязной улице в доме Комарова.

1845. Июль 24. был на сходе в Забалуйск (одно слово неразборчиво. — В. М.) с Ник. Тим. и Алекс. Ив.

1846 год. 13 июля в этот день был у нас Ваня со всем семейством, Ник. Тим. и Саша и брат Павел Петр. с сестрою Вар. Ал. пили чай в роще и были на воздухе до 10 ч. вечера.

1849 год. Июль 23—24 был и в Репьевке.

1851 год. Февраль 27 писал в Симбирск Аксакову...

2 мая [писал] Н. Т. Аксакову.

15 мая [писал] Н. Т. Аксакову.

1859 год. 22 апреля память Машеньки Аксаковой.

Июнь 8. Выезжал в 1-й раз в Репьевку.

Сведениями о Машеньке Аксаковой мы не располагаем, но несомненно, этот человек был очень дорог Дмитрию Петровичу, и через 17 лет после ее кончины день ее памяти отмечен в Месяцеслове. Аксаковы и Ознобишины дружили семьями (дети учились в Александровском лицее), активно переписывались. Сохранилась ли переписка? Петербургский адрес Н. Т. Аксакова, неразборчиво записанный Дмитрием Петровичем, подтверждается Адресной книгой Санкт-Петербурга на 1837 год. Домовладелец дома № 49 по Грязной улице, что в Московской части, Комаров Петр Васильевич.

Среди карсунских дворян, с которыми Дмитрий Петрович поддерживал добрые соседские и дружеские отношения, были Ахматовы. 11 апреля 1842 года Дмитрий Петрович отметил день памяти Петра Антоновича Ахматова, а 23 октября — день рождения его старшего сына Николая Петровича Ахматова.

После смерти жены Дмитрий Петрович подолгу живет в Петербурге. Осень, зиму и весну 1851—1852 гг. поэт провел в своей петербургской квартире. В Месяцеслове на 1851 год есть одна запись, которая позволяет сделать предположения о круге знакомых Дмитрия Петровича. "21 ноября, — отмечает он, — рождение Елизаветы Николаевны Казадаевой". С семьей Казадаевых Дмитрия Петровича связывает очень много. В течение пяти лет, с 1813 по 1818 годы, после смерти родителей Ознобишин воспитывался в доме дальнего родственника Александра Васильевича Казадаева. А. В. Казадаев — один из самых влиятельных столичных чиновников времен Александра I. У него было трое

детей —сыновья — Петр (1801—1885) и Владимир (1805—?) и дочь София (1804—1864). В дом Казадаева на Шпалерной приходили лучшие петербургские учителя. Все дети, а вместе с ними и Дмитрий Ознобишин, получили прекрасное начальное образование. Александр Васильевич, слывший одним из самых образованных людей того времени, собрал прекрасную библиотеку[20], которой пользовались его друзья, знакомые и дети. Возможно, библиофильская страсть А. В. Казадаева оказала влияние и на юного Дмитрия Петровича, ведь свой первый читательский опыт он приобретает в этом доме. Сведений о том, как складывались отношения взрослого Ознобишина с членами этой замечательной семьи, у нас пока нет. Кроме признательности к главе семьи за участие и заботу о нем в раннем детстве, Дмитрий Петрович несомненно должен был испытывать и самые добрые чувства к друзьям детства. В библиотеке сохранилось издание Мольеровского "Тартюфа" в переводе Владимира Александровича Казадаева (М., 1867). Дмитрий Петрович сам много переводил. В 1828 году, после смерти любимой жены, А. В. Казадаев оставляет службу, и в течение почти двух десятилетий практически не выходит из дома, но жизнь его нельзя назвать замкнутой, т. к. дом был постоянно наполнен гостями детей — Петра и Владимира, которые были дружны со многими декабристами, а у Софьи (бывшей в замужестве с 1824 г. за П. Г. Галаганом) постоянно собирались во время ее приездов в Петербург жившие в столице украинцы: Н. В. Гоголь, братья Кукольники, Н. А. Маркевич, К. М. Базили, художник А. Н. Мокрицкий и др. Данными о Елизавете Николаевне Казадаевой мы не располагаем, возможно, речь идет о жене Петра Александровича (Владимир был женат на Варваре Николаевне Селивановичевой). Несомненно, что Дмитрий Петрович бывал в этом доме, знал многих постоянных гостей Казадаевых, но вопрос о связях поэта с членами этой семьи требует более глубокого изучения.

В начале 60-х гг. Дмитрий Петрович познакомился с Терезой (Таисией) Константиновной Сенявиной (1835—1863), внучкой прославленного адмирала. Отец ее, мичман, умер молодым, когда Тереза и ее брат были еще детьми. Мать вышла замуж за генерала Кадомцева[21]. Тереза училась в Петербургском училище Св. Екатерины вместе с племянницами Дмитрия Петровича Екатериной и Александрой Базилевскими. Тереза Константиновна и Дмитрий Петрович поженились в 1860 или 1861 гг. Тереза была почти ровесницей сына поэта от первого брака, но, несмотря на столь значительную разницу в возрасте, отношения супругов складыва-

лись хорошо. Но, к сожалению, и этот брак Дмитрия Петровича не был счастливым. Запись в Месяцеслове на 1863 год: "22 августа в 10 часов пополудни, после 8-часовых мук родилась моя дочь Елизавета, но Терезочка моя и после этого страдала... 25 августа в 9 часов пополуночи (утром) скончался мой милый и бесценный друг Тереза Константиновна". По метрической книге, "хранящейся при церкви... села Китовки, в числе родившихся за тысяча восемьсот шестьдесят третий год, в августе месяце за № 26, записано так: Елизавета родилась 23, а крещена 26 числа августа. Родители ея: сельца Троицкаго Коллежский советник Дмитрий Петров Ознобишин и законная жена его Таисия Константиновна. Воспреемниками были Генерал-майор Александр Александрович Кадомцев и дочь его девица Елизавета Александровна Кадомцева"[22]. Смерть Терезы Константиновны была неожиданной, и потому переживал ее поэт очень тяжело. С новорожденной дочерью пришлось расстаться: мать Терезы забрала ее в Петербург. Вскоре заболел сын Иван. "Господь, воззвал я неутешный..." — эти строки написаны вскоре после смерти Терезы Константиновны на обороте верхней обложки книги епископа Игнатия "Слово о чувственном и духовном видении духов..." (Спб., 1863). Карандашный набросок 40-го псалма, а строки эти оттуда, — это часть большой работы по переложению псалмов, которой Дмитрий Петрович занимался в 60-е гг. Псалмы не были опубликованы, они остались в черновиках и хранятся в Пушкинском доме. Несмотря на четкий почерк Ознобишина, текст данного псалма опубликовать пока невозможно, т. к. часть его — первые слова строф — обрезаны при переплете.

Библиотека Дмитрия Петровича хранит еще немало новых сведений о жизни поэта и его предков. Полностью они будут опубликованы в Каталоге — описании библиотеки Ознобишиных, который готовится к печати в отделе редких книг областной библиотеки.

Принятые сокращения

ГАУО — Государственный архив Ульяновской области.

ГАПО — Государственный архив Пензенской области.

УОНБ — Ульяновская областная научная библиотека — Дворец книги им. В. И. Ленина.

ИРЛИ РАН (Пушкинский дом) — Институт Русской литературы Российской Академии наук.

Примечания

[1] Никитина Н. И., Сукайло В. А., Кукуева А. И. Описание библиотеки И. А. Гончарова. — Ульяновск, 1987. Кабакова С. Ю. Библиотека С. Д. Сырейщикова. — Ульяновск, 1995.

[2] Инвентарь № 2 книжного имущества Научно-архивного отдела Дворца книги. Кн. 2: с № 2311 по 4696.

[3] Газета "Пролетарский путь" от 27 августа 1927 года, например, сообщала: "На днях Дворец книги вывез из Карсуна около 150 пудов иностранной литературы, конфискованной в начале революции в имениях Поливанова, Родионова, Бутурлина... Вскоре ожидается присылка второй партии".

[4] Морозов П. Т. Метеорологические очерки, составленные из наблюдений, произведенных в разных местах Средней России и преимущественно Пензенской губернии. — М., 1865. Среди корреспондентов Морозова, между прочим, были преподаватель Пензенского дворянского института И. Н. Ульянов и А. П. Горизонтов, ставший впоследствии первым биографом Ознобишина.

[5] ИРЛИ РАН, ф. 213.

[6] Лобанов-Ростовский А. Б. Русская родословная книга. Т. 2. — 2-е изд. — Спб: Тип. А. С. Суворина, 1895. — С. 48.

[7] Ikonnikov La Nobless de Russie: Tome les Ozroblchine: [Машинопись]. Б. М., Б. Г.

[8] ГАПО, ф. 1, оп. 4, д. 5, л. 199.

[9] Трегубов М. И. Алфавитный список дворянских родов Владимирской губернии. — Владимир, 1905.

[10] Фролов Н. В. Предводители дворянства и председатели земской управы Ковровского уезда. — Владимир, 1994. — (Материалы по истории Владимирской губернии. Вып. 1).

[11] Литературное наследство. Т. 79. — М., 1968. — С. 513—558.

[12] Всеобщая адресная книга Санкт-Петербурга. — Спб.: Тип. К. Вульфа, 1867—1868. — Разд. 3. — С. 33, 350; разд. 5. — С. 6, 57.

[13] ГАУО, ф. 85, оп. 1, ед. хр. 39, л. 39—40.

[14] См. № 7.

[15] ГАПО, ф. 196, оп. 2, д. 2150, л. 49—50.

[15a] Там же.

[16] Васильев М. Из переписки литераторов 20—30-х годов XIX века. //Известия общества археологии, истории и этнографии при Казанском государственном университете им. В. И. Ленина. Т. 34, вып. 3—4. — С. 173—185.

[17] ГАУО, ф. 85, оп. 1, ед. хр. 339, л. 50—51 об.

[18] См. № 16

[19] Астраханские епархиальные ведомости. — 1881. — № 6. —С. 91—95.

[20] Лепехин М. П. Французская книга в библиотеке А. В. Казадаева. //Книга в России в эпоху Просвещения. — Л., 1988. — С. 108—128.

[21] Гольц Т. М. Сердце брата. — 2-е изд., испр. и доп. — Душанбе: Адиб, 1991. — С. 96.

[22] ГАУО, ф. 45, оп. 2, ед. хр. 7, л. 2.

Т. А. ГРОМОВА

Воейковы из Самайкино (отец и сын)

Более ста лет в с. Самайкино Симбирской губернии жили представители одного из древнейших российских родов — Воейковы[1]. Род этот ведет свое начало от Воейко Войтяговича, выходца из Пруссии. В 1383 году он с дружиною выехал в Москву на службу к князю Дмитрию Донскому. По обычаям того времени принял крещение, был пожалован вотчиною в г. Дмитрове, а при Василии Дмитриевиче — боярским титулом. Потомки его служили у русских князей и царей, получали за ратные подвиги награды и земли в Московской, Рязанской, Владимирской и других губерниях. Одному из Воейковых — Ивану Федоровичу по наследству достались земли в Московской губернии при селе Аннино (Знаменское) — 8703 десятины и в Симбирской при селе Самайкино (Дмитровка) — около 11 тыс. десятин[2].

До выхода в отставку Иван Федорович служил в кавалерии, участвовал в войне с Наполеоном и был тяжело ранен. После войны дослужился до полковника, покинул армию и занялся управлением своих имений. По воспоминаниям родных был хорошим хозяином. В своем самайкинском поместье в 1817 году построил суконную фабрику. Благодаря дешевому труду крепостных крестьян и связям с правительственными кругами получал от нее доход. Иван Федорович долго жил холостяком, зимы проводил в Москве и Петербурге, занимаясь делами, помогал семье брата — известного в те годы поэта. Женился он в преклонные годы на дочери московского сенатора Д. Б. Мертваго — Варваре Дмитриевне. В 1842 году у них родился сын Александр, через два года — Дмитрий. Вскоре в тридцатилетнем возрасте умирает жена, а в 1847 году и сам Иван Федорович.

Малолетних детей их забирает брат Варвары Дмитриевны — Дмитрий Дмитриевич. Семья Мертваго воспитывает их вместе с собственными детьми, дает им прекрасное образование. Старший Александр заканчивает естественный факультет Петербургского университета и впоследствии становится известным ученым-климатологом с мировым именем, основоположником в России

этой науки. Младшему — Дмитрию — выпала иная судьба. Как и старший брат он учился в университете на экономическом факультете, стажировался в Германии. Затем служил в Петербурге и занимался журналистской работой в газете "Русь"[3]. В начале семидесятых годов XIX в. переехал в Самайкино, решив посвятить себя управлению имением. Ему было около тридцати, он был полон планов и надежд на лучшие преобразования в их с братом поместье.

Как экономист Дмитрий Иванович понимал, что после отмены крепостного права помещичье землевладение в массе своей будет убыточным и считал необходимым помещать капитал в промышленность. Суконная фабрика, существовавшая почти шестьдесят лет, хотя и давала небольшую прибыль, но требовала капитального ремонта. Тесовая крыша и полы прогнили, стены дали трещины. Требовались большие суммы для ее обновления, так как даже леса строевого в имении не было, его возили за сто верст. Дмитрий Иванович, посоветовавшись с братом, решил вложить деньги в более перспективное дело — в нефтедобычу. В те годы в экономической и геологической литературе все чаще встречались заметки о предполагаемых залежах в Поволжье нефти, горючих сланцев и других ископаемых. Так, в 1867 году выходит книга Романовского Г. "Нефть, асфальт и горючие сланцы волжских берегов". Без сомнения, Дмитрий Иванович был знаком с нею. С целью обнаружения выходов нефти Воейков предпринял ряд экскурсий по Сызранскому уезду, но нефти не нашел, зато обнаружил асфальт прекрасного качества.

Асфальтовое производство возникло впервые в Западной Европе в XVIII веке. В России отдельные месторождения были описаны еще Палласом[4] во время его путешествия по стране. В 40-е годы XIX в. министр Перовский Л. А. выписывал асфальт из Сызранских удельных дач в Петербург, но самого производства не было. В Энциклопедическом словаре Брокгауза и Эфрона читаем: "В России асфальтовое дело развилось в 1873 году, когда Д. И. Воейков вместе с зоологом М. Н. Богдановым[5] во время экскурсий нашли песчаный асфальт в Бахиловской даче Сызранского уезда. Это дало возможность основать производство гудрона и мастики из местного сырья отличного качества"[6]. Действительно, сызранский асфальт по качеству превосходил все известные в мире. Так, одни из лучших Сейссельские асфальты Франции содержали лишь 11% битума, в то время как сызранские от 12—18% в низших слоях и до 29% битума в верхних. Воейков много средств вложил в исследования месторождений. Исследо-

вано было около двух миллиардов пудов его запасов. Большая часть этих залежей Воейковым была снята в долгосрочную аренду с платой 1 копейки с пуда вынимаемого асфальта.

К строительству асфальтового завода приступили в 1873 году и построили его за два года. Место для него выбрал Воейков на берегу Волги, близ села Батраки, рядом с железнодорожной станцией, что облегчало сбыт по воде и железной дороге. Он купил старую мукомольную мельницу вместе с прилегающей землей и в ее помещении расположил первые цеха. Позаботился Дмитрий Иванович и об оборудовании завода, ввел много нововведений, каких не было даже на европейских предприятиях. На заводе работала паровая машина в 25 лошадиных сил, в двухэтажном здании располагалось восемь выварочных котлов по четыре на этаже. Работали в две смены. Всего числилось на заводе 180 человек, от 50—200 человек работало в с. Бахилово на добыче гудрона. Цена асфальта на месте была 40 копеек за пуд, гудрона — 1 руб. 25 коп. за пуд. Уже в 1877 году завод за неделю давал до 2400 пудов асфальта, а за год — до 40 тыс. пудов. В продажу он поступал в виде плит длиною 2,5 четверти, шириною 1,5 четверти и толщиною в 1,5—2 вершка. Его специально защищали от подделок клеймом "Бр. Воейковы. Сызрань".

Этот, почти единственный асфальтовый завод в России (второй был в с. Печерском того же уезда, маленький, с ручным производством асфальта низкого качества), поставлял асфальт уже с 1876 года в Москву для мощений городских улиц, а позднее городских боинь, университетской клиники, Верхних, Средних и Тепловых торговых рядов. Затем асфальт по Волге стали отправлять в Нижний Новгород, Саратов, Астрахань и другие города. Везли его, конечно, и в губернский город. Дмитрий Иванович очень гордился своим детищем, радушно принимал и показывал производство всем желающим, не делая из этого тайны.

Середина 70-х годов удачно складывалась для него. Он был в расцвете сил, имел интересное дело, его избирают на три года уездным предводителем дворянства. В эти годы он женится на Ольге Александровне Толстой. Ее имение находилось по соседству в с. Большая Репьевка. 21 декабря 1879 года у них рождается первенец Александр. На Рождество и одновременно на крестины приезжают родственники и соседи. На крещении сына присутствовали брат Ольги Александровны — Алексей, воспитанник Александровского лицея, и ее сестра Александра, а также сосед Дмитриев Федор Михайлович. Но безоблачные годы были слишком коротки. Впереди Воейкова ждали большие трудности.

Чтобы завоевать рынок, он с самого начала производил асфальт в убыток себе. И даже после того, как качество асфальта было высоко оценено (в 1882 году в Москве на выставке он получил за него золотую медаль, через четыре года — такую же в Нижнем Новгороде), завод не давал дохода. Неумелое хозяйствование или другие причины были тому виной. Чтобы производство не останавливалось, братья Воейковы решают продать часть земель и суконную фабрику, отказавшись от ее реконструкции. В 1880 году они продают купцу Акчурину А. С. фабрику и 250 десятин плодородной земли впридачу. Купцу Чурину И. Г. из Сызрани в том же году за 23 тыс. рублей продают 370 десятин земли; 180 десятин за 11 тыс. продают крестьянину из с. Старая Рачейка Пагину П. Л.; в 1888 году через Крестьянский Поземельный банк продают за 19,5 тыс. рублей 315 десятин земли крестьянскому обществу села Алакаевка. Но все это не спасло положения, и Воейковы вынуждены были продать завод товариществу Сызранского Асфальтового завода.

И все же имя Дмитрия Ивановича Воейкова, как основателя первого асфальтового завода в стране, сохранилось для истории.

Последующие годы были особенно трудными для большой семьи (у Воейкова было шестеро детей) — безденежье, почти разорение. Дмитрий Иванович не выдерживает невзгод, начинает болеть и в 1896 году умирает в возрасте 52 лет. Ольга Александровна и дети (старшему Александру шел восемнадцатый год, младшей Марии — шестой) оказались в тяжелом положении, но на помощь приходит брат покойного, Александр Иванович. Он забирает всю семью к себе в Петербург. На свою профессорскую зарплату, доходы от московского и сызранского имений обеспечивает их всем необходимым, в том числе заботится о том, чтобы все получили хорошее образование.

Его старший племянник — Александр, находился в том прекрасном возрасте, когда молодые люди ищут свой путь в жизни, а вокруг себя — пример для подражания. Ученая среда, в которую он попал, живя у дяди, вся жизнь профессора, увлеченного безраздельно наукой, наверное, сыграли свою роль в выборе жизненного пути молодого человека. Уже с первых лет его учебы в университете на естественном факультете он страстно отдается научным поискам в области ботаники и, в частности, изучению сортов плодовых деревьев и кустарников.

Первые упоминания его имени можно найти в книгах и журналах по садоводству. Так, в 1900 году в журнале "Плодоводство" выходит его первая статья (в то время он студент первого

курса университета). Она посвящена плодоводству Владимирской губернии. В книге Пашкевича В. В.[7] "Плодоводство Симбирской губернии" он упоминается дважды. Пашкевич пишет о его саде и питомнике в Самайкино (стр. 153) и об обнаруженных им зарослях дикой крупноплодной степной вишни в Сызранском уезде (стр. 385).

В этой книге Пашкевич так отзывается о двадцатилетнем Воейкове: "Один из наследников, А. Д. Воейков, молодой и страстный любитель разных ботанических редкостей, особенно сильно занялся садовым хозяйством, и можно надеяться, что при содействии хорошего садовника садовое хозяйство будет приведено в хороший вид"[8]. Тот же Пашкевич в более позднем своем труде упоминает о сливе ренклод Воейкова, названного так садоводами в связи с тем, что этот неизвестный сорт именно Воейков А. Д. нашел в 1901 г. в грунтовом сарае имения Терениных в Буинском уезде Симбирской губернии. Она была высажена им в своем самайкинском саду, а в 1903 году несколько черенков он подарил Мичурину И. В., с которым, по-видимому, познакомился в те же годы. К сожалению, ныне этот сорт утерян. Хотя сам Мичурин хорошо отзывался о нем и рекомендовал любителям-садоводам разводить его в своих садах. Экскурсии же Воейкова по Симбирской губернии в 1901—1903 гг. выливаются в научную статью "О плодоводстве в Поволжье, заявление Сызранского отдела Российского общества плодоводства", которая вышла в 1905 г. в Трудах Ботанического сада Юрьевского университета[9].

В эти годы Александр Дмитриевич каждое лето проводит в Самайкино, работает в саду. Старый сад, посаженный еще отцом и дядей в 1863 г., состоял из слабых и неурожайных сортов, из-за отсутствия орошения многие деревья росли плохо. Нанятый в 1902 г. опытный садовник, окончивший одну из лучших школ садоводства в Санкт-Петербурге, вселял надежды на возрождение самайкинского сада. Были спилены сухие деревья, посажено 250 молодых. При саде Александр Дмитриевич заложил и свой первый опытный акклиматизационный питомник. В нем Воейков ставил опыты по выращиванию саженцев из семян растений иных климатических зон. Так, в 1898 г. им была высажена семенами пенсильванская вишня, родина которой Северная Америка. Посадил он ее в нескольких местах, семена взошли хорошо, и все саженцы выжили. О своем опыте он написал позднее в журнале "Прогрессивное садоводство и огородничество". В статье он, в частности, написал: "Я думаю, пройдет немного времени и это

растение будет украшением каждого сада Средней России"[10]. Семена этой вишни и даже небольшие саженцы он предлагал высылать всем желающим через Акклиматизационное бюро Сызранского общества Плодоводства[11]. К 1904 г. в его саду насчитывается более тысячи видов растений.

По окончании университета Воейков женится на Надежде Александровне Башмаковой, отец которой был главным редактором "Правительственного вестника", и в 1906 г. приезжает с женой в Самайкино, выбрав его постоянным местом жительства. В планы его входила не только работа в своем помологическом[12] питомнике, занятия наукой, но и пропаганда садоводческих знаний среди крестьян. Он решает открыть при питомнике школу садовых рабочих и быть в ней заведующим.

В Симбирской губернии, в имении Ю. Н. Языкова, уже была такая же школа, содержавшаяся на средства учредителя и Департамента Земледелия. Она имела свой устав и программу, которые Департамент порекомендовал и для Воейковской школы. Шестого января 1906 г. Александр Дмитриевич пока на свои средства открывает ее, приняв двенадцать учеников. По уставу принимались лишь мальчики старше пятнадцати лет, закончившие сельскую школу или хотя бы знавшие грамоту. Лишь 2 октября 1907 г. постановлением Департамента Земледелия за № 26390 было разрешено землевладельцу Воейкову А. Д. открыть в имении школу садовых рабочих с пособием от казны в шестьсот рублей в год. Деньги переводились в Сызранское уездное казначейство уже с января 1908 г. по сто пятьдесят рублей каждые три месяца.

Принятие школы Воейкова на содержание Департамента Земледелия было осуществлено лишь после тщательного обследования ее инспектором сельского хозяйства по Симбирской губернии Н. П. Надеждинским. В докладной в Главное управление Землеустройства и Земледелия Департамента Земледелия 13 июня 1907 г. Надеждинский подробно делится своими впечатлениями от увиденного. Он остался доволен садом и питомником. Сад, приведенный к тому времени в порядок новым садовником, занимал площадь четыре десятины, столько же было заложено нового сада. В саду выращивались в основном яблони (до 70 сортов), сливы, груши, все в небольшом количестве, лишь для маточного сада. Главное детище Воейкова — питомник — занимал площадь семь десятин и располагался в четырех местах в долине реки Томыша недалеко от с. Томышева. В питомнике, помимо плодовых культур, выращивались и декоративные, всего более тысячи сортов[13]. Говоря о питомнике, Надеждинский подчеркнул:

"Дело это пока новое, тем не менее из питомника в год продается разных деревьев на тысячу рублей, сбыт увеличивается постоянно и, думается, доход будет расти. Предполагается в той же долине заложить обширный питомник, защищенный со всех сторон холмами"[14]. Этот питомник Воейков впоследствии именовал как хутор Холмы, указывая в объявлениях свой адрес.

Надеждинского приятно удивило и то, что в питомнике ведется опытная работа по акклиматизации и сорторазведению растений из Америки, Японии, Средней Азии. Здесь росли клен Негундо и туркестанский карагач, японская айва и древовидная пенсильванская вишня, пробковое дерево и многие другие. В своем отчете по Воейковской школе Надеждинский приводит такие слова: "Относительно заведующего А. Д. Воейкова должен сказать, что это молодой, весьма энергичный хозяин, любящий садоводство и хорошо его знающий"[15].

Воейковская школа рассчитана была на 3-летнее образование, с таким раскладом, чтобы постоянно было два класса: 1 и 2, потом 2 и 3, 3 и 1, затем 2 и 1 и так далее. С учениками занимался Павел Густавович Розенберг, окончивший в 1905 г. курс в Пензенском училище садоводства. Ученики находились на полном содержании и обмундировании, в летние месяцы им платили как рабочим по 10 рублей за работу в саду и питомнике. Таковая была обязательной по уставу школы. Зимой они изучали предусмотренные программой предметы: ботанику, географию, математику с геодезией, русский и закон божий. Специальные знания по плодоводству, огородничеству и декоративному садоводству в основном велись с весны до осени на практической основе в саду и питомнике. Ученики школы получали все навыки по разведению, содержанию и уходу за садами и питомниками, по сбору плодов, их упаковке и изготовлению упаковочной тары, сбору семенного материала и многому другому.

Попечителем школы с первых дней стала Ольга Александровна Воейкова, которая приехала к сыну в 1907 г. весной, во время аграрных беспорядков в уезде, затронувших и усадьбу Воейковых[16]. После разрешения конфликта с крестьянами своего села Воейков расстался с садовником П. Г. Розенбергом, так как тот во время беспорядков сочувствовал бунтовщикам. Школа какое-то время оставалась без садовника, и Александр Дмитриевич и его жена вынуждены были сами вести занятия . Из 36 недельных уроков 17 вела Надежда Александровна, 7 — Воейков и 12 часов (временно) — садовник Т. К. Горячев, служивший в экономии у братьев Воейкова. Настоящего помощника в своих делах Алек-

сандр Дмитриевич нашел лишь в 1910 г. по объявлению, которое дал в журнале "Прогрессивное садоводство и огородничество" Объявление гласило: "Ищу садовника. Для заведывания торговым питомником и преподавания плодоводства и огородничества в практической школе садовых рабочих. Условия 30 рублей в месяц и 10% чистого дохода. Питомник 11 десятин, при нем маточный сад и опытные посадки деревьев и кустарников (до 2 тыс. видов). Этой осенью получены две Серебряные медали. Питомник в 7 верстах от станции и в 45 от города Сызрани..."[17].

Садовник, откликнувшийся на объявление, был Григорий Васильевич Черабаев, мещанин из г. Хвалынска. Он закончил в свое время частную садовую школу Грелля А. К.[18], служил в его московском питомнике садовником. Два года вел свое дело в родном Хвалынске. Черабаев имел около ста печатных работ в журналах "Плодоводство", "Русское садоводство", "Прогрессивное садоводство и огородничество" и др. Воейков сам ходатайствует за принятие Черабаева в свою школу перед Департаментом Земледелия. Выбор его оказался удачным. Помощь Черабаева Г. В. в делах школы и в работе питомника была огромной. Воейков мог спокойно оставить на длительное время Самайкино, уезжая по делам в Петербург или другие города. Его помощник успешно справлялся со всеми делами.

С момента открытия школы прошло четыре года. За это время Александр Дмитриевич выстроил специальное здание для нее, рядом со своим домом, истратив на постройку 1200 рублей. В школе учились 17 мальчиков. С ними занимались три преподавателя (один по закону божьему и два предметника).

Но 8 ноября 1910 г. в имении случился пожар. Самого Воейкова в то время не было в Самайкино, о чем можно судить по его письму к некоему Константину Александровичу. В письме Воейков писал: "Телеграмма управляющего моим имением из-за экономии двадцати копеек чересчур мрачна : "Холмы сгорели". Надо было прибавить: "Школу отстояли, книги спасены". Мои архитектурные опыты выдержали трудный экзамен. Пожар заметили, когда один из мезонинов и башня уже пылали и прогорал потолок передней. Но благодаря энергии Г. В. Черабаева и двух учеников, выломавших дверь на балкон, удалось вынести книги и обстановку к зданию школы. Конечно, все сильно порвано и поломано. Страховки всего две тысячи, так что убыток значительный. К маю, думаю, все восстановить. На занятиях школы пожар не отразится..."[19]. То, что удалось спасти школу, было большим счастьем, потому что денег на строительство новой у Воейкова не

было. Школе жилось нелегко. Комиссии, приезжавшие принимать выпускные экзамены, отмечали как причину неуспеха некоторых учеников — бедность школы учебными пособиями. Сам Воейков неоднократно посылал прошения в Пензенско-Симбирское управление по Земледелию и Землеустройству о разрешении использовать остатки годовых средств по смете на пополнение школьной библиотеки и приобретение пособий: атласов и плакатов, материалов для сбора своих коллекций и готовых коллекций. В одном из прошений Воейков даже писал: "Очень желательна также покупка микроскопа и приспособлений к нему, вместо погибших и попорченных во время пожара, и фотографического аппарата с двойным растяжением меха для снимков в натуральную величину, и диапозитивов для волшебного фонаря. Это позволит персоналу школы собрать коллекции, которые пригодятся не только для преподавания в школе, но и, возможно, для чтения лекций крестьянам соседних сел"[20]. Воейков считал, что его воспитанники недостаточно хорошо сдают экзамены, но экзаменационные листы говорят об обратном. Экзамены 1912 г. и 1914 г. все сдали на "4" и "5". Поэтому даже недостаток наглядности в школе не отразился на успехах учеников, получивших прекрасные знания от своих педагогов.

В питомнике дела шли не хуже. Увидев на практике, как трудно завоевать рынок Европейского центра России, Воейков стал ориентироваться в работе питомника на районы Сибири и Приуралья, выращивая растения, взятые из мест с более сухим и суровым климатом. Продажу саженцев осуществляли по заявкам, рассылая предварительно объявления в журналы "Симбирский хозяин", "Прогрессивное садоводство и огородничество" подобно этому: "Золотовскую смородину, американскую синюю вишню, облепиху, яблони-ранеты, выносливые в Сибири, Уссурийскую грушу, а также все виды декоративных растений для садов и улиц предлагает питомник А. Д. Воейкова..."[21]. На выставке в Томске питомник получил высшую награду — Почетный диплом за выбор растений для Сибири. (Всего же он имел 5 наград: диплом, две большие серебряные медали, одну малую и одну бронзовую).

Помимо объявлений Воейков рассылал всем желающим бесплатно каталог питомника. Его он начал издавать с 1905 г., последний выпуск был в 1916 г. Каталог представляет образец совершенства. Все сорта растений в нем распределены по группам. Для каждого сорта кроме цены указано, откуда взят сорт, дана его краткая характеристика. Лучшие и более распро-

страненные сорта выделены в рамочку, сразу обращают на себя внимание. В приложении — краткая рекомендация по высадке и уходу за саженцами. Более ста сортов представляли яблони и ранетки, по нескольку сортов было груш, слив, абрикосов, вишни, черешни, винограда, земляники и других — всех не перечесть. Были и очень редкие растения, имевшиеся в питомниках лишь у двух—трех садоводов страны. Из каталога видно, что многие сорта Воейковым взяты у лучших садоводов и в крупных питомниках, отдельные сорта он брал у крестьян из сел Симбирской губернии, а есть выписанные из-за границы. Чаще всего он обращался за посадочным материалом к Мичурину И. В., Рогозину С. С.[22], Копылову М. Ф.[23], Балабанову М. С.[24] и другим.

В этой связи, в качестве отступления, хотелось бы написать несколько слов о почти тридцатилетней дружбе двух замечательных садоводов-опытников, И. В. Мичурина и А. Д. Воейкова. Несмотря на значительную разницу в возрасте (Мичурин на 25 лет старше), они состояли в постоянной переписке, обменивались посадочным материалом, были и личные встречи, о чем можно судить по отдельным письмам и статьям Мичурина. В своем 4-томнике "Сочинения" Мичурин неоднократно ссылается на Воейкова. В одном томе он пишет о сливе ренклод Воейкова: "Черешками его, полученными от г. Воейкова, я привил в крону два взрослых сеянца торнослива, от морозов они не повредились. Между тем как, по словам г. Воейкова, у него в Сызранском уезде они росли несколько лет хорошо, но в морозную зиму 1907—1908 гг. погибли"[25]. В другом месте Мичурин перечисляет сорта, которые в разные годы получал от Воейкова: смородину Тараножку, Золотовскую, яблони Сяо-ли, акацию белую амурскую, абрикос Семиреченский[26]. В 4-м томе в качестве отдельной статьи приведено им письмо к А. Д. Воейкову, в котором Мичурин высказывался о съезде садоводов в Киеве. Последний раз имя Воейкова упоминается у Ивана Владимировича в 1930 году[27], где он пишет о персике Мао-тха-ор, описание которого ему прислал Воейков из Маньчжурии.

Возвращаясь к каталогу питомника, хочется привести один отзыв из письма получателя. А. Малявин из Уфимской губернии писал: "Я очень Вам благодарен за быстроту исполнения, тщательную упаковку растений и за сами растения, отличающиеся силой корневой системы и аккуратной выгонкой"[28].

Питомник процветал до самой революции и в первые годы Советской власти, в 1923 году он временно закрывался из-за недостатка средств на содержание. Сейчас Самайкинский плодо-

питомник — одно из лучших садоводческих хозяйств в нашей области.

Сам же Воейков по мере того, как расширялся питомник, работала школа, приобретал все большую известность в стране. Он был желанный гость и в Симбирске: на губернских выставках и съездах, заседаниях обществ садоводов. Особенно яркий след оставил он осенью 1910 года, в дни проведения в Симбирске крупнейшей сельскохозяйственной выставки и съезда садоводов. На съезде он прочел три доклада, по ним были приняты специальные постановления. А на выставке он создавал вместе с Е. Дьяконовой, сотрудницей Департамента Земледелия, научный отдел по гибридизации и болезням плодовых растений, который очень понравился посетителям выставки.

В 1914 году Воейкова приглашают на работу в Департамент Земледелия для очень кропотливой и ответственной работы. Группе ученых (Андрееву Б. А., Воейкову А. Д., Пашкевичу В. В., Сацыперову Ф. А.) во главе с вице-директором Департамента А. И. Шахназаровым поручено было провести агроботанические исследования по сбору, культуре и обработке лекарственных растений в масштабах России. Ими было разослано в разные концы страны почти 27 тысяч бланков анкет, получено и обработано пять с лишним тысяч ответов. Были и личные командировки. В 1916 году ученые выпустили книгу "Современное положение в России промысла, сбора, культуры и обработки лекарственных растений". Три статьи в ней из двенадцати написаны Воейковым.

В Самайкино в эти годы он был лишь наездами. В один из таких приездов он побывал в Симбирске и выступил перед садоводами города с докладом "О необходимости изучения сортов плодовых деревьев в наших садах".

Грянувшая революция и гражданская война перевернули все в жизни ученого. Через несколько лет скитаний он оказался на Дальнем Востоке, где стал изучать флору Приморья и Маньчжурии. Вначале он заведовал организованным им опытным полем Китайской восточной железной дороги на станции Эхо, затем — вновь созданным питомником на станции Сяолин. Воейков много путешествовал, собирая и изучая растения отдаленного от центра России региона, написал более пятидесяти статей и книг.

Фанатично преданный работе, одержимый ею, он был очень одинок в жизни. Безразличие ко всему, что не касалось работы, обижало и отстраняло от него близких и знакомых. Его племянница, писательница Н. И. Ильина в воспоминаниях подчеркнула эту его особенность: "Александр Дмитриевич был так поглощен

своей наукой, своими растениями, лекарственными и иными, что ни на что другое его не хватало — так был устроен этот человек"[29]. По-видимому, и брак его очень скоро распался по той же причине.

В середине тридцатых годов Воейков пытался вернуться в СССР, написал письмо президенту ВАСХНИЛ с просьбой о возвращении, но ответа не получил. Больной и одинокий ученый умер весной 1944 года в Харбине. "Сложись иначе его судьба, — пишет Н. Ильина, — останься он в России, куда длиннее бы был список его работ, не исчезли бы любовно собранные им коллекции, его гербарий и иным был бы вклад в отечественную науку этого крупного русского ученого"[30].

Ныне имя Александра Дмитриевича Воейкова практически забыто в России. Мало сохранилось его печатных работ. И упоминания о нем встречаются редко. Лишь в словаре "Русские ботаники" (издание 1947 г.) единственная статья посвящена ему, да в старых изданиях журналов и книг по садоводству кое-где мелькнет имя, тогда еще молодого ученого.

Примечания

[1] В Симбирской губернии в середине XIX века проживало еще две семьи с фамилией Воейковы, не связанных между собой кровными узами. Это Валериан Александрович Воейков, действительный статский советник, имевший земли в с. Суровка и Подкуровка Симбирского уезда и в Сенгилеевском уезде ряд деревень, а также майор Владимир Иванович Воейков, с имением в с. Ермаковка Сызранского уезда.

[2] В доверенности, выписанной Дмитрием Ивановичем Воейковым брату Александру Ивановичу 13 августа 1880 г. (ГАУО, ф. 401, оп. 1, д. 487), упоминается еще одно имение во Владимирской губернии Переяславского уезда при с. Кабанском с дер. Заделиной и пустошью Воскресенской, якобы доставшееся им в наследство от отца Ивана Федоровича. В "Приложении к трудам Редакционных комиссий для составления положения о крестьянах (1860 года), по Владимирской губернии оно не значится за Воейковыми. Видимо, было очень маленьким (имеющие менее ста десятин земли имения в "Приложении..." не указаны). Судьба его по документам тоже не прослеживается.

[3] Газета "Русь" издавалась в Москве в 80-е годы XIX века славянофилом И. С. Аксаковым.

[4] Петр Симон Паллас (1741—1811 гг.) — естествоиспытатель, академик Петербургской АН с 1767 г. в России, возглавлял экспедицию по Оренбургской провинции, в которую входил и наш край.

[5] Модест Николаевич Богданов (1841—1888 гг.) — русский зоолог и путешественник, профессор Московского университета, уроженец с. Русская Бекшанка Сызранского уезда Симбирской губернии, автор нескольких популярных книг по зоологии.

[6] "Энциклопедический словарь" под ред. профессора И. Е. Андреевского, издатели Ф. А. Брокгауз и. Е. Эфрон, 1890 г., т. 11, стр. 404.

[7] Пашкевич Василий Васильевич (1856/57—1939 гг.) — академик, старейший русский ученый плодовод, автор многих трудов по помологии и научному плодоводству.

[8] Пашкевич В. В. "Плодоводство Симбирской губернии". 1904 г., стр. 153.

[9] Ныне университет в г. Тарту, в Эстонии (ранее г. Юрьев).

[10] Воейков А. Д. "Пенсильванская вишня", журнал "Прогрессивное садоводство и огородничество", № 52/1908 г.

[11] "Акклиматизационное бюро для обмена семенами" было организовано по инициативе Воейкова при Сызранском отделе Российского общества плодоводства в 1904 г., но через год или два было закрыто.

[12] Помология — наука о сортах плодовых культур.

[13] У Воейкова в журнальной статье в "Прогрессивном садоводстве и огородничестве" № 48/1908 указано две тысячи сортов, эта же цифра перешла и в словарь "Русские ботаники" (1947 г.).

[14] ГАУО, ф. 33, оп. 1, д. 230.

[15] Там же.

[16] Аграрные беспорядки в имении Воейковых были с мая 1907 г. и до осени. Конфликт произошел у Александра Дмитриевича с крестьянами из-за стоимости десятины земли, сдаваемой им в аренду крестьянам. Подробнее на эту тему есть материалы в ГАУО.

[17] Журнал "Прогрессивное садоводство и огородничество", № 48, 1908 г.

[18] Грелль А. К. — директор ученого отделения Российского общества любителей садоводства. Возглавлял школу акклиматизации путем прививок южных и иностранных сортов на местные подвои. Редактор московского журнала "Садоводство".

[19] ГАУО, ф. 33, оп. 1, д. 230.

[20] Там же.

[21] "Прогрессивное садоводство и огородничество", № 37/1911 г.

[22] Рогозин С. С. — известный симбирский садовод-любитель, автор "Поволжской помологии для практиков" и других работ по садоводству.

[23] Копылов М. Ф. — известный среди садоводов плодовод из г. Сызрани. Ученик и последователь Мичурина И. В.

[24] Балабанов М. С. — садовод, имел крупный питомник в г. Короча Курской области.

[25] Мичурин И. В. "Сочинения", 1948 г., т. 11, стр. 429—431.

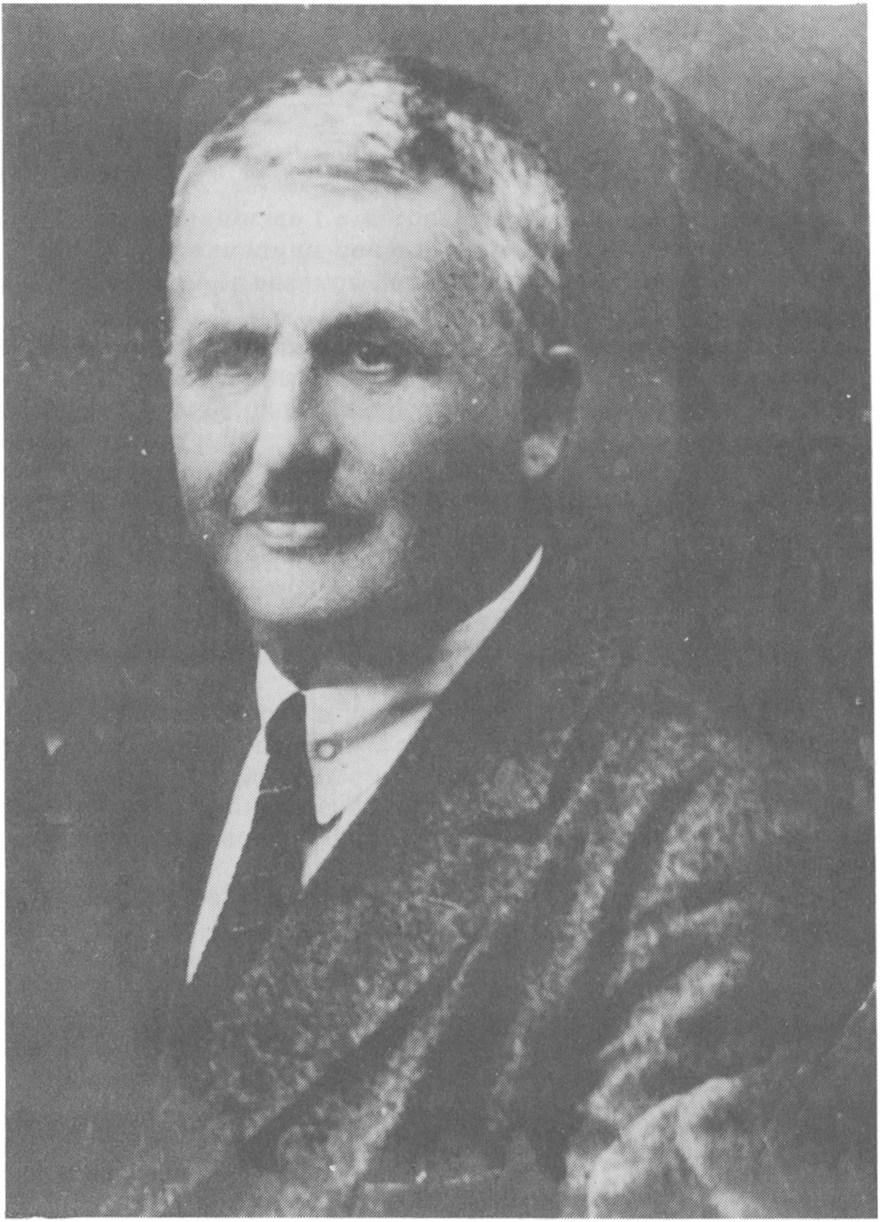
[26] Там же, т. 4, стр. 373.

[27] Там же, т. 3, стр. 204—205.

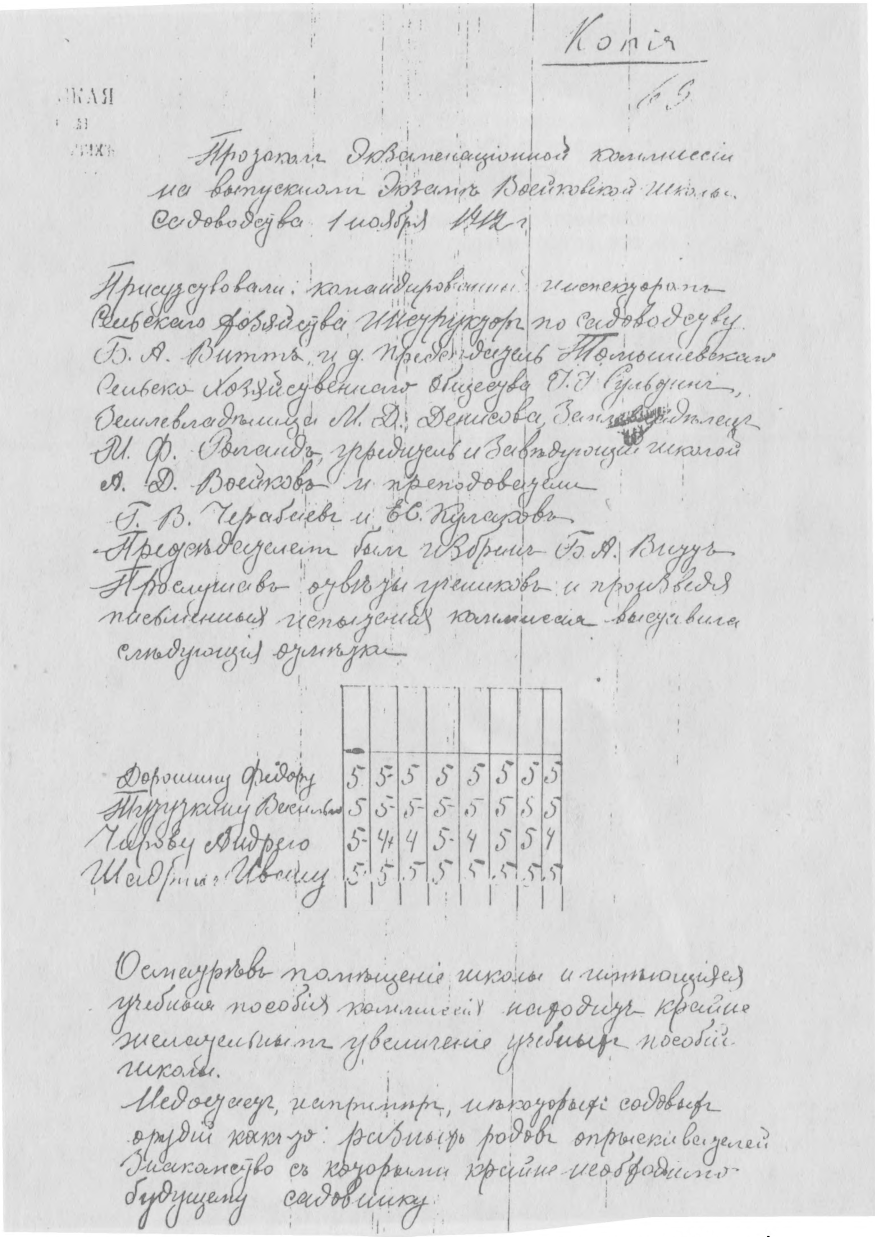
[28] "Каталог питомников А. Д. Воейкова и К° на осень 1916 г. и весну 1917 г. "Саратов, 1916 г.

[29] Н. И. Ильина "Дороги и судьбы", М. Советская Россия, 1988, стр. 23.

[30] Там же, стр. 20.

А. Д. Воейков (фрагмент фото, 1925 г., ст. Эхо)

Копія

69

Протоколъ Экзаменаціонной комиссіи на выпускномъ экзаменѣ Воейковской школы Садоводства 1 ноября 1912 г.

Присутствовали: командированный инспекторомъ Сельскаго хозяйства инструкторъ по садоводству Б. А. Виттъ, и д. председатель Томышевскаго Сельско-хозяйственнаго общества Ф. Г. Сельдингъ, Землевладѣлица М. Д. Денисова, Землевладѣлецъ И. Ф. Вегандъ, учредитель и завѣдующій школой А. Д. Воейковъ и преподаватели Г. В. Чарабаевъ и Е. С. Куразовъ.
Председателемъ былъ избранъ Б. А. Виттъ.
Прослушавъ отвѣты учениковъ и произведя письменныя испытанія комиссія выставила слѣдующія отмѣтки:

Дорошину Федору	5	5-	5	5	5	5	5	5
Трухкину Василью	5	5-	5-	5-	5	5	5	5
Чарову Андрею	5-	4+	4	5-	4	5	5	4
Шадрину Ивану	5	5	5-	5	5-	5	5	5

Осмотрѣвъ помѣщеніе школы и имѣющіяся учебныя пособія комиссія находитъ крайне желательнымъ увеличеніе учебныхъ пособій школы.
Недостаетъ, напримѣръ, нѣкоторыхъ садовыхъ орудій какъ-то: разныхъ родовъ опрыскивателей знакомство съ которыми крайне необходимо будущему садовнику.

Экзаменационная ведомость Воейковской школы. 1912 год.

Л. Н. ЛЮТОВ

Промышленность Симбирской губернии в условиях либерализации централизованно-плановой экономической системы. 1920-е годы

С приходом к власти партия большевиков приступила к осуществлению, по выражению В. И. Ленина, прямого перехода к социализму. В промышленности рабочий контроль позволил легко перейти к конфискации заводов. В Симбирской губернии, как и в целом по стране, в продолжении двух лет вся промышленность (за исключением разве что кустарной) оказалась в собственности у государства. В промышленности был реализован основной социалистический постулат — ликвидирована частная собственность и конкуренция, покончено с рыночным производством. В результате национализации промышленности был воздвигнут важнейший устой централизованно-плановой экономической системы.

В промышленности в кратчайшие сроки формируется главкистский аппарат управления государственной собственностью с жесткими вертикальными структурами по управлению отдельными отраслями промышленности, который исключал всякую возможность для инициативы и самостоятельности на его иерархических ступенях. Это в 1920 г. ощущалось повсеместно. На 9-м губернском съезде Советов (июль 1920 г.) председатель Симбирского губсовнархоза Е. Я. Малаховский страстно говорил: "Уродливое создание главков является неприемлемым по отношению к Советской России. Когда инициатива на местах может поддержать народное хозяйство, можно бороться с теми бедами, которые постигли Советскую Россию после империалистической и во время гражданской войны"[1]. В начале того же года в своей резолюции по докладу Малаховского 3-й губернский съезд профсоюзов записал, что плодотворная работа ГСНХ может протекать при необходимости "использования местной инициативы, глушимой тем централизмом, который выходит из рамок здоровой централизации общего руководства и управления"[2].

Кризис в 1920 г. нежизнеспособной экономической системы, основанной на государственной собственности, заставил правящую компартию осуществить либерализацию этой системы, допустив функционирование в ней некоторых элементов рыночных отношений. Впрочем, эта либерализация, вне зависимости от субъективных намерений руководства компартии, должна была быть явлением временным, поскольку господствующее положение госсобственности в советской экономической системе фатально приводило к очищению централизованно-планового хозяйственного механизма от рыночных элементов. Восстановление военно-коммунистического хозяйственного механизма в промышленности во всей его чистоте к началу 30-х годов было обусловлено тем, что госсобственность требовала именно централизованного планового управления и соответствующего ему механизма.

С началом нэпа государственные предприятия должны были получить самостоятельность и нести ответственность за результаты своей хозяйственной деятельности, иначе повысить эффективность промышленного производства было нельзя. Однако государство, как владелец собственности, распространило эту самостоятельность лишь до государственного объединения промышленных предприятий — треста. Тресты же создавались центральными и местными хозяйственными органами диктатуры пролетариата на базе административных объединений в промышленности времен военного коммунизма (кустовые объединения и т.п.). Так, например, Симбирский трест грубых сукон был образован из бывшего Губтекстиля. Это означало, что решающую роль при создании трестов играли не экономические, а административные связи. Случайностью это не было — трестовская вывеска зачастую прикрывала элементы прежней главкистской структуры. Вследствие этого трестами не был утерян статус государственного административного органа, правда, они получили большую самостоятельность в оперативном управлении входящими в них предприятиями. Но даже в этом, уже в 1922 г., в высших государственных органах усматривалась центробежная тенденция в промышленности. Ответом на нее явилось синдицирование трестированной госпромышленности. Создание синдикатов рассматривалось как такая политика, которая обеспечит за ВСНХ "возможность руководства и регулирования промышленностью уже на новых началах"[3]. А 14 июля 1922 г. комиссия ЦК РКП(б) по вопросам ВСНХ (в ее состав входили Троцкий, Рыков, Богданов, Смилга и др.) на своем заседании констатировала, что "управление государственной промышленностью осуществляет-

ся ВСНХ, главным образом через посредство государственных трестов (синдикатов), которые являются хозяйственными органами государства, приспособленными к условиям нэпа, т. е. рынка"[4].

Надо отдать должное тогдашнему политическому руководству, нашедшему в короткие сроки не только организационные формы託госпромышленности, которые позволили в условиях допуска элементов рыночных отношений контролировать государственную собственность, но и сумевшему оперативно внедрить их в практику. Впрочем, этому способствовали методы, при помощи которых осуществлялся переход к нэпу, а они, как утверждает резолюция XII съезда РКП(б) "О промышленности", в значительной степени были методами военного коммунизма.

"Новоиспеченные" с помощью этих методов тресты оказывались в тяжелом финансовом положении, т. к. выделяемые им оборотные средства не способствовали успешному их вхождению в рыночные отношения. Из доклада о трестах отдела промышленности экономического управления ГПУ следовало, что в середине 1922 г. именно недостаток оборотных денежных средств вынуждал тресты для покрытия своих расходов по производству, своевременной выплаты зарплаты рабочим прибегать к продаже своей продукции по пониженной расценке или наоборот повышать цену на нее. Высшими государственно-партийными органами это расценивалось как разбазаривание социалистической собственности. А ГПУ было уверено в использовании такой ситуации с трестами "чуждыми элементами в интересах своего класса". И хотя, как отмечалось в этом докладе, "не удалось еще достаточно полно "нащупать" те группы, которые несомненно имеются в трестах", тем не менее в ГПУ было "уже с очевидностью ясно, что деятельность этих групп имеет организационный и систематический характер"[5].

Тяжелое финансовое положение трестов было также следствием того, что государственные учреждения совсем не платили по нарядам и заказам или платили с большим запозданием. Например, почти все текстильные тресты (а их в середине 1922 года было 39), в том числе и Симбирский суконный трест, имели значительные суммы задолженности за военным и другими государственными ведомствами[6]. Отсутствие у трестов свободных денежных средств вынуждало их идти на невыгодные сделки, вело к потере заказчиков на рынке.

О том, что хозяйственный механизм в промышленности с началом нэпа не должен был претерпеть коренных изменений, свидетельствовало стремление усилить плановые начала. Одно-

временно с переходом госпромышленности на хозрасчет был создан Госплан. По мнению В. И. Ленина, нэп "не меняет единого государственного плана и не выходит из его рамок, а меняет подход к его осуществлению"[7]. Партийные теоретики, расходясь в нюансах планового руководства (в степени детализации плановых заданий, широте охвата ими происходящих в экономике процессов и т. п.), были едины в главном: план противоставлялся приспособлению предприятий "рыночной стихии", он должен был служить ее ограничителем, имея форму прямых административных заданий. Такой подход естественно вытекал из признания господствующего положения госсобственности при социализме.

Из этого же постулата исходило и руководство ВСНХ. В июне 1922 г. в меморандуме о своей деятельности и ближайших перспективах ВСНХ отмечал, что год осуществления нэпа показал — он сделал "чрезвычайно значительные шаги по пути приближения к плановому хозяйству"[8]. Определялись и меры воздействия на промышленность по ее плановому руководству в условиях допуска элементов рыночных отношений. Так, план финансирования промышленности должен был устанавливаться ВСНХ на основании производственного плана, утвержденного Госпланом. Финансирование же промышленности должно было идти через синдикаты.

Из уникального положения госсобственности в советской промышленности брали истоки заложенные в хозяйственный механизм ее функционирования тенденции: лишение хозяйственной самостоятельности предприятий в рамках треста, а треста в пределах синдиката, сфера влияния которого постепенно распространяется на всю отрасль промышленности; отрыв предприятий от непосредственного контакта с рынком; борьба с конкуренцией; создание неблагоприятных условий для деятельности частного капитала, с последующим его вытеснением и ликвидацией.

К середине 20-х годов централизованные структуры управления промышленностью настолько окрепли, что даже по сравнительно мелким вопросам трестам требовалось согласие или санкция соответствующего органа ВСНХ и ГСНХ. Поэтому не было преувеличения в утверждении представителей Ульяновского суконного треста на 2-й губернской конференции текстильщиков (февраль 1925 г.), что "ВСНХ со всех сторон нас жмет". В свою очередь, руководство трестами входящими в них предприятиями превратилось в мелочную регламентацию их деятельности вплоть до покупки ими гвоздей, как это имело место в том же суконном тресте[9]. В тресте концентрировались все заказы на

производство, а возникавшая в связи с этим переписка и отчетность задерживала прохождение заказов, движение оборотных средств. Бумажный поток захлестывал производство. Съезд директоров и руководителей промышленности Ульяновской губернии (февраль 1927 г.) среди недостатков в работе промышленности указывал на громоздкость и сложность требуемой отчетности от местной промышленности, множественность отчетных инстанций и большое количество излишних сведений[10].

С переходом к нэпу в промышленности наметился переход от распределительных принципов снабжения и сбыта к договорным отношениям. В декабре 1921 г. Губодежда (отдел Симбирского ГСНХ), заключив договор с начальником снабжения Приволжского военного округа о поставке шинелей, должен был, таким образом, работать в 1922 г. на договорной основе. Местные тресты заключили договоры и с гражданскими ведомствами[11]. Вначале хозрасчетные предприятия и тресты придерживались договорной практики, характерной для рыночных отношений, которая незначительно отличалась от практики частного оборота. Госпредприятия при установлении договорных отношений с контрагентами руководствовались коммерческой выгодой. Поэтому тресты имели свои представительства в других городах. Имел свое представительство в Москве и Ульяновский суконный трест. Тресты участвовали в ярмарках, использовали для заключения договоров биржи. Но подобная практика стала входить в противоречие с тенденцией усиления плановых начал в снабженческо-сбытовой деятельности госпромышленности. Уже в типовом положении о трестах от 12 сентября 1922 г. предусматривалось так называемое "занаряживание" продукции, т. е. когда по нарядам центральных госорганов трест заключал договор о поставке продукции по себестоимости.

Рыночные хозяйственные связи ограничивались и широким распространением системы госзаказов. Цены при госзаказе устанавливались ниже рыночных, но не ниже себестоимости с начислением средней прибыли. Однако госзаказы были убыточными для поставщиков, т. к. росла задолженность госзаказчиков по ним. Из года в год в первой половине 20-х годов Главхозупр. РККА задерживал платежи за готовую продукцию, произведенную на фабриках Ульяновского суконного треста. Задолженность тресту на 1 октября 1924 г. достигла огромной суммы — свыше 1,1 млн. рублей[12]. К 1924/25 г. системой госзаказов было охвачено 25% объемов производства грубошерстной промышленности,

еще больше в металлической — 30%, не говоря уже о добывающей — около половины[13].

В дальнейшем усиление плановых начал на "вольном рынке" выразилось в стремлении центральных госорганов внедрить систему генеральных договоров, а также осуществлять заготовки сырья через немногочисленные товарно-заготовительные органы (типа государственного акционерного общества "Шерсть"), лишая другие организации (в том числе и тресты), прав самостоятельного выступления на рынке.

Этому способствовала и деятельность синдикатов, которые начали составлять планы поквартального завоза сырья, материалов и т. п.

Усиление плановых начал сразу же привело к проявлению основных пороков централизованно-планового вмешательства в экономические процессы. Поквартальные планы не были способны учесть запросы и возможности местных отделений синдикатов, тем более потребности отдельных трестов и их предприятий. Вследствие этого, например, фабрики суконного треста стремились получить от него материалы в двойном размере, не доверяя тресту в своевременном и полном снабжении. Трест же, в свою очередь, не доверял заявкам с фабрик. В результате росли материальные запасы и в трестах, и на предприятиях. В этой связи 2-й съезд директоров и руководителей промышленности Ульяновской губернии нашел необходимым выявить материальные ценности предприятий — запасное оборудование, вспомогательные ремонтно-строительные и др. материалы. Выявленные таким путем запасы, превышающие потребности трестов на текущий операционный год, вместе с неликвидными ценностями предполагалось реализовать путем взаимного обмена между трестами и предприятиями треста[14].

К середине 20-х годов синдикаты и сырьевые общества становятся основными заготовителями сырья для целых отраслей промышленности. Так, например, текстильные тресты, в том числе и Ульяновский суконный трест, заготавливали сырье через акционерное общество "Шерсть", созданное Всесоюзным текстильным синдикатом (ВТС)[15]. Однако заготовками сырья деятельность синдикатов по плановой организации производства не ограничивалась — они брали на себя и материально-техническое снабжение трестов и предприятий, и банковское кредитование отдельных отраслей промышленности.

Процесс усиления контроля центральных госорганов через синдикаты над рыночными отношениями в промышленности имел

поддержку не только среди работников аппарата этих органов, но и трестовских работников. Например, среди руководства суконного треста некоторые в начале 1925 г. определенно заявляли о том, что тресту в своей деятельности нужно "базироваться на центральных организациях", т. е. прежде всего на ВТС, Центросоюзе, т. к. это даст возможность получать кредиты, иметь дело с одним заказчиком и не создавать конкуренцию. И хотя в тресте были и те, кто понимал, что зависимость от нескольких хозяйственных организаций "вредна, а иногда и катастрофична для производителя"[16], укрепление монопольного положения государственных синдикатов на рынке усиливалось. Суконный трест почти половину необходимой ему шерсти получал через общество "Шерсть", основным пайщиком в котором был ВТС, к тому же в качестве оплаты общество принимало исключительно векселя ВТС.

К середине 20-х годов советские хозяйственники уже были "утомлены" той конкуренцией, к которой подталкивал их рынок. К тому же конкуренция, например, Ульяновского суконного треста с ВТС, по выражению ответственного работника треста, показала, "как мы испортили своих покупателей"[17]. Потребитель в условиях конкуренции становился уж очень "привередливым". Поэтому руководство суконного треста в 1925 г. было за то, чтобы договориться с ВТС о районах по реализации продукции треста, причем, реализацией должны были заняться местные отделения синдиката, а не трестовский сбытовой аппарат (коммивояжеры, агентство в Москве). Последний же, как полагало руководство, трест вынужден иметь лишь до тех пор, пока синдикат не будет принимать всю продукцию треста[18].

Во внутрисиндикатских отношениях все большее распространение получила практика заключения генеральных договоров, когда вся продукция трестов передавалась синдикату. Генеральные договоры были призваны укрепить договорную дисциплину, а главное — усилить плановые начала во внутрисиндикатских хозяйственных связях. При этом синдикат, становясь основным или даже единственным посредником трестов в сбыте, изолировал трест, а значит и производство, от потребителя, т. е. от рынка. Производственные программы трестов ориентировались уже не на рынок, а на требования синдиката.

Однако по мере усиления монопольного положения синдикатов в различных отраслях промышленности, а значит ослабления их зависимости от потребителя, происходило также свертывание и сбытовой системы синдикатов. В конце 20-х годов наблюдается

стремительное сжатие сети синдикатских отделений, контор, агентств и т. д. Например, оптовая сеть ВТС сократилась с 224 единиц до 37[19].

Зависимость трестов от синдикатов усиливалась к середине 20-х годов и в связи с тем, что частный оптовик вытеснялся с рынка. В начале 1923 г. было запрещено частное посредничество в сделках госорганов между собой.

В целом же, характер связей внутри синдикатов развивался от договорных отношений к экономическому, а затем и административному воздействию на тресты. В условиях синдикатских сверхмонополий это вело к централизованному через планы управлению промышленностью по ведомственному принципу, к превращению в формальность трестовского хозрасчета. Отсюда ясно, что синдицирование госпромышленности в 20-е годы явилось вторым важным шагом, после ее трестирования, в процессе усиления централизованного планового начала в госпромышленности за счет сужения сферы действия рыночных отношений.

К концу 20-х годов к синдикатам, регулирующим объем выпускаемой промышленной продукции, ее качество и ассортимент, зачастую в масштабе целой отрасли, переходит реальная хозяйственная власть от главных управлений ВСНХ СССР. Организационным последствием этого явилось слияние главных управлений с соответствующими синдикатами. В текстильной промышленности, например, функции главного текстильного управления в июне 1928 г. были переданы ВТС. Таким образом происходило соединение текущего планирования и регулирования промышленностью с оперативным ее управлением. А это означало, в значительной степени, возрождение статуса главков времен военного коммунизма.

Результатом вымывания рыночных элементов и усилия централизованно-плановых начал в хозяйственном механизме промышленности явилось падение эффективности производства. Во второй половине 20-х годов постоянной заботой центральных хозяйственных и партийных органов становится борьба за понижение себестоимости и повышение качества промышленной продукции. Компании идут одна за другой, но без существенного изменения положения.

Председателю ВСНХ в середине 1929 г. приходится направить главным управлениям, комитетам и синдикатам циркуляр, где констатируется процесс резкого ухудшения качества продукции по ряду отраслей промышленности[20]. Действительно, из доклада правления ВТС следовало, что "массовые сорта, как по качеству,

так и по внешнему виду, уступают довоенным... Качество небрежное... Красители часто непрочные, товар линяет... пачкает белье и руки". Правление синдиката отмечало ухудшение качества текстильных изделий "по всей линии и по всем трестам и предприятиям", причем, "за последнее время их качество не только не улучшалось, но даже ухудшалось"[21]. Случайностью, конечно, это не было, т. к. в связи с жесткими требованиями выполнения производственной программы по выпуску товаров, в связи с настойчивой необходимостью снижения себестоимости продукции, тресты и предприятия передавали торговле всю продукцию, в том числе даже бракованную. В условиях товарного голода сбыт находили и недоброкачественные изделия[22]. Да и у синдикатов — отраслевых монополистов — не было никакой экономической необходимости разрабатывать и выполнять предписанные им свыше мероприятия по контролю над качеством продукции[23]. Поэтому падение эффективности производства приводило в свою очередь к усилению централизованно-плановых элементов в хозяйственном механизме промышленности.

Для нэповского хозяйственного механизма в промышленности характерным было неравноценное положение различных хозяйственных укладов. Государство стремилось оказать поддержку и создать преимущества для госпромышленности и затруднить развитие частной. Однако в первые годы нэпа частный капитал все же получил возможность для развития в мелкой промышленности. Рядом специальных декретов и постановлений быстро были созданы благоприятные условия для оживления частного капитала. По постановлению ВЦИК "О кустарной и мелкой промышленности" (июль 1921 г.) каждый гражданин мог организовать мелкое предприятие, зарегистрировав его в местном совнархозе. А по декрету ВЦИК и СНК от 10 декабря того же года бывшим владельцам могли быть возвращены те предприятия, которые не эксплуатировались совнархозами. В июне 1922 г. Наркомпроду было предоставлено право денационализировать мельницы, пекарни, маслобойки и т. п.

Декретом же СНК от 5 июля 1921 г. частным лицам разрешалась аренда государственных предприятий. Арендная кампания началась бурно. К сентябрю 1922 г. в аренду по стране было сдано более половины намеченных к сдаче предприятий[24]. Даже в промышленном отношении слаборазвитой Симбирской губернии во второй половине 1921 г. в аренду было сдано более трехсот предприятий[25]. Передача госпредприятий в аренду продолжалась в губернии и в 1922 г., когда, несмотря на голод, было арендовано

42 предприятия. Около половины сданных в аренду предприятий были сданы частным лицам в основном на срок от трех до пяти лет и до двух лет[26]. Большая часть арендованных предприятий приходилась на мукомольную промышленность и предприятия полукустарного типа. Среднее число рабочих на одно предприятие, сданное в аренду, равнялось четырем[27]. Губернские органы власти и в середине 20-х годов были за передачу в аренду госпредприятий, "не представляющих для промышленности никакого значения" (о чем говорилось, например, в резолюциях XIV губернского съезда Советов в апреле 1925 г.)[28].

Сдачей в аренду государство не только освобождалось от обременительных расходов на чрезмерное количество национализированных предприятий, но и получало оживление оборота и улучшение снабжения населения предметами первой необходимости, а это стимулировало и сельское хозяйство. Кроме того, арендные платежи были средством для восстановления хозяйства и прежде всего местного. И все же, главным образом, арендная организационная форма частной промышленности использовалась пролетарским государством для того, чтобы ввести в определенные рамки деятельность частного предпринимателя, подчинить ее плановому началу.

В частном владении в Симбирской губернии к 1924 г. имелось всего 29 действующих цензовых промышленных предприятий с 531 рабочим[29]. Возможности для развития частного предпринимательства свидетельствовали об известном отступлении в 1921—1923 гг. от запретительных мер периода военного коммунизма. Однако уже в 1924 г. пролетарское государство, ведомое компартией, обеспокоенной "усилением" частного капитала, предпринимает широкое наступление на него. XIII партконференция заявила о необходимости подчинения деятельности частного капитала общему направлению хозяйственной политики Советской власти[30], а в статье наркома РКИ В. В. Куйбышева, опубликованной в феврале 1924 г., уже были изложены правительственные меры по ограничению и частичному вытеснению капиталистических элементов[31].

Была прекращена сдача предприятий в аренду. Арендаторы же оказались в сложном положении, т. к. промысловый налог плюс арендная плата заставили одних арендаторов прекратить аренду, а у других — предприятия закрывались налоговыми инспекторами. Это было результатом того, что еще с 1923 г. начинает усиливаться налоговое давление на частные предприятия,

т. к. в налоговой политике государства "восторжествовал" классовый подход.

Помимо основных центральных налогов, налоговый нажим на частный капитал усиливался за счет местной налоговой системы, которая стала действенным средством государства по вытеснению частного предпринимательства. Так, к промысловому налогу допускались надбавки в местный бюджет до 100%. В Ульяновской губернии промысловый налог в 1924/25 г. был выполнен на 161,2%, а он был вторым по значению после единого сельхозналога среди поступлений от прямых налогов[32]. Промысловый и подоходный налоги с надбавками на местные нужды в 1924 г. изымали из доходов частных промышленных предприятий от 35,5 до 42%[33].

Одновременно с ужесточением налогового законодательства происходит административная регламентация цен и кредитов. За 1924 г. более чем в два раза снижаются размеры кредитов частной клиентуры. Проводится кампания по снижению розничных цен, в ходе которой в качестве средства общественного воздействия на нэпманов практиковались месячники покупки только в кооперации. Цены удалось снизить на 20%[34]. Синдикаты практиковали отказ частникам в отпуске товаров, даже, если это отражалось на товарном снабжении. Культивировалось и состояние классовой борьбы наемных рабочих с частными предпринимателями. Партячейки с профсоюзными органами организовали и возглавляли забастовки на частных предприятиях.

Такой всплеск левокоммунистической идеологии привел к свертыванию частной промышленности в 1924 г. В нашей губернии в 1924/25 г. в цензовой промышленности сохранилось всего лишь два частных предприятия[35]. Уменьшение числа частных предприятий, их продукции сразу же сказалось на насыщенности рынка потребительскими товарами — обостряется "товарный голод". Поэтому в 1925/26 г. партийно-государственное руководство страны вынуждено было ослабить жесткость осуществления этой линии, что привело к кратковременному оживлению частного предпринимательства.

Следствием вытеснения частного предпринимательства было усиление в нем форм нелегальной хозяйственной деятельности. Предприниматели стремятся создавать разветвленную сеть мелких кустарных производств под видом артелей, работавших на финансировавшего их скупщика. Чаще всего это приобретало форму кооператива, т. к. это позволяло предпринимателю пользоваться льготами, предоставленными государством кооператив-

ным организациям. Прикрытием могли служить артели инвалидов, крестьянские артели и "дикие" артели, которые не контролировались каким-либо кооперативным союзом.

В 1926 г., после кратковременного ослабления давления на частный капитал в 1925 г., в условиях все большего усиления централизованно-плановых элементов в хозяйственном механизме в промышленности — государственные синдикаты все более контролируют рынок, вновь начинается вытеснение частного уклада из сферы промышленности. Авторитетно о движении от многоукладной экономики к "зияющим вершинам" государственно-монополистической собственности было заявлено в конце 1927 г. Партсъезд записал в своей резолюции, что к "элементам частнокапиталистического хозяйства должна и может быть применена политика еще более решительного хозяйственного вытеснения"[36]. С этого момента начинается повсеместное интенсивное вытеснение частной промышленности, одного из существенных компонентов нэповского хозяйственного механизма, который все более начинает соответствовать господствующему положению государственной собственности в промышленности. Этот хозяйственный механизм во второй половине 20-х годов, избавляясь от рыночных элементов, приобретает военно-коммунистический облик, т. е. облик централизованно-плановой экономической системы.

Важный урок нэпа в том и состоит, что без кардинального уменьшения доли государственной собственности в экономике России, на неудачу обречены попытки прийти к эффективной экономике, создающей материальные условия для счастливой жизни людей.

Примечания

[1] Государственный архив Ульяновской области (ГАУО). Ф. Р-200. Оп. 2. Д. 568. Л. 24 об.

[2] Там же. Л. 53.

[3] Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 5446. Оп. 26. Д. 61. Л. 31.

[4] Там же. Л. 3.

[5] Там же. Л. 9, 10.

[6] Там же. Л. 22.

[7] Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 54. С. 101.

[8] ГАРФ. Ф. 5446. Оп. 26. Д. 61. Л. 32.

[9] Вторая губернская производственная конференция текстильщиков ульяновской грубосуконной промышленности. 1925 г. Ульяновск, 1925. С. 46, 49.

[10] Резолюции по докладам 2-го губернского съезда директоров и руководителей промышленности Ульяновской губернии. Ульяновск, 1927. С. 14.

[11] Отчет Симбирского губернского исполнительного комитета XII губернскому съезду Советов. Симбирск, 1922, С. 94.

[12] Вторая губернская... С. 20, 22.

[13] Цельникер С. Госзаказы в промышленности // Финансовые проблемы промышленности СССР. М.—Л., 1925. С. 168.

[14] Резолюции по докладам... С. 22—23.

[15] Вторая губернская... С. 23.

[16] Там же. С. 24.

[17] Там же. С. 47.

[18] Там же. С. 50.

[19] Синдикатская система СССР. Материалы Совета синдикатов. М., 1929. С. 3.

[20] Российский государственный архив экономики (РГАЭ). Ф. 3915. Оп. 1. Д. 356. Л. 143.

[21] Там же. Л. 64.

[22] Там же. Л. 68.

[23] Там же. Л. 2.

[24] На новых путях. Итоги новой экономической политики. 1921—1922. Вып. III. Промышленность. М., 1923. С.70.

[25] ГАУО. Ф. Р-200. Оп. 2. Д. 1193. Л. 19.

[26] Отчет Симбирского губернского экономического совещания. № 3. Симбирск, 1924. С. 74.

[27] ГАУО. Ф. Р-103. Оп. 1. Д. 30. Л. 118.

[28] Что сказал хозяин губернии: Резолюции XIV губернского съезда Советов Ульяновской губернии. 5 апреля 1925 г. Ульяновск, 1925. С. 15.

[29] См.: Материалы VIII Симбирского губернского съезда профессиональных союзов. 29.III — 2.IV.1923 г. (Отчет и резолюции). Симбирск, 1924. С. 6.

[30] КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Изд. 9-е. Т. 3. М., 1984. С. 169.

[31] См.: Социалистическое хозяйство. 1924. Кн. 2. С. 19—27.

[32] Природа, хозяйство, культура Ульяновской области. Ульяновск, 1927. С. 150.

[33] См.: Экономическая политика Советского государства в переходный период от капитализма к социализму. М., 1986. С. 122.

[34] Там же. С. 123.

[35] Отчет о деятельности Ульяновского губернского исполнительного комитета. За период времени с 12-го апреля 1925 года по 1-е февраля 1927 года. Ульяновск, 1927. С. 42.

[36] КПСС в резолюциях... Т. 4. М., 1984. С. 262.

Е. С. ГУЗЕНКО, Т. Ю. КОЧЕПАСОВА

Крупнейший симбирский промышленник, купец и меценат Николай Яковлевич Шатров

Николай Яковлевич Шатров (1853—?) — крупнейший Симбирский фабрикант и купец, был известен как солидный поставщиц сукна царской армии. С 1885 г. он являлся владельцем Измайловской фабрики в Сенгилеевском уезде. Кроме нее Н. Я. Шатрову принадлежали Акшуатский и Измайловский лесопильные заводы, прекрасно оборудованные для своего времени, винокуренный завод в Карсунском уезде. Н. Я. Шатров неоднократно назначался членом учетного Комитета Симбирского отделения Волжско-Камского коммерческого банка; являлся председателем Симбирского Биржевого комитета (1902 г.); избирался членом учетного комитета Симбирского отделения Русского для внешней торговли банка (с 1906 г.); был членом Симбирского губернского по фабричным и горнозаводским делам присутствия (с 1891 г.).

Полезная и неутомимая деятельность Н. Я. Шатрова на поприще отечественной торговли и промышленности была отмечена Высочайшим пожалованием ему званий мануфактур-советника (6 апреля 1903 г.) и Статского советника (6 декабря 1912 г.)[1].

Н. Я. Шатров происходил из податного сословия. Образование получил домашнее. Родовых имений не имел. Но за свою жизнь сумел создать огромное состояние. Помимо фабрики и заводов он приобрел в Симбирске три каменных и три деревянных дома. Среди них дом по улице Старо-Казанской (1912 г.; в районе нынешней улицы Красноармейской), по улице Стрелецкой (1897 г.; в районе нынешнего бульвара Пластова), на Кривой улице (1896 г.; в районе улиц Назарьева — Воробьева). Пожалуй, самым известным среди них является дом, расположенный на ул. М. Гимова, который в настоящее время так и называют "Домом Шатрова" — одно из красивейших старинных зданий города[2].

Н. Я. Шатров был крупным купцом: в Симбирске он имел каменную лавку, также три каменные лавки на ярмарке в Нижнем Новгороде; до 4200 десятин земли и леса в Сенгилеевском уезде Симбирской губернии[3].

Помимо торгово-промышленной деятельности Н. Я. Шатров был заметной фигурой в общественной жизни Симбирска прошлого века. С 1885 года он избирается Купеческим собранием членом Почетного присутствия, с 1891 г. — гласным Городской Думы, в 1888 г. и 1892 г. избирался церковным старостой Симбирского Кафедрального собора, в 1896 г. Высочайше утвержден в звании Директора Симбирского губернского тюремного комитета, в 1896 г. Симбирской Городской Думой избран в члены комитета Карамзинской общественной библиотеки. В 1898 г. Н. Я. Шатрову даровано звание Потомственного Почетного гражданина города Симбирска[4].

Н. Я. Шатров вошел в историю нашего города и как большой меценат, жертвователь, дававший немалые средства на становление и развитие народного просвещения в Симбирске и губернии. Именно на этой малоизвестной стороне его деятельности нам бы хотелось остановиться подробнее в данной статье.

Будучи владельцем суконной фабрики в селе Старая Измайловка, Н. Я. Шатров, как это и было принято, должен был заботиться о духовном и нравственном состоянии своих рабочих. На его средства в 1897 г. в селе был открыт храм, "каменный и теплый, отличающийся благолепием и благоукрашением". Кроме этого на территории фабрично-заводского поселка действовали больничные заведения для служащих на фабрике, часовня. На средства Шатрова содержалась и Николаевская церковно-приходская школа, в звании Почетного Попечителя которой Николай Яковлевич был утвержден в 1888 году[5].

24 декабря 1898 г. за постройку в с. Измайловке Сенгилеевского уезда каменной церкви и другие пожертвования Шатрову был пожалован орден св. Станислава 2-й степени[6].

Н. Я. Шатров был ревнителем коммерческого образования. Симбирское коммерческое училище в первый год своего существования (1901) получило от него в дар громадный по Симбирску каменный двухэтажный дом с подвалом, с каменными надворными постройками, давший потом возможность поместить там училище. Стоимость этого дара была оценена в то время в 40 тыс. рублей. Этим даром Шатров обеспечил прочное основание дальнейшему существованию училища. Высоко ценя это, Совет коммерческого училища избрал щедрого дарителя Пожизненным Попечителем (с 19 июня 1901 г.), а Дума возбудила ходатайство иметь в училище портрет Николая Яковлевича, на что и получила Высочайшее соизволение[7].

Н. Я. Шатров входил в Правление Общества вспомоществования нуждающимся ученикам коммерческого училища. В 1901 г. пожертвовал Обществу билет Общественного банка в 2000 рублей в неприкосновенный капитал, из процентов с которого должна была вноситься плата за беднейшего ученика по усмотрению жертвователя[8].

Н. Я. Шатров принял активное участие в открытии Торговых школ в Симбирске. В 1904 году Симбирская Городская Дума приняла решение открыть в городе две торговые школы — мужскую и женскую, доступных для обучения небогатому классу. Шатров пожертвовал для них 30 тыс. рублей для приобретения зданий при условии, что Министерство финансов, в ведении которого находились эти учебные заведения, ежегодно будет назначать субсидии в размере 10—12 тыс. рублей. Городская управа ассигновала из средств города своевременно 1000 рублей единовременно и 1000 рублей ежегодно на содержание этих школ[9].

Шатров оказывал помощь Симбирским приютам и Симбирской классической гимназии. В 1901 г. он был утвержден Почетным членом Симбирского Попечительного Совета детских приютов. Одно время являлся Председателем исполнительной комиссии по управлению Симбирским городским детским приютом. С 1898 г. он Почетный член Братства Преподобного Сергия при Симбирской классической гимназии, а с 1 января 1908 года член Совета этого Братства[10]. Шатров являлся Почетным членом Общества св. Татианы для вспомоществования нуждающимся ученикам в низших учебных заведениях г. Симбирска[11].

Николай Яковлевич протягивал руку помощи не только бедным, но и больным людям. "Симбирский городской вестник" за 1913 год приводит письмо Шатрова к председателю Симбирского отдела Всероссийской лиги борьбы с туберкулезом Л. И. Афанасьеву с предложением открыть в Симбирске санаторий для туберкулезных больных и готовности личного пожертвования на это 20 тыс. рублей[12].

Жена Николая Яковлевича Надежда Васильевна Шатрова также своей деятельностью и материальными средствами поддерживала Братство св. Равноапостольной Марии Магдалины при Симбирской Мариинской гимназии (была Почетным членом Братства) и Симбирское Общество взаимного вспомоществования учащим и учившим в народных училищах Симбирской губернии (являлась членом — соревнователем Общества)[13].

Но самым теснейшим образом имя Н. Я. Шатрова связано с Симбирской чувашской учительской школой. В своих воспоминаниях ее основатель и директор И. Я. Яковлев отмечал тот факт, что Симбирское высшее дворянство, всегда считавшее себя чем-то особенным, родовитым, знатным, относилось к чувашской школе свысока, посмеиваясь и совершенно ею не интересовалось. Земство также не оказывало большой помощи. Значительные средства школе давали частные лица.

Из благотворителей, поддерживавших школу и содействовавших ее процветанию, имя Шатрова называлось с особой признательностью. И по праву. "Н. Я. Шатров особенно много содействовал расширению и устройству школьных зданий, пожертвовав на вновь выстроенный трехэтажный каменный дом более 40 тысяч рублей"[14].

На свои средства Шатров отстроил двухэтажный каменный дом для мужского 2 классного приходского училища, в котором могло размещаться 100 мальчиков: жить, учиться и питаться; да еще в этом же доме размещались две квартиры для учителей. Стоимость всех произведенных работ по строительству дома, его отделке, обстановке комнат, устройству двора составила 61400 рублей. Личное пожертвование Н. Я. Шатрова составило 564000 рублей[15].

"...На средства Шатрова школа приобрела значительный надел земли перед церковью, а частично под ней, кроме того Николай Яковлевич принес в дар школе собственное усадебное место, находящееся рядом со школой... Раньше школьная усадьба была разобщена владениями, принадлежавшими разным лицам. Теперь благодаря содействию Шатрова школьная усадьба, во-первых, значительно увеличена новыми приобретениями, во-вторых, составляет одно целое и сплошное владение... Идя навстречу духовному развитию школы, Николай Яковлевич расширил и перестроил домовую церковь, руководствуясь по собственному признанию мыслью, что всякая школа должна быть в тесном единении с Божьим храмом"[16]. Расширение домового храма позволило получить просторное помещение для воспитанниц женского училища. Общая стоимость произведенных работ выразилась в сумме 9794 руб. 75 коп., в коих большая часть — 7899 руб. 49 коп. — была принята Шатровым на свой счет[17].

При посредстве благотворительной помощи Н. Я. Шатрова школа счастливо выходила из многих затруднительных обстоятельств, в каких оказывалась она при своем скромном бюджете, но быстром росте. Без Николая Яковлевича Симбирская чуваш-

ская школа не была бы хорошо оборудованным учебным заведением. Шатров поддерживал ее с 1883 года и на протяжении более, чем 25 лет. В пользу нее он пожертвовал более 100 тыс. рублей, приобрел духовой оркестр; в 1910 г. был основателем фонда на стипендию имени И. Я. Яковлева (внес 500 рублей); с 1893 года становится Почетным Попечителем Симбирской чувашской учительской школы и Товарищем Председателя святодуховного Братства при школе[18].

В 1910 году совпали и торжественно отмечались два юбилея: 40-летие Симбирской чувашской учительской школы и 25-летие служения Н. Я. Шатрова школе. Правительство также высоко оценило заслуги Шатрова, оказанные этому учебному заведению, пожаловав ему Золотую медаль для ношения на шее на Станиславской ленте (13 декабря 1891 г.) и Орден св. Анны 2-й степени (6 декабря 1902 г.). В 1909 г., 1 января за активную общественную деятельность Н. Я. Шатрову был Всемилостивейше пожалован Орден св. Владимира 4-й степени[19].

Революцию в России 1917 года Н. Я. Шатров принял и добровольно передал Советской власти принадлежавшее ему состояние. Но судьба жестоко обошлась с замечательным человеком и славным меценатом. В 1919 году по ложному обвинению он был осужден и направлен в концлагерь. В том же году был освобожден по амнистии. Его дальнейшая судьба нам не известна.

Примечания

[1] ГАУО, ф. 197, оп. 2, ед. хр. 243, л. 5—6
[2] ГАУО, ф. 187, оп. 2, ед. хр. 243, л. 2
ГАУО, ф. 137, оп. 27, ед. хр. 59
ГАУО, ф. 137, оп. 12, ед. хр. 71
ГАУО, ф. 137, оп. 11, ед. хр. 57
[3] ГАУО, ф. 187, оп. 2, ед. хр. 243, л. 2
[4] ГАУО, ф. 187, оп. 2, ед. хр. 243, лл. 2—6
[5] Симбирские епархиальные ведомости, 1904, № 18, с. 329, 331; ГАУО, ф. 187, оп. 2, ед. хр. 243, л. 2.
[6] ГАУО, ф. 187, оп. 2, ед. хр. 243, л. 4
[7] Краткий обзор деятельности Попечительного Совета Симбирского коммерческого училища // журнал Симбирской Городской Думы, 1904, № 18, с. 476; ГАУО, ф. 187, оп. 2, ед. хр. 243, лл. 5,54
[8] ГАУО, ф. 154, оп. 1, ед. хр. 5, л. 20
[9] ГАУО, ф. 137, ед. хр. 215, л. 52
Журнал Симбирской Городской Думы, 1904, № 18, с. 467
[10] ГАУО, ф. 187, оп. 2, ед. хр. 243, л. 56
[11] Материалы по народному образованию Симбирской губернии, книга 6, с. 10
[12] Симбирский городской вестник, 1913, № 9, сс. 13—14

[13] Отчет Братства св. Равноапостольной Марии Магдалины при Симбирской Мариинской женской гимназии за 1909—1910 гг. — Симбирск, 1911 г., с. 4; Отчет о деятельности Симбирского Общества взаимного вспомоществования учащим и учившим в народных училищах Симбирской губернии с 25.06.1896 по 25.06.1897 / / Материалы по народному образованию Симбирской губернии, книга 6, с. 28

[14] Отчет о состоянии и деятельности св. духовного Братства при Симбирской чувашской учительской школе за 1910 г. — Симбирск, 1911 г., с. 43

[15] Материалы к истории Симбирской чувашской учительской школы; — Симбирск, 1915 г., с. 56—58.

[16] Отчет о состоянии и деятельности св. духовного Братства при Симб. чувашской учит. школе за 1910 г.; — Симбирск, 1911, с. 44.

[17] Материалы к истории Симбирской чувашской учительской школы; — Симбирск, 1915 г., с. 45.

[18] ГАУО, ф. 187, оп. 2, ед. хр. 243, л. 2—3

Симбирянин, 1913 г., № 1685, с. 3

Материалы по народному образованию Симб. губ., кн. 10

Отчет о состоянии и деятельности св. духовного Братства при Симб. чувашской учит. школе; — Симбирск, 1911, с. 46

[19] ГАУО, ф. 187, оп. 2, ед. хр. 243, лл. 4, 5, 6

О. А. СВЕШНИКОВА

Дом Чугуновых по Мартыновой улице

В 1857 или 1858 году преподаватель Симбирской мужской классической гимназии Михаил Иванович Чугунов покупает у симбирской мещанки Александры Макаровны Блинковой[1] деревянный флигель на Мартыновой улице[2] (ныне дом 35 по ул. Радищева).

После пожара 1864 г. улица Мартыновая отстраивалась заново. Проект "на постройку вновь" дома Чугунова в 1865 г. составляет известный в Симбирске "чертежник" Сергей Васильевич Поникин. В мае 1870 г. М. И. Чугунов переписывает дом на свою жену Клавдию Сергеевну Чугунову. "Дом деревянный с строением и землею, во 2 части, в приходе церкви Вознесения Господня, по Мартыновой улице 7 саж., взадах 7 саж. 2 арш., длиннику с правой стороны идя во двор 16 саж. 2 арш. и с левой 17 саж. Основания права собственности: купчая от Статского Советника Михаила Ивановича Чугунова совершенная 1 мая 1870 г."[3].

В августе 1889 г. "имущество" перешло к мещанке Ольге Ксенофонтовне Шевелевой[4], которым она владела до 1925 года включительно[5].

До настоящего времени дом сохранил свой первоначальный облик, о чем свидетельствует проект 1865 года.

Вернемся к семье Чугуновых, которая в этом доме прожила двадцать пять лет. Михаил Иванович Чугунов родился 15 сентября 1825 г. (все даты даются по старому стилю). Происходил из обер-офицерских детей. С 24 августа 1846 г. по 24 октября 1850 г. студент Казанского Императорского Университета[6]. По окончании университетского курса со званием Действительного Студента "в службу вступил" 6 января 1851 г. в Нижегородскую Палату гражданского суда с чином Губернского Секретаря, а 22 февраля того же года "перемещен исправляющим должность старшего учителя истории в Симбирскую гимназию"[7].

4 ноября 1853 г. в Спасо-Вознесенском соборе М. И. Чугунов бракосочетается с девицей Клавдией Львовой, 1835 года рождения, воспитанницей флота Лейтенанта Укова[8]. Во время брако-

сочетания поручителями от жениха были учитель географии Симбирской гимназии Титулярный Советник Тимофей Федорович Ларин и симбирский мещанин Федор Иванович Батухов. От невесты — симбирский купец Петр Иванович Неугодов и симбирский мещанин Алексей Федорович Долганов[9].

С 1 марта 1855 г. параллельно с уроками в мужской гимназии М. И. Чугунову было "дозволено преподавать" в Симбирском Елисаветинском училище историю и географию. Здесь же в апреле 1863 г. ему было "поручено преподавание арифметики... сверх прежних обязанностей"[10]. Во время пожара 1864 г. здание училища сгорело и воспитанницы были переведены в Нижегородский институт, а М. И. Чугунов с декабря 1864 г. стал преподавать историю в Мариинской женской гимназии[11]. В это же время в мужской гимназии он был "перемещен на вакансию преподавателя латинского языка"[12].

"Из преподавателей старого типа у меня остался в памяти Михаил Иванович Чугунов — преподаватель латинского языка в низших классах гимназии. Человек это был очень старый, совершенно глухой. Во время его преподавания в классе был постоянный шум..." (Из воспоминаний воспитанника гимназии 1874—1881 гг. Михаила Крылова)[13].

"Лучшим, по крайней мере очень чистым, как личность был старик С. М. Чугунов (М. И. Чугунов — О. С.), с которого, как говорят, Гончаров писал Козлова в "Обрыве"... Идеалист, совершенно ушедший от жизни в науку, обложенный книгами, он преподавал латинский язык с первого и историю с третьего класса... (Из воспоминаний А. И. Ульяновой-Елизаровой о годах учебы брата Александра в гимназии)[14].

Приказом Г. Попечителя Казанского учебного округа от 1 марта 1878 года М. И. Чугунов был оставлен на службе еще на один год со времени выслуги 25-летнего срока с 6 января 1876 г.[15]. За службу имел награды: темную бронзовую медаль в память войны 1853—1856 гг. на Владимирской ленте (награждение не связано с участием в войне. — О. С.), орден Св. Анны 3 степени, орден Св. Станислава 2 степени[16]. 1 июля 1878 г. по ведомству Министерства Народного просвещения М. И. Чугунов был уволен в отставку[17], а через полтора года, 3 февраля 1880 г. умер от чахотки в возрасте 54 лет[18].

В семье Чугуновых было двое детей: сын Сергей (родился 10 октября 1854 г.) и дочь Ольга, которая умерла 29 июля 1865 г. в возрасте трех лет.

2 августа 1864 года Сергей Чугунов поступает в Симбирскую мужскую гимназию. Учась в шестом классе, он становится одним

7*

из организаторов гимназического кружка самообразования. "Всеобщее общественное возбуждение и начавшееся в стране "хождение в народ" побудило лучшую часть учащейся молодежи Симбирска и губернии к созданию подпольных кружков, принимавших в то время окраску народничества... Один из них в 1872 году сгруппировался вокруг Сергея Михайловича Чугунова... и его одноклассников"[19]. Собрания кружковцев проходили на квартире выпускницы Симбирской Мариинской гимназии Надежды Порфирьевны Николаевой, в доме ее родителей по Мартыновой улице недалеко от дома Чугуновых[20]. Приходили сюда Владимир Соколов[21], Константин Целерицкий[22], Александр и Николай Беклемишевы[23], Петр Урусов[24], Петр Тюбукин[25], Павел Черниговский[26], Владимир Нольде[27], а также выпускницы Мариинской гимназии Авдотья Николаевна Фурнэ[28], Варвара Васильевна Шипкова[29], Евлампия Павловна Пекерова[30] и ее сестра Вера Павловна[31], Мария Ивановна Рождественская[32], Ольга Гавриловна Потанина[33], преподавательница женской гимназии Софья Николаевна Фейерштейн[34] и чиновник окружного суда Эмануил Петрович Савинов[35].

На собраниях обсуждалась новая публицистическая и естественно-научная литература, читались книги по социальным вопросам, статьи о рабочих ассоциациях, сочинения Михайлова. "Главною темой наших разговоров был труд, дающий самостоятельность. О самостоятельном труде вообще и о труде женщин в особенности шли у нас разговоры... и о ее семейном положении" (Из показаний Н. П. Николаевой)[36].

Мировоззрение кружковцев складывалось под влиянием произведений передовых писателей, публицистов, ученых, о чем свидетельствуют показания С. М. Чугунова, данные при дознании в октябре 1875 года:

"... я позволю себе вкратце изложить свою... жизнь в Симбирске, где я получил воспитание и где под разнообразными влияниями выработалось мое общее мировоззрение. Собственно говоря, умственное мое развитие началось с 1869 года, когда мне было всего лет четырнадцать и учился я в IV классе Симбирской гражданской гимназии. Развитие мое умственное началось с мистицизма, чему способствовало чтение известного романа Гр. Толстого — Война и мир. В 1870 году, под влиянием чтения сочинений (Кольцова, Белинского), Лермонтова и особенно Пушкина, мое интеллектуальное развитие получило романтическую окраску. Увлечение стихами Пушкина способствовало тому, что я довольно подробно изучил дух произведений нашего поэта и

даже сам писал в это время стихи на темы — "Ей", "К ней" и т. д. Так прошел и 1871 год. К концу этого года в начале следующего, 1872 года, во мне начался поворот в сторону реализма. Этому способствовало чтение популярных книг и статей по естествознанию, а также чтение романа Тургенева "Отцы и дети". Кроме чтений в таком направлении были у меня разговоры с моими товарищами по классу Владимиром Петровичем Соколовым, Петром Петровичем Викторовым[37] и Александром Дмитриевичем Беклемишевым. Поворот к реализму совершался постепенно, хотя время на это было употреблено по-видимому немного (5—6 месяцев). В конце 1872 года мое реалистическое направление означилось резче и хотя в это время я читал сочинения Белинского, но уже замечательные эстетические рецензии этого критика потеряли для меня большую часть своего прежнего обаяния. Ореол, которым я в своем воображении окружил Пушкина, также в это время затмился. Изучение естественных наук становилось на первом плане как в разговорах с окружающими, так и в выборе книг. Самая критика Писарева мне нравилась по двум причинам: во первых, потому, что сказанный писатель в каждой почти статье ратует за естествознание, а во вторых потому, что в его статьях довольно подробно и — надо сказать, откровенно и этим отдать справедливость молодому критику, — увлекательно разбираются вопросы личной нравственности. Читал я в это время (в 1872 г. в декабре) и сочинение Щапова "Социально-педагогические условия умственного развития русского народа", но этому сочинению я придавал значение **истории** развития математических и естественных наук в нашем отечестве, и на тенденциозность, если только она заключается в данном сочинении, не обращал внимания. Правда, я думал в это время, что русскому обществу в лице молодого поколения предстоит **великое** дело, но это дело я понимал в смысле изучения природы России, разработок естественных богатств нашего обширного отечества и, следовательно, я этим признавал крайнюю необходимость стараться развить в обществе любовь к изучению естествознания. С этой точки зрения я смотрел и на общественные науки. Надо сказать, что у меня еще в 1869 году была мысль написать свою биографию. После чтения сказанного сочинения Щапова, эта мысль стала обозначаться резче и я задумал оформить свою биографию таким образом: "Индивидуально-педагогические условия моего интеллектуального развития". Делая обзоры своей жизни, я замечал в ней постепенное развитие — и следствием этого — то было окончательное решение заняться сказанным вопросом. Кроме

того, путем продолжительных размышлений я пришел к тому заключению, что **историю личности** нельзя писать без знания истории того общества, в котором данная личность развивалась. И когда в нашем VII классе гимназии задал преподаватель словесности Александр Васильевич Сердобаев (Сердобов — О. С.)[38] тему "Критики 40-х годов" и "Значение математики для воспитания", я впервые в это время оформил свои предполагаемые труды таким образом: "О развитии русской мысли в XIX веке". К первому же вопросу, к вопросу о **развитии личности**, я обратился серьезнее со времени сочинения "Что важнее для развития человечества: влияние ли законов природы, или влияние идей". Это было в продолжении октября и ноября 1873 г... В сказанном сочинении я старался на сколько был в силах, доказать, что самая важная наука для общества есть педагогика, что к ней сходятся все общественные вопросы... Как раз к этому времени приехали из Санкт-Петербургского университета студенты, мои бывшие товарищи по низшим классам Викторов и Василий и Федор Милеевы[39]... При разговоре с гг. Викторовым и Милеевыми о сказанных книгах (речь идет о книгах, переданных Чугунову Викторовым "Французский крестьянин 1781 года" и "Отщепенцы" — О. С.) я заметил о важности педагогики, как науки. Они стали опровергать, говоря, что существующий порядок вовсе и недозволяет заниматься наукой, за коим того заметили, что жизнь человека важнее науки. Я сказал, что путь посредством которого может развиться человечество путь медленный, потому что основы общества как бытовые формы, создаются медленно и при том, в защиту своего мнения о важности науки я сказал "чем развитее, усовершенствованнее наука, тем истины ее общедоступнее". Наш спор закончился ничем, а нового не было, потому что как Викторов, так и Милеевы уехали из Симбирска в конце июня... В марте месяце я читал недавно вышедшее сочинение Спенсера "Изучение социологии" и читая невольно сравнивал с "Отщепенцами": как в одном все показывает серьезно отношение к избранному предмету, глубину понимания, — так в другом все говорит за то, что автором руководило чувство, вследствие чего и поверхностность. Идея Спенсера "характер агрегата зависит от характера составляющих его единиц" вполне согласовалась с моими личными взглядами на общество. Словом, я мог сказать, что только у Спенсера я нашел по моему мнению ту ясность понимания, которое дало и мне почву, поддержку в преследовании своей цели — уяснить законы развития личности, возвести педагогику на степень науки... От кого получил Викторов стихи

и книги я не знаю, на сей же вопрос Викторов говорил, что он получил их в Петербурге. Насколько согласовались идеи Викторова с идеями стихов и сказанных книг, я не знаю, потому что как Викторов, так и Милеевы только оспаривали мои убеждения о значении педагогики для общественного развития. При этом впрочем они замечали, что одна наука не пособит,а что целью агитации должен быть политический переворот средством для которого должны служить социальная революция, то есть воспользовавшись общим замешательством, должно быть установлено равенство всех перед законом. Более подробное развитие этих идей они не излагали мне за недостатком времени"[40].

В отличие от П. Викторова и братьев Милеевых кружковцы стояли только на просветительских позициях. Наука, просвещение и педагогика по их мнению должны сыграть решающую роль в изменении общества, в улучшении жизни народа. "...мы сожалели о бедственном положении народа, но целью помочь этому положению, изменить его не задавались и думали только, что положение народа может улучшиться, если каждый в своей сфере — медика, ученого и проч. будет действовать честно и тем самым, своим трудом, облегчит участь народа" (Из показаний Н. П. Николаевой при дознании в октябре 1875 г.)[41].

"Кружок Чугунова" просуществовал до отъезда С. Чугунова и Н. Николаевой в Казань (август 1875 г.). 1 сентября 1875 г. Сергей Чугунов был зачислен студентом медицинского факультета в Казанский Императорский Университет. В 1879 г. он был помощником прозектора при зоотомическом кабинете и помощником прозектора при кафедре анатомии университета[42]. 10 декабря 1880 г. в звании лекаря он заканчивает университет, получив назначение на должность земского врача в Шадринский уезд Пермской губернии. Здесь С. М. Чугунов прослужил с 19 декабря 1880 года по 1 сентября 1886 года, заведуя в течение всего этого периода восточным медицинским участком с больницей в с. Каргапольском. Затем был переведен на должность Шадринского уездного врача. С 14 сентября 1887 г. по январь 1888 г. состоял на службе Сенгилеевского земства, заведуя Сенгилеевским участком и больницей. 20 января 1888 г. С. М. Чугунову было выдано удостоверение в том, что он "лекарь не имеющий чина". С 1 февраля по 5 сентября того же года он "занимается" при Симбирской губернской земской больнице в качестве сверхштатного ординатора без жалования, после чего назначается на должность помощника прозектора при кафедре анатомии Томского университета[43]. В дальнейшем жизнь и деятельность С. М. Чугунова и его семьи были связаны с городом Томском.

Еще будучи студентом Сергей Михайлович занимается научной работой — проводит антропологические раскопки в Симбирске и Симбирской губернии. Результатом его исследований стали статьи, изданные в Казани. Так в 1877 г. была опубликована работа "О костях, найденных в Симбирске"[44]. В 1879 г. в сборнике "Труды Общества Естествоиспытателей при Императорском Казанском Университете" выходит его "Отчет о раскопках древних кладбищ в г. Симбирске и его окрестностях в 1878 г."[45], в 1880 г. — работа "Антропологический материал Антрополого-археологической выставки в г. Казани в 1879 г."[46]. 12-ым января 1882 г. датирована статья "Результаты антропологической экскурсии к мордве Симбирской губернии в 1880 г. Исследования скелета мордвы"[47]. Научные изыскания в данной области С. М. Чугунова продолжает и в Томске. Вот некоторые из работ того периода: "О натуральной мумии, найденной в городе Томске" (1890 г.), "Антропологический очерк Остяков Сургутского края" (1890 г.), "Материалы для антропологии Сибири" в двух томах (1893—1894), "Собранные сведения о кургане в Камском округе Томской губернии" (1895 г.). 15 декабря 1899 года С. М. Чугунов был утвержден в степени доктора медицины, им была написана диссертация "К вопросу об антропологическом типе киргизов"[48].

Как уже говорилось выше, вскоре после отъезда С. М. Чугунова из Симбирска (1875 г.), в Казань отправилась и Н. П. Николаева. Надежда Порфирьевна Николаева родилась в 1855 г. в дворянской семье. Отец — Порфирий Николаевич Николаев вышел в отставку в чине Коллежского Секретаря, мать — Мария Ивановна была владелицей имения в Ардатовском уезде Симбирской губернии (с. Малые Монадыши — число дворов 108, жителей 657 и с. Тетюши — число дворов 166, жителей 1065 человек)[49]. В семье было еще четверо детей: сын Александр, у которого в январе 1875 г. репетитором был Павел Черниговский, и три младших сестры.

В 1866 г. Надежда Николаева зачисляется в Симбирскую Мариинскую гимназию, по окончании курса которой поступает в Казанский Повивальный институт и учится там с сентября 1875 г. по май 1878 г.[50]. В Казани Н. П. Николаева квартировала в доме Мара по Профессорскому переулку в 4 части города. По этому адресу в октябре 1875 г. и был произведен обыск (ничего подозрительного найдено не было). Обыск был и в доме Бергмана по Мало-Покровской улице, где проживали студенты 1 курса медицинского факультета Казанского университета С. М. Чугунов и братья И. В. и Н. В. Левашевы[51]. У Чугунова были изъяты

статья по социальному вопросу, "Капитал" Маркса, дневник и десять писем. "В дневнике Чугунова наполненном заметками о занятиях его по разным предметам, между прочим, находится на 31 стр. следующая тирада: "современный порядок вещей нерационален в высшей степени, необходимо существенное его изменение"[52]. Одновременно обыски (15 октября 1875 г.) были произведены и в Симбирске у преподавательницы Симбирской женской гимназии С. Н. Фейерштейн, у чиновника Симбирского Окружного суда Эмануила Петровича Савинова и в доме Порфирия Николаевича Николаева "особо обратив внимание на комнате дочери его Надежды, которая в настоящее время проживет в г. Казани"[53]. Основанием для производства обысков у Фейерштейн, Савинова и бывшей квартире Николаевой — послужило близкое знакомство этих лиц с студентом Сергеем Чугуновым, арестованным в г. Казани по обвинению в политическом преступлении..."[54]. 15 мая 1876 года дело о С. Чугунове и Н. Николаевой было разрешено в административном порядке "с подчинением особому надзору полиции". Надзор был снят в 1880 году[55].

11 ноября 1877 года в Крестодвиженской церкви при Императорском Казанском университете состоялось венчание Н. П. Николаевой и С. М. Чугунова[56]. 6 июля 1881 г. у Чугуновых родился сын Михаил. По окончании курса Томской гимназии он поступает на медицинский факультет Томского университета, в 1906 г. ему была присвоена степень лекаря[57].

Последний приезд Сергея Михайловича Чугунова в Симбирск был связан с кончиной матери Клавдии Сергеевны Чугуновой, умершей 3 июля 1899 год[58].

Ссылки

[1] Блинкова А. М., она же Укова. Ее дочь Клавдия в 1853 г. выходит замуж за М. И. Чугунова.

[2] ГАУО, ф. 134, оп. 4, ед. хр. 14, л. 4-4 об.

[3] ГАУО, ф. 401, оп. 1, ед. хр. 19, л. 17 об.

[4] ГАУО, ф. 137, оп. 35, ед. хр. 31, л. 96.

[5] ГАУО ф. Р-183, оп. 6, ед. хр. 159, л. 59.

[6] Преподаватели, учившиеся и служащие в Императорском Казанском университете (1804—1904 гг). К столетней годовщине Казанского университета. Материалы для истории университета, ч. 1, вып. 1 (1805—1854 гг). Собрал А. И. Михайловский. Казань, 1901, с. с. 331, 375.

[7] Центральный Государственный архив Республики Татарстан, далее ЦГАРТ (бывш. ЦГА ТАССР) ф. 92, оп. 1, ед. хр. 12487.

[8] ГАУО ф. 134, оп. 12, ед. хр. 69, л. 56.

Флота Лейтенант Уков Сергей Евграфович постоянно жил в родовой вотчине в селе Жуково Буинского уезда Симбирской губернии, пожалованной деду прокурора Симбирской Верхней Расправы, Евграфа Андреевича Укова, в 1644 году. Умер С. Е. Уков в 1835 г. Его старший брат Иван Евграфович служил

в Петербурге, а в 1837 г. переселился на постоянное жительство в Симбирск, где купил дом. Род Уковых был очень богат, имел более 1300 душ крестьян, кроме с. Жуково им принадлежали две деревни "В Симбирском уезде — Кульметевка и Комаровка, да Мантовские поемные сенные покосы на волжских островах за Артамоновской воложкой" (Мартынов П. Селенья Симбирского уезда. 1903, с. 201, 202).

[9] ГАУО ф. 134, оп. 12, ед. хр. 69, л. 56.

[10] ЦГАРТ ф. 92, оп. 1, ед. хр. 12487.

[11] ГАУО ф. 148, оп. 2, ед. хр. 11, л. 16, об.—17.

[12] ЦГАРТ ф. 92, оп. 1, ед. хр., 12487.

[13] Симбирская гимназия (1809—1909 гг.). Историческая записка. Составил преподаватель А. С. Агринский (Воспоминания). Симбирск, 1909, с. 17.

[14] Александр Ильич Ульянов и дело 1 марта 1887 года. Сб. сост. А. И. Ульянова-Елизарова, М. — Л., 1927, с. 46. После смерти М. И. Чугунова некоторыми из его вещей пополнил свою лабораторию Александр Ильич Ульянов, а также "приобрел немало книг из распродавшейся дешево библиотеки Чугунова. Так там он купил... Дрэпера "Умственное развитие Европы".

[15] ЦГАРТ ф. 92, оп. 1, ед. хр. 12487.

[16] Там же.

[17] ГАУО ф. 101, оп. 2, ед. хр. 69, л. 69.

[18] ГАУО ф. 134, оп. 22, ед. хр. 26, л. 81 об.

[19] Трофимов Ж. Демократический Симбирск молодого Ленина. Саратов, 1984, с. 30.

[20] В 1865 году по проекту "чертежника" С. В. Поникина по Мартыновой улице на месте, принадлежащем дочери Коллежского Асессора Александре Васильевне Гребенщиковой был построен деревянный одноэтажный дом (ГАУО ф. 137, оп. 34, ед. хр. 379, л. 8). По плану г. Симбирска 1871 года дом расположен на усадебном месте № 4, квартал 28. В 1874 г. усадьба переходит во владение жены Коллежского секретаря Марии Ивановны Николаевой (ГАУО ф. 137, оп. 34, ед. хр. 2289, л. 86, об.). В период с 1893 г. по 1903 г. "имение" переходит к новым владельцам. Дом Николаевых по Мартыновой улице до настоящего времени не сохранился (по ул. Радищева он значился под № 60).

[21] Владимир Петрович Соколов родился в 1854 году в Симбирске, мещанин города Сенгилея. Отец — Коллежский Асессор (1874 г.) Соколов Петр Степанович. В 1872—73 уч. г. В. Соколов заканчивает Симбирскую гимназию и поступает в институт г. Харькова. В ночь на 12 мая 1879 г. был обыскан и привлечен к дознанию по делу о харьковском революционном кружке. При обыске у него были найдены запрещенные издания. Содержался в харьковском тюремном замке, освобожден 17 мая. С 18 мая был "подчинен строгому негласному надзору полиции. Дело прекращено 31 января 1881 года. (Деятели революционного движения в России. Био-библиографический словарь, т. 2, вып. 4, М., 1932, с. 1153).

[22] Константин Петрович Целерицкий воспитывался в Симбирской гимназии (одноклассник С. Чугунова). По окончании гимназического курса уезжает учиться в г. Казань. Отец — Губернский секретарь Петр Егорович Целерицкий, мать — Александра Ивановна, сестра Серафима. Проживали в приходе Воскресенской церкви. (ГАУО ф. 134, оп. 6, ед. хр. 109).

[23] Братья Беклемишевы Александр Дмитриевич и Николай Дмитриевич родились в дворянской семье в с. Алашеевка Ардатовского уезда — имении отца Беклемишева Дмитрия Гавриловича. (Памятная книжка Симбирской губернии на 1868 г. Ч. 2, Симбирск, 1868, с. 18). Александр родился 6 января 1853 г., Николай — 8 февраля 1855 г. По окончании Симбирской мужской

гимназии первый из братьев поступает в Корпус путей сообщения, второй — в Московский университет на медицинский факультет. Будучи гимназистом Александр Беклемишев квартировал в доме Николаевых по Мартыновой улице, где собирались кружковцы.

[24] Петр Григорьевич Урусов, сын чиновника, родился в Симбирске в 1852 году 10 января. Отец — Титулярный Советник Григорий Петрович Урусов, мать — Марфа Владимировна, братья — Александр и Николай (Александр Григорьевич Урусов участвовал в революционном движении 1880-х годов). В Симбирской гимназии Петр Урусов обучался семь лет и закончил курс в 1874 г., после чего поступил в институт путей сообщения. (ГАУО ф. 101, оп. 1, ед. хр. 66, 105).

[25] Петр Тюбукин родился 20 декабря 1853 г. в г. Курмыше, из дворян, в Симбирской гимназии обучался десять лет, закончив ее в 1874 г., становится студентом Московского университета (ГАУО ф. 101, оп. 1, ед. хр. 66).

[26] Павел Михайлович Черниговский, из дворян, сын учителя Сызранского уездного училища. Родился в 1853 году. "Отец мой умер (данные на октябрь 1875 г.), мать живет в Симбирске, сестра Зоя живет в Симбирске, в женском монастыре, братья: Александр — живет в Сызрани, Алексей — в Варшаве и Николай — живет в гор. Глухове Черниговской губернии" (Государственный архив Российской Федерации, бывш. ЦГАОР, ф. 109.3 эксп. 1874., ед. хр. 144, ч. 93, л. 45). П. Черниговский обучался в Симбирской гимназии, выбыл по болезни из 7 класса (1873—74 уч. г.). В 1875 году поступил в Казанский ветеринарный институт. Вместе с С. Чугуновым и Н. Николаевой (Чугуновой) привлекался к дознанию по обвинению в государственном преступлении (ЦГАРТ ф. 390, оп. 1, ед. хр. 42, л. 67). 28 сентября 1875 г. скрылся из гостиницы г. Казани, где проживал, оставив свои вещи. При осмотре вещей у Черниговского была найдена запрещенная литература. Арестован в Казани 6 октября 1875 г. на квартире Левашевых (см. ссылку 52). При допросах показал, что гостиницу оставил из-за отсутствия денег, литературу получил от Н. П. Николаевой, что посещал в 1874 году в Симбирске собрания местного революционного кружка, назвал всех участников. 15 мая 1876 г. дело о нем разрешено в административном порядке с подчинением под надзор полиции. С 22 июня 1876 г. находился под секретным надзором в Казани, в мае 1877 г. выбыл в действующую армию (Деятели революционного движения в России, т. 2, вып. 4., М., 1932, с. 1946).

[27] Нольде Владимир. Окончил Симбирскую мужскую гимназию в 1872—73 уч. году, после чего поступил в Дерптский университет.

[28] Авдотья Николаевна Фурнэ, закончила курс Мариинской гимназии г. Симбирска, посещала собрания гимназического кружка в доме Николаевых (Государственный архив Российской Федерации ф. 109, 3 эксп., 1874, ед. хр. 144 ч. 93, л. 50).

[29] Варвара Васильевна Шипкова, дочь Титулярного Советника Шипкова Василия Михайловича и его жены Александры Ивановны. Воспитывалась в Симбирской Мариинской гимназии, которую закончила в 1874 г. (ГАУО ф. 148, оп. 1, ед. хр. 57, 126).

[30] Екатерина Павловна Пекерова, выпускница Симбирской Мариинской гимназии, посещала собрания кружковцев на квартире Николевой.

[31] Вера Павловна Пекерова, сестра Е. П. Пекеровой, выпускница Симбирской Мариинской гимназии, посещала собрания кружковцев на квартире Николаевой.

[32] Мария Ивановна Рождественская, двоюродная сестра Н. П. Николаевой, выпускница Симбирской Мариинской гимназии посещала собрания гимназического кружка С. Чугунова.

[33] Потанина Ольга Гавриловна, обучалась в Симбирской женской Мариинской гимназии, была гувернанткой в г. Саратове. По показаниям студента П. Чер-

ниговского принимала участие в собраниях, происходивших на квартире Н. Николаевой (1873 г. — 1874 г.), "где читались книги социального характера" (Деятели революционного движения, т. 2, вып. 3, М., 1931, с. 1153—1154).

[34] Фейерштейн Софья Николаевна, родилась в 1851 году, дочь иностранного подданного. С декабря 1864 г. по июнь 1866 г. воспитывалась в Симбирской Мариинской гимназии. С октября 1866 г. " согласно прошению определена преподавательницей немецкого языка в Симбирскую Мариинскую гимназию. Жила она "в доме кр. Алексеева на площади, ведущей к рабочему дому", где в октябре 1875 г. у нее был произведен обыск (ГАУО ф. 855, оп. 1, ед. хр. 187, л. 12, об.). Ее сестра Мария Николаевна Фейерштейн снимала квартиру в доме Снежницкой Т. В. на углу ул. Покровской и Анненского пер. (ныне ул. Л. Толстого, 73). Она так же преподавала в женской гимназии.

[35] Эмануил Петрович Савинов был чиновником Симбирского окружного суда, обыскан в октябре 1875 г. по распоряжению начальника Симбирского жандармского управления в виду подозрения в хранении запрещенных книг (Деятели революционного движения в Росии, т. 2, вып. 4. М., 1932, с. 1398). При обыске было найдено "два письма Чугунова и записка Софьи Фейерштейн, извещающая Савинова о том, что Николаева отправилась в Казань (ГАУО, ф. 108, оп. 5, ед. хр. 66, л. 86, об.). В это время Савинов живет на Панской улице в доме мещанина Павлова (ныне дом 24 по ул. Энгельса). До этого он квартировал в доме по Мартыновой ул. у Чугуновых. При обыске у Сергея Чугунова в Казани было отобрано письмо Э. П. Савинова, где упоминаются Раиса Шестоперова, акушерка из г. Буинска, состоящая под негласным надзором полиции и родственник Савинова часовой мастер Александр Игнатьевич Рылов, проживающий в то время в г. Казани, а также знакомый Савинова Цареградцев. О Рылове и Цареградцеве Савинов написал Чугунову в связи с просьбой последнего "указать на кого-либо с коими мне (Чугунову) можно было бы познакомиться в Казани" (Государственный архив Российской Федерации, ф. 109. 3 эксп. 1874. ед. хр. 144, ч. 93, л. 58 об.).

[36] Государственный архив Российской Федерации, ф. 109. 3 эксп. 1874, ед. хр. 144, ч. 93, л. 50, 50 об.

[37] Петр Петрович Викторов родился в 1853 году в с. Сергиевском Ливенского уезда Орловской губернии, из мещан, "его отец, бывший крепостной занимал место конторского служащего в помещичьем имении" в селе Воздвиженское Сызранского уезда. (Трофимов Ж. Достоин памяти и уважения. Ульяновская правда, 1968 год март, 22). В 1872—73 уч. г. закончил Симбирскую мужскую гимназию, после чего поступил на физико-математический факультет С.-Петербургского университета, в 1875 году перешел в Медико-хирургическую Академию (ЦГАРТ, ф. 89, оп. 1, ед. хр. 19, л. 15). Будучи студентом "лето 1874 года провел в Симбирской губернии Карсунского уезда в селе Сызган на уроках у купца Щербакова (для обучения его сына), у которого прожил с конца мая до половины августа, конец лета провел у отца своего в селе Мордовском Городищенского уезда Пензенской губернии" (Государственный архив Российской Федерации, ф. 109. 3 эксп. 1874, ед. хр. 144, ч. 93, л. 19). В Сызгане он поселился "в особом доме при Мойке на фабрике Щербакова". По приезде он знакомится с жившими в селе Долженкове помещиками Владимиром и Александром Бурскими. С женой второго, Варварой Алексеевной, был знаком еще по гимназическим годам. "Бывши однажды в доме Александра Бурского, Викторов говорил, что жизнь в Сызгане представляется весьма непривлекательной, во-первых потому, что в обществе Щербаковых, людей совершенно необразованных, он не может найти ничего приятного, что ученик его оказывается неспособным, а во-вторых, потому, что положение рабочих на

фабрике, постоянно эксплуатируемых Щербаковым, достойно крайнего сожаления. Затем разговор о частных случаях жизни рабочих перешел в общее рассуждение о их положении и Викторов, говоря с Варварой Бурских доказывал ей ненормальность отношений рабочих к капиталистам, говорил, что рабочие находятся в безвыходном положении, благодаря их необразованности, что образованию их прямо препятствует бедность, в чем прямо виноваты эксплуататоры-капиталисты и что поэтому было бы вполне справедливым разделение богатств между всеми поровну... Говоря о положении рабочих на фабрике, Викторов коснулся и положения крестьян-землевладельцев, причем утверждал, что крестьяне обижены наделом земли и что земля должна быть отобрана у помещиков и отдана крестьянам. На возражение Бурской, — что такого раздела никогда не будет и не может быть, Викторов сказал, что все это совершится со временем, но о том, каким путем должно произойти ожидаемое им, ничего не говорил" (Из показаний Владимира Бурского и Варвары Бурской, которая заявила на П. Викторова Карсунскому Исправнику. ЦГАРТ ф. 89, оп. 1, ед. хр. 19, л. 15 об. — 16). В результате доноса П. Викторов был обыскан, а затем арестован. При обыске было найдено письмо, свидетельствующее, что "Викторов принадлежит к какому-то тайному обществу". В августе 1874 года был освобожден и отдан под особый надзор полиции. Следующий арест П. Викторова был в 1879 году в Москве, после чего он был сослан в Вятскую губернию. Через два года вновь возвращается в Москву, после выступления на диспуте во время защиты докторской диссертации профессором Иванюковым, Викторов был исключен из Медико-хирургической Академии и сослан в Вологодскую, затем в Самарскую губернию, а вскоре — на пять лет в Западную Сибирь. В виду тяжелой болезни и амнистии по случаю коронации Александра II, последней ссылки ему удалось избежать. В 1883 году с большим трудом он получает разрешение продолжить учебу в Казанском университете. Став врачом-психиатром он продолжает изучать социальные вопросы. Так, в 1901 году были изданы его работы: "Живые вопросы текущей современности" и "Очерки эволюции нашей художественной и публицистической критики в связи с переменами во взглядах на искусство в нашем обществе". С 1917 г. профессор П. П. Викторов работал главным врачом 1-го военного госпиталя г. Москвы. Умер в ноябре 1929 года. (Трофимов Ж. Достоин памяти и уважения).

[38] Сердобов Александр Васильевич — преподаватель русского языка и словесности в Симбирской классической гимназии в 1871—1877 гг. В 1872—73 уч. г. ученикам седьмого класса Сердобовым была дана тема для летнего сочинения по словесности "Литературная критика 40-х годов нынешнего столетия" (историко-литературный очерк). Лучшее сочинение было написано учеником Сергеем Чугуновым (ГАУО, ф. 932, оп. 2, ед. хр. 76, л. 8).

[39] Милеевы Василий Федорович и Федор Федорович, из симбирских мещан. Первый родился в 1854 году, второй — 8 февраля 1855 года. Отец — Федор Михайлович Милеев. Сестра — Мария Федоровна Милеева, воспитанница Симбирской Мариинской гимназии. Василий Милеев обучался в Симбирской классической гимназии, а Федор — в восемь лет был отдан в Симбирское уездное училище, где пробыл около трех лет, после чего был отдан во второй класс гимназии. По окончании гимназии В. Ф. Милеев поступил в С.-Петербургский университет, Ф. Ф. Милеев стал студентом Петербургской Медико-хирургической Академии. У братьев в октябре 1875 года был произведен обыск по требованию Казанского губернского жандармского управления вследствие показаний С. Чугунова. В. Ф. Милеев привлекался к дознанию по делу пропаганде в империи (процесс "193") — 1877 год. Ф. Ф. Милеев, в том же 1877 году заканчивает Академию со званием лекаря. В 1890-х годах служит врачом в

Рязани (Деятели революционного движения в России, т. 2, вып. 3, М., 1931, с. 924).

[40] Государственный архив Российской Федерации ф. 109. 3 эксп. 1874, ч. 93, л. 56—58.

[41] Там же, л. 50.

[42] ЦГАРТ ф. 92, оп. 1, ед. хр. 13912, 13913.

[43] Государственный архив Томской области (ГАТО) ф. 102, оп. 1, ед. хр. 1067.

[44] О костях, найденных в г. Симбирске. Приложение к протоколу 95 заседания Общества Естествоиспытателей при Императорском Казанском университете. Казань, 1877.

[45] Отчет о раскопках древних кладбищ в г. Симбирске и его окрестностях в 1878 году. Студент С. Чугунов. В кн.: Труды Общества Естествоиспытателей при Императорском Казанском Университете. Том VIII. Вып. 5. Материалы для антропологии Востока России. Казань, 1879, с. 1—64. Таблицы измерения черепов.

[46] Антропологический материал Антрополого-археологической выставки в г. Казани в 1879 году. Студента С. Чугунова. Приложения к протоколу 126 заседания Общества естествоиспытателей... Казань, 1880 (16 стр.).

[47] Результаты антропологической экскурсии к мордве Симбирской губернии в 1880 г. (Исследование скелета мордвы). С. М. Чугунов, Казань, 1882.

[48] ГАТО ф. 102, оп. 1, ед. хр. 1067.

[49] Памятная книжка Симбирской губернии на 1868 г. часть 2, Симбирск, 1868, с.с. 82, 193, 222.

[50] Преподаватели, учившиеся и служащие в Императорском Казанском университете (1804—1904 гг.), ч. 1. вып. 2 (1865—1886 гг.). Собрал А. И. Михайловский. Казань, 1904, с. 825.

[51] Левашевы Иван Васильевич (родился 6 января 1855 года в Симбирске) и Николай Васильевич (родился 15 марта 1856 года в Симбирске) — сыновья симбирского купца Василия Степановича Левашева. Оба воспитывались в Симбирской мужской гимназии (1866—1875 гг.) По окончании курса поступили на медицинский факультет Казанского университета. В 1881 г. Н. В. Левашев закончил университет со званием лекаря. И. В. Левашев был уволен в 1884 г. как "пробывший на 5 курсе три года".

[52] Государственный архив Российской Федерации ф. 109, 3 эксп. 1874., ед. хр. 144, ч. 93, л. 83, об. — 84.

[53] ГАУО ф. 108, оп. 5, ед. хр. 6, л. 80.

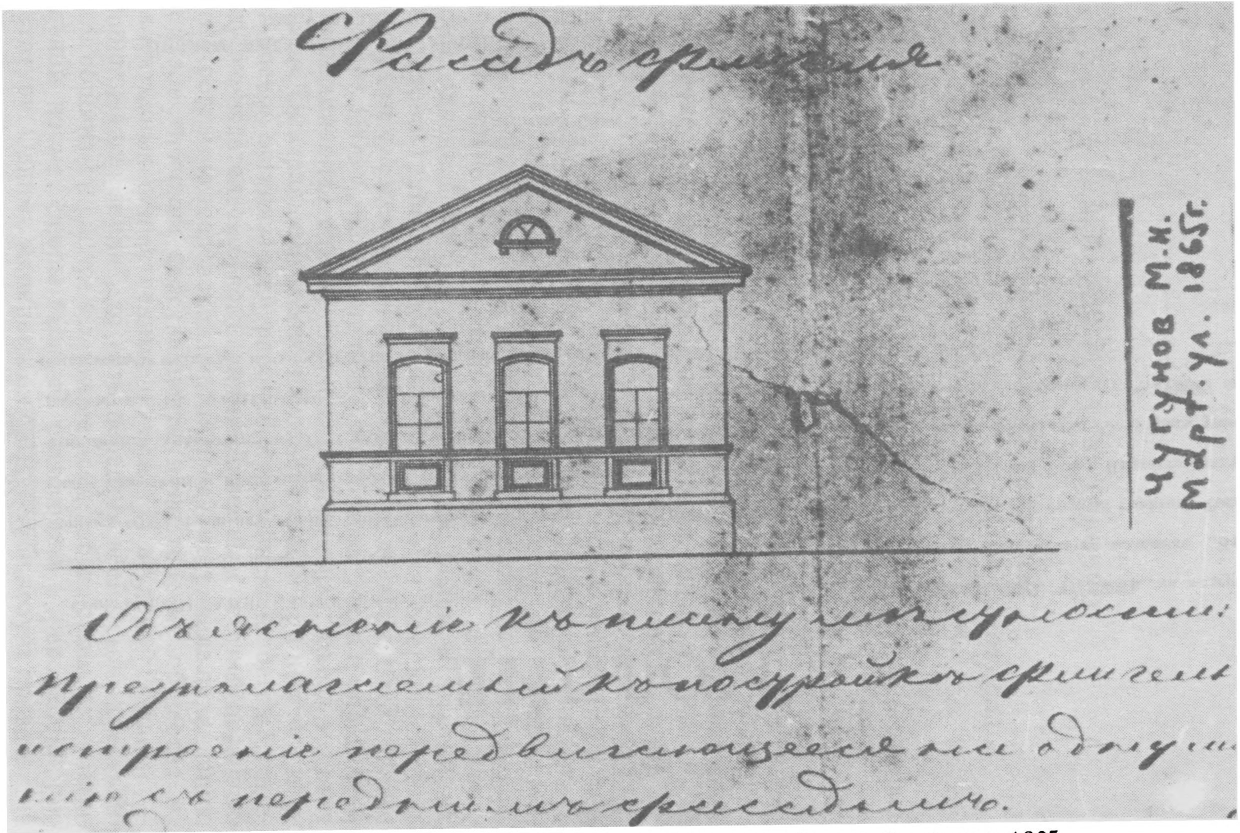
[54] Там же, л. 86, 86 об.

[55] Деятели революционного движения в России, т. 2., вып. 3, М., 1931, с. 1039, т. 2, вып. 4. М., 1932, с. 1970.

[56] В 1903 году приват доцент Императорского Томского университета С. М. Чугунов бракосочетался вторым браком с дочерью Титулярного Советника Юлией Николаевной Харитоновой в Богородице-Казанской Университетской церкви Томской Епархии (ГАТО ф. 102, оп. 1, ед. хр. 1067).

[57] ГАУО ф. 435, оп. 12, ед. хр. 152, л. 2, об. ГАТО ф. 102, оп. 1, ед. хр. 1067.

[58] К. С. Чугунова проживала в то время, в собственном доме по улице Старо-Казанской (ныне ул. Красноармейская) — "деревянный одноэтажный флигель, боковая правая сторона его по Смоленской ул." (ныне ул. Рылеева). После ее смерти дом был передан на хранение ее племяннице Александре Алексеевне Трениной, вдове чиновника, которая проживала в этом доме (ГАУО ф. 435, оп. 12, ед. хр. 152, л. 1, 2 об., 4).

План фасада дома М. И. Чугунова на Мартыновой ул. г. Симбирска 1865.

ДИПЛОМЪ.

№ [illegible]

Совѣтъ ИМПЕРАТОРСКАГО Томскаго университета симъ свидѣтельствуетъ, что лѣкарь **СЕРГѢЙ МИХАЙЛОВИЧЪ ЧУГУНОВЪ**, по выдержаніи установленнаго испытанія и послѣ удовлетворительнаго публичнаго защищенія написанной имъ диссертаціи подъ заглавіемъ „Къ вопросу объ антропологическомъ типѣ киргизовъ" удостоенъ степени **ДОКТОРА МЕДИЦИНЫ** и утвержденъ въ сей степени Совѣтомъ Томскаго университета пятнадцатаго декабря тысяча восемьсотъ девяносто девятаго года, на основаніи ст. 30 § 1 п. 2 Устава Императорскихъ Россійскихъ университетовъ 1884 года, со всѣми правами и преимуществами, ВЫСОЧАЙШЕ дарованными докторамъ Россійскихъ университетовъ. Въ засвидѣтельствованіе изложеннаго данъ отъ Совѣта Императорскаго Томскаго университета сей дипломъ г. **ЧУГУНОВУ** за надлежащею подписью и съ приложеніемъ большой университетской печати. Томскъ, марта „30" дня 1900 г.

Ректоръ Императорскаго Томскаго университета.
Дѣйствительный Статскій Совѣтникъ

Деканъ Медицинскаго Факультета.
Дѣйствительный Статскій Совѣтникъ

Секретарь Совѣта.
Титулярный Совѣтникъ

Диплом, выданный С. М. Чугунову Советом Императорского Томского университета об утверждении его в степени доктора медицины 30 марта 1900 г.

В. И. ПАНОВА, Ф. Ш. ТОЛОЧКО

Жандармские документы о Симбирских социалистах-революционерах (период революции 1905—1907 гг.)

В России в годы первой русской революции образовалась довольно многоликая и пестрая многопартийная система. Как правило, каждая партия имела собственную программу или платформу, в которых выражались те или иные концепции общественного развития, интересы того или иного класса или сословия, социального слоя или же небольшой группы. Одной из влиятельных в это время была партия социалистов-революционеров. Процесс ее формирования проходил довольно длительно. Первые организации под таким названием появились в середине 90-х годов XIX века. Были они немногочисленными, преимущественно интеллигентскими, замкнутыми в себе. В январе 1902 года в третьем номере "Революционной России", официальном органе партии эсеров, было опубликовано заявление об объединении отдельных организаций в партию социалистов-революционеров. Первоначально в партии было всего лишь около десятка организаций, однако в 1905 г. уже действовало более 40 партийных комитетов и групп. Процесс ее формирования завершился лишь на первом съезде, который работал с 29 декабря 1905 года по 4 января 1906 г., на нем приняты программа, устав и определена организационная схема. Она была следующей: съезд и совет партии, Центральный комитет с действующей при нем автономной боевой организацией; рабочей, крестьянской, военной, литературно-издательской комиссиями. Далее шли местные организации. Программа эсеровской партии предусматривала ликвидацию капиталистической собственности и построение общества на коллективных общественных началах. В аграрной области — "социализацию земли", то есть передачу всей земли крестьянским общинам и распределение ее всем работающим по уравнительной норме. Эсеры были за революцию и революционную диктатуру. Одними из первых они выдвинули лозунг права наций на самоопределение.

Местные организации, комитеты и группы формировались по территориальному принципу. В сложившихся организациях были составлявшие ядро комитеты, группы пропагандистов, технические группы, занимавшиеся изданием, хранением и распространением литературы, летучие боевые отряды. По мере роста партии в ее структуре и структурах местных организаций появлялись новые подразделения, обеспечивающие выполнение новых функций. Эсеры вели работу в деревне, в войсках, среди интеллигенции, учащихся и рабочих. Они активно участвовали во всех революционных выступлениях 1906—1907 гг.

До первой русской революции в нашем крае, как и в целом по России, существовали лишь разрозненные группы социалистов-революционеров. Седьмого апреля 1903 года начальник губернского жандармского управления доносил губернатору: "Вечером 1 апреля 1903 года на Большой Саратовской улице (ныне ул. Гончарова. — В. П.) в г. Симбирске недалеко от духовной семинарии, ее сторожем были подобраны с тротуара две печатные прокламации "50 лет русского свободного слова", издания партии социалистов-революционеров"[1].

В 1905 году состоялся первый областной съезд эсеров в Пензе. Появление областных организаций было вызвано тем, что перед революцией и в ходе ее число организаций росло и из одного центра было невозможно оперативно руководить ими.

На съезде был избран Поволжский областной комитет, который летом 1905 года был разгромлен полицией, но к лету 1906 года эсерам вновь удалось наладить пропагандистскую работу.

Между социал-демократами и эсерами развернулась сильная конкурентная борьба за влияние на крестьянство. Она выражалась и в словесных баталиях на митингах и собраниях, и в подготовке печатных изданий.

С конца 1905 до апреля 1906 гг., по сведениям жандармов, местными эсерами были выпущены следующие прокламации по крестьянскому вопросу: "К крестьянам и рабочим", "Не покупайте земли"; брошюры: "Ко всему русскому крестьянству", "Как смотрят эсеры и социал-демократы на крестьянство и земельный вопрос"[2].

Летом 1905 года для активизации и расширения работы в деревне создается Всероссийский крестьянский союз — первая массовая политическая организация крестьянства. Эсеры привлекли к себе крестьян своей демократической аграрной программой.

Первый Учредительный съезд Крестьянского союза работал в Москве с 31 июля по 1 августа. Руководящие органы были сформированы в основном из эсеров и либеральных представителей крестьянства. Съезд высказался против вооруженного восстания

и рекомендовал мирную "приговорную тактику", а также отказался включить в программу союза требование демократической республики. К осени 1905 года в Европейской России уже было около 360 сельских и более 100 волостных организаций.

К концу 1905 года организации Крестьянского союза были созданы во всех уездах Симбирской губернии. Лозунг "Долой самодержавие" не пользовался здесь популярностью. Так в решении совещания представителей всех волостей Сызранского уезда было записано, что, если "союз" будет преследовать цели против нашей совести и запишет в своей программе требование республики, то мы от этого отказываемся и из союза выходим, так как желаем в нашей стране управления царя с народом"[3].

Жандармские документы сохранили сведения о судьбе одного из активных членов Крестьянского союза Симбирской губернии Добрынина Ивана Семеновича, с 1895 г. по 1907 год служившего в должности волостного писаря в Потьминской и Карсунской волостях Карсунского уезда.

Характеризуя Ивана Семеновича, уездный исправник Соловьев писал: "Был выборщиком в 1 и 2 Государственные думы. Настроен крайне оппозиционно по отношению к правительству. Познакомившись с другими подобными ему лицами, примкнувши к революционной партии, находясь в постоянных сношениях, пользуясь своим положением волостного писаря и влиянием среди крестьян, пропагандировал революционные идеи. Завел разных агентов, как например, в Ховрине — Краснова, Левина, в Усть-Урене — Петрова, Попова, в Больших Березниках — Архипова, Пауткина и других, и через них распространял нелегальную литературу. Добрынин являлся устроителем предвыборных собраний, вел противоправительственную агитацию, за что был отстранен от должности волостного писаря, но мера эта не произвела на него воздействия. Он продолжал проводить пропаганду, но более осторожно, не так открыто, через лиц, сопутствующих освободительному движению. Собрание схода в с. Малое Станичное и агитацию на нем можно объяснить не несдержанностью характера, а его фанатичностью"[4]. В октябре 1907 года Добрынин был арестован и по распоряжению министра внутренних дел в декабре 1907 года выслан в Вологодскую губернию, в г. Усть-Сысольск (ныне Сыктывкар) под гласный надзор полиции на два года "за подстрекательство крестьян к неплатежу повинностей"[5]. В ссылку Иван Семенович поехал вместе с большой семьей. Младшей дочери Валентине было всего два года. В 1909 году по распоряжению Вологодского губернатора ему разрешили

переехать в г. Вологду. В декабре 1909 года срок ссылки закончился, и Добрынины вернулись на свою родину.

Социалисты-революционеры вели агитацию не только среди крестьян губернии, но и в самом губернском городе.

Характеризуя Симбирск 1905—1906 гг., бывший губернатор Л. В. Яшвиль в воспоминаниях в 1906 г. писал: "Главной причиной всего того, что мы переживаем, я давно считал всеобщую в России бедность и необеспеченность и вытекающее отсюда недовольство... Врачи и ветеринары, инженеры, не нашедшие очень хороших мест, страховые агенты и статистики, набираемые на лето из студентов — явились проводниками революционных идей в деревне, а в последнее время к ним примкнули гимназисты и семинаристы старших классов и, что всего удивительнее, духовенство... Весь этот беспорядок... был подготовлен третьим элементом, то есть служащими в земстве при участии и попустительстве самих земцев..."[6].

Далее в воспоминаниях Л. В. Яшвиль пишет, что в земской управе служили и распространяли революционные идеи: Родионов, Поляков, Соловьев, Миллер, Швер и другие.

Губернатор не ошибся, сообщив в воспоминаниях о том, что в подготовке революционных выступлений принимали участие земцы, не последнюю роль среди них играли земцы-эсеры. Жандармские документы подтверждают это утверждение Яшвиля. Так упомянутый выше Родионов Константин Владимирович служил ветеринарным врачом, член партии социал-революционеров, в 1904—1905 гг. привлекался к дознанию при Санкт-Петербургском и Симбирском жандармских управлениях. В Петербурге — по делу Пироговского съезда. В Симбирске принимал активное участие во всех митингах и сходках, был организатором различных обществ. "Знакомство вел, как писали жандармы, с Поляковым (эсер. — В. П.), Сапожниковым (эсер. — В. П.), Швером (социал-демократ. — В. П.), Рыжковым (эсер. — В. П.), Гольновым (партийная принадлежность не установлена. — В. П.), Афанасьевым (эсер. — В. П.), Перфирьевым (эсер. — В. П.), Красниковой (по воспоминаниям одного из организаторов симбирской группы РСДРП В. В. Рябикова, сочувствующая социал-демократам. — В. П.), Романовым (эсер. — В. П.)". Одиннадцатого декабря 1905 г. Родионова арестовали, как руководителя революционного движения в Симбирске.

Служащий земства Поляков Александр Сергеевич — активный член местной эсеровской организации был сыном сельского учителя из Ундор, окончил курс Симбирской гимназии с медалью, осенью 1901 года поступил в Казанский университет, в 1902 году

исключен за участие в студенческих беспорядках. В 1905 году занимался статистикой в земстве и сотрудничал в поволжских газетах, жил в Симбирске по Введенскому переулку (ныне переулок Зеленый. — В. П.) в доме Отлетова, в том самом доме, где находилась конспиративная квартира симбирской организации партии социалистов-революционеров.

Это о них писал бывший симбирский губернатор в 1906 году: "Родионов и Поляков наводнили всю губернию прокламациями и терроризировали симбирскую публику, которая сейчас же уступила им место и подчинилась их руководству... Оба не раз привлекались к ответственности по политическим делам, сидели в тюрьмах и поэтому пользовались престижем"[7].

Вместе с Родионовым в 1905 году был арестован член партии социалистов-революционеров, бывший семинарист Рыжков Николай Осипович, который, по словам губернатора, был "письменной частью революции и два месяца спустя при обыске какой-то редакции в Петербурге нашлись его сообщения о распространении различных революционных кружков в губернии. Когда было приказано его арестовать, он уже два месяца сидел в тюрьме"[8].

Симбирские жандармы внимательно следили за партией социалистов-революционеров.

Сотрудниками музея "Конспиративная квартира симбирской группы РСДРП (1904—1906 гг.)" выявлено около двухсот человек членов этой партии, проходивших по жандармским документам в 1905—1907 годах.

Руководителем местной организации в 1905 году они считают Николаева Тимофея Николаевича. Его квартиру на улице Буинской часто посещали Поляков и Рыжков. В 1908 году он уже, судя по документам, жил в Казани и Саратове под именем крестьянина Всеволода Васильевича Сапожникова, партийная кличка — "Боярин".

Революция остро поставила вопрос о согласованных действиях революционных сил. В апреле 1905 года в Женеве была созвана конференция революционных партий, в задачу которой входило создание левого блока. Но социал-демократы во главе с В. И. Лениным покинули конференцию, и она прошла под эсеровским влиянием.

Эсеровская организация в Симбирске в эти годы старается расширить деятельность среди рабочих. В 1905 году профсоюз столяров объявил забастовку с требованием повысить заработную плату, улучшить условия труда и ввести восьмичасовой рабочий день. В числе руководителей забастовки — эсер Романов Сергей Иванович. Сохранившиеся документы говорят о том, что он участвовал во всех митингах, собирал на квартире своего

брата по Покровской улице (ныне ул. Л. Толстого. — В. П.) людей, где была выработана программа с требованием к хозяевам. Но нужно отметить, что организационная работа эсеров среди рабочих губернии уступала социал-демократам, и эсеры признавали, что руководящая роль в профсоюзах принадлежит РСДРП. В. В. Рябиков писал, что комитет руководил выступлениями профсоюзов и что они отбили у эсеров и столяров.

И эсеры, и социал-демократы особое внимание уделяли молодежи.

В октябре 1905 года оформилась "Соединенная группа учащихся средних учебных заведений города Симбирска". В кружках, объединяемых комитетом этой группы, насчитывалось до 150 человек. Занятия в них велись под идейным влиянием социал-демократов. В партии социалистов-революционеров было также немало учащейся молодежи.

В Симбирской мужской классической гимназии работал эсеровский молодежный кружок. Известно, что осенью 1905 года объявили забастовку учащиеся Симбирской мужской гимназии, гимназии Якубович, ремесленного и коммерческого училищ, а также семинаристы. Зачинщиком беспорядков в семинарии был ученик III класса мужской гимназии, позднее исключенный из нее, Алмазов Валентин, эсер, партийная кличка — "Валет". Забастовавшие семинаристы в октябре 1905 года представили ректору семинарии петицию с требованием добиться устройства семинарии по типу общеобразовательной школы. Петицию подписали 351 семинарист из 380 обучающихся. В январе—феврале 1906 года воспитанники первых четырех классов не подчинялись распоряжениям начальства, уклонялись от посещения богослужений в семинарской церкви и уроков без уважительных причин, отказывались отвечать заданное, пели недозволенные песни, не соблюдали установленную форму одежды. "А 31 января 1905 года после классной проверки в пансионе в начале вечерних занятий дежурному надзирателю за систематическое проведение им в пансионскую жизнь элементарных требований семинарской дисциплины, была устроена воспитанниками... демонстрация, состоявшая в топании ногами, в неистовых криках, свисте и хлопании в ладоши"[10].

3 февраля семинаристы, несмотря на предупреждения администрации, собрались на сходку, после которой ректору семинарии были предъявлены следующие требования: немедленного увольнения одного из помощников инспектора, возвращения ученикам свобод, с которыми они сжились, и печатного объявления о том, что полиция приглашена была ректором по его инициативе. После объявления требований ученики V—VI клас-

сов заявили ректору о том, что они не присоединяются к требованию увольнения помощника инспектора и просили продолжения занятий. Занятия с ними были возобновлены. А семинаристы I—IV классов были отправлены к родителям. Обо всем происшедшем в симбирской духовной семинарии было сообщено святейшему синоду. 28 марта 1906 года синод издал указ о закрытии первых четырех классов семинарии до начала 1906—1907 учебного года и предоставил правлению семинарии право принимать обратно с начала будущего учебного года по прошениям учеников с тщательным отбором.

Нужно отметить, судя по жандармским документам 1905—1908 годов, и в самой семинарии были члены эсеровской организации. Так, в Государственном архиве Ульяновской области имеются сведения об учащихся семинарии: В. Артомонове (кличка "Утешный"), Н. В. Архангельском (кличка "Щербак"), В. А. Березине, Б. М. Зефирове, Н. О. Рыжкове — бывшем семинаристе.

Партийную работу они вели не только в стенах семинарии, но и в губернии.

Так, 18 сентября 1906 года духовная консистория сообщила в правление семинарии о том, что в Измайловском лесу (ныне Барышский район. — В. П.) близ фабрики Шатрова было восемь митингов, на которых вместе с другими агитаторами "...всякий раз бывал сын священника, семинарист Борис Зефиров. На митингах обсуждались вопросы "противоправительственного направления, клонились к низвержению государственного строя, заключения рабочими политического союза... (Измайловской, Гурьевской и Румянцевской фабрик), призыв к вооруженному восстанию, причем к достижению своих прав рабочим обещана всеобщая политическая забастовка. Борис Зефиров указывал и порядок восстания и предлагал на собранные деньги купить бомб"[11]. За революционную работу Борис в 1906 году был исключен из семинарии.

За участие в забастовке были исключены многие семинаристы.

Социал-демократ Александр Николаевич Тарсанов писал в воспоминаниях: "В Симбирске... существовали бок о бок и с-д и с-р и почти ни один митинг не проходил под каким-либо одним флагом. Стояла ближайшая непосредственная задача — свержение самодержавия, позволявшая в агитационной плоскости работать совместно, несмотря на глубокую принципиальную пропасть, разделявшую обе партии. Хотя были нередко публичные политические споры, главным образом по аграрному вопросу"[12].

О сотрудничестве социал-демократов с эсерами сообщали и симбирские жандармы. В одном из своих документов они писали,

что В. В. Орлов и В. В. Рябиков — социал-демократы "состоят в тесной дружбе с В. П. Горбуновым (эсер), жил с 7 октября 1905 года по Введенскому переулку в доме Отлетова, Латкиным (эсер), Рачинским"[13].

И литературный вечер с участием С. Г. Скитальца (Петрова), известного поэта и друга М. Горького, вылившийся в первую уличную демонстрацию в Симбирске, был подготовлен совместно социал-демократами и эсерами. Это подтверждают и воспоминания В. В. Рябикова и жандармские документы. Двадцатого мая 1905 года начальник симбирского губернского жандармского управления писал в департамент полиции: "2-го мая в зале симбирской городской думы состоялся концерт в пользу общества взаимопомощи Симбирской губернии с участием писателя Скитальца, по окончании концерта, когда большая часть публики уже разошлась, бывший студент Казанского университета, привлекавшийся в Казани к дознанию по государственному преступлению в качестве обвиняемого Поляков (эсер. — В. П.) от лица учащейся молодежи благодарил Скитальца за участие в концерте, причем высказал ему и по адресу М. Горького полное сочувствие молодежи, как пострадавшим благодаря взгляду покойного министра фон Плеве на литературу, как на распространительницу крамолы. Затем группа молодежи человек 40—50 без участия Скитальца вступила на эстраду и под аккомпанемент рояля пропела несколько раз "Марсельезу". Во время пения раздавались крики "долой самодержавие" и "долой Николашку". Полицией немедленно были приняты меры к прекращению беспорядка и молодежь разошлась, но ввиду того, что во время пения толпа плотной стеной окружала поющих, не удалось выяснить крикунов"[14], далее в документе перечисляются фамилии бывших на вечере эсеров: Полякова, Рыжкова, Перфильева, Романова, социал-демократа Буравика, Павлова (партийная принадлежность не установлена. — В. П.) и других.

Несмотря на то, что симбирские социал-демократы и эсеры оказывали друг другу услуги в борьбе с самодержавием, все эти годы между ними шла напряженная борьба как в городе, так и в деревне за овладение массами. И каждая из этих партий шла своей дорогой, стараясь быть лидером.

Популярность эсеров в радикальных кругах российского общества была связана с их террористической деятельностью. Эсеры неоднократно заявляли о том, что террор для них является неизбежностью, так как в стране отсутствуют конституционные возможности для борьбы народа за свои политические и социальные требования. Оправдывали они террор и тем, что якобы таким

путем можно было меньшим числом человеческих жизней освободить Россию от абсолютизма.

Для ведения террора весной 1902 года эсерами была создана специальная Боевая организация (БО), автономная и от ЦК, и от партии. БО была совершенно бесконтрольна и возглавляли ее член ЦК партии эсеров Азеф (он же агент охранки) и Гершуни.

С появлением Боевой организации страну сразу стали потрясать дерзкие террористические акты. Жертвами эсеровского террора в период, предшествовавший революции 1905—1907 гг., стали: министры внутренних дел Д. С. Сипягин и В. К. Плеве, харьковский губернатор князь И. М. Оболенский, московский генерал-губернатор, дядя царя, великий князь Сергей Александрович. В период революции 1905—1907 гг. от рук эсеров погибли 242 человека. 21 сентября 1906 года в Симбирске было произведено покушение на симбирского губернатора К. С. Старынкевича. При нем губерния была объявлена на положении усиленной охраны, он ввел в действие военно-полевой суд, запретил собрания, демонстрации, при нем начали проводить массовые обыски и аресты. Старынкевич скончался 23 сентября 1906 г. от многочисленных ран, полученных при взрыве брошенной в него террористом бомбы.

Боевая организация в партийных группах на местах имела летучие боевые отряды. Далеко не каждый член партии мог входить в эти отряды, вот некоторые выдержки из устава:

а) готовность пожертвовать своей жизнью для дела;

б) строгая аккуратность в исполнении даже мелочей;

в) смелость, соединенная с хладнокровием, энергией, толковостью и сообразительностью;

г) воздержание от спиртных напитков.

Знакомясь с этим уставом сегодня, многие мои современники хотели бы иметь дело с людьми, отвечающими этим требованиям. Сейчас, когда происходит крушение привычных и, казалось, устоявшихся идеалов и торжествует скепсис и безверие, очень важно на документах, на фактах, на судьбах людей показать красоту подвига во имя великой цели. И пусть пути реализации этой цели у многих сегодня вызывают сомнения, важна верность убеждениям и преданность делу. Именно о таких людях, "полных геройского самоотвержения, людей, самым искренним образом желающих положить душу за интересы свободы и интересы народа", можно узнать, изучая архивы нашего города. Летом 1907 года, когда в России зверела реакция, в губернской тюрьме среди многих революционеров оказались арестованные в разное время эсеры, члены боевого отряда: В. Кротов, А. Заваляев, Б. Репин, Н. Володин, В. Летковский.

Борис Репин находился в тюрьме по делу карсунского уездного исправника Шемякина. Шемякин разъезжал с отрядом стражников по селам, избивал до полусмерти крестьян, он наводил ужас на весь уезд.

Симбирские газеты неоднократно по следам событий рассказывали о бесчинствах Шемякина и стражников: "20 января на дер. Дурасовку был сделан набег карательного отряда, состоящего из 30 или 40 конных стражников, станового пристава и полицейского надзирателя Колосова под начальством карсунского исправника Шемякина.

Пьяные стражники и начальство по имеющемуся у них списку заходили в дома крестьян, которые были заподозрены служащими графини А. Толстой в краже леса и соломы, и начинали кровавую расправу: каждого такого ранее помеченного мужика, хотя бы и совершенно ни в чем не повинного, били плетьми до потери сознания и, если имелись у него на дворе какой-либо лес или солома, хотя бы и его собственные, заставляли свозить на барский двор. Били людей всякого возраста: не щадили и стариков, и женщин. Покончив расправу в Дурасовке, отряд отправился в другое имение графини Толстой, в Сурки. В этом селе, за неимением времени, порка ограничилась двумя мужиками. ...Из Сурков отряд выехал в Ахматов Белый Ключ в имение Антонова к управляющему Вендель, который выставил защитникам 3 ведра водки. После выпивки началась расправа еще злее, чем в Дурасовке. В этой деревне, по указанию Венделя, избили до 70 человек, в том числе несколько женщин...

По рассказу крестьян исправник Шемякин обладал большой физической силой, собственноручно брал мужиков за бороды и с силой сбрасывал на землю, и тотчас же начинали свистеть над мужиком стражничьи нагайки. Били не только по спине, но и по лицу и чему попало. Некоторых первоначально заставляли раздеться до нага, а затем клали во дворе на снег и били в несколько нагаек"[15].

О расправе в селе Пятино Карсунского уезда информирует еще одна симбирская газета: "Били сплошь, тащили мужиков на барский двор и там лупцевали... Свирепствовал исправник Шемякин, который был по "женской части", им были избиты собственноручно 5—6 баб... Не мог исправник также отказаться от удовольствия истязать 75-летнего старика Махрова, которого бил кулаком, держа его за бороду..."[16].

Не удивительно, что карсунские эсеры вынесли ему смертный приговор. Привести приговор в исполнение поручили карсунцу Б. В. Репину. Один из его товарищей по партии характеризовал

Б. Репина так: "Это был на редкость мужественный, выдержанный и до фанатизма преданный делу революции боец".

"...Шемякин, чувствуя ненависть к себе, был крайне осторожен: он носил броню, а уезжая из города, брал с собой телохранителя. Репин, как политически неблагонадежный, был исключен из Казанского ветеринарного института и по возрасту подлежал призыву в армию. Шемякин, исполняющий обязанности председателя уездного воинского присутствия, решил поскорее отправить его в солдаты.

13(26) апреля 1907 года Репина приглашают в помещение воинского присутствия. Он решил использовать этот момент для террористического акта. В 10 часов утра, когда бричка с Шемякиным лихо подкатила к крыльцу присутствия, Репин выпустил в исправника весь запал браунинга. Смертельно раненый Шемякин умер в больнице. По непонятной причине в день убийства Шемякин почему-то не счел нужным надеть броню. Репин тут же был схвачен, закован в кандалы и спешно отправлен в Симбирск на тройке лошадей под охраной отряда стражников"[17].

В симбирской тюрьме 23 июля большая группа политических по уговору с уголовниками набросилась на тюремных надзирателей и, обезоружив, связав их, заперла в разных тюремных помещениях. Заключенные во главе с эсерами В. Кротовым и А. Заваляевым пытались бежать через главный тюремный выход, но натолкнулись на военный караул. В перестрелке во время бунта был убит один заключенный и смертельно ранен помощник начальника тюрьмы.

Попытка массового побега из симбирской тюрьмы вызвала переполох не только у местных властей. Министерство внутренних дел потребовало передать дело о бунте в тюрьме военному суду.

Военно-полевой суд состоялся 26—29 ноября 1907 года. Судебный процесс шел при закрытом заседании в помещении симбирских военных казарм без защитников и присяжных заседателей. Родственники В.А. Кротова долгие годы хранили письмо Ксении Кротовой (сестры революционера) брату Ивану. В этом письме подробно описана обстановка на суде, поведение подсудимых, уверенность Василия в смертном приговоре. В этом же письме Ксения переписала дословно письмо Василия Кротова из тюрьмы, переданное родственникам "через часового солдата"[18]. Поражает сила духа, мужество, уверенность в правоте своего дела, вера в свободу. Ровно через месяц после суда была совершена казнь над приговоренными. Глухой ночью с 29 на 30 декабря 1907 года В. Кротов, А. Заваляев, Б. Репин, Н. Володин и В. Летковский были повешены во дворе отделения губернской

тюрьмы (ныне двор дома на углу ул. Марата и Молочного переулка. — Ф.Т.). Тела повешенных вместе с цепями, в которые были закованы, жандармы тайно вывезли и закопали за чертой города (ныне территория моторного завода. — Ф. Т.). После казни родственники В. Кротова и Н. Володина безуспешно пытались найти их могилы. После победы февральской революции 1917 года поиски возобновились. Помог, указав предположительное место захоронения, простой рабочий — железнодорожник, мимо которого в ту кровавую ночь провезли на подводах через железнодорожные пути большие ящики в сопровождении полицейских.

В один из летних дней 1917 года (точная дата не установлена. — Ф. Т.) состоялось перезахоронение останков революционеров. Многотысячная траурная манифестация горожан сопровождала их останки на городское кладбище.

За два года местная организация социалистов-революционеров, как и сама партия, выросла и окрепла.

В апреле 1907 года начальник самарского губернского жандармского управления совершенно секретно сообщил в Симбирск: "По имеющимся у меня из агентурного источника сведениям в г. Симбирске очень прочно поставлено дело в местной организации партии социалистов-революционеров"[19].

Осенью 1907 года в Симбирск приехала одна из организаторов и лидеров партии социалистов-революционеров Е. К. Брешко-Брешковская, ее партийные клички "Бабушка", "Родоначальница", а пресса называла ее бабушкой русской революции.

Екатерина Константиновна пришла в революционное движение с 70-х годов XIX века, побывала в тюрьме, на каторге, в ссылке. В 900-х годах руководила саратовской партийной организацией, выполнявшей функции ЦК эсеровской партии. Проживая частью в России, частью за границей, участвовала в подготовке террористических актов, создавала Всероссийский крестьянский союз, участвовала в транспортировке оружия из-за границы, объехала как агитатор большую часть Европейской России, неоднократно приезжала в Симбирск. В городе она была близко знакома с активной деятельницей местной эсеровской организации А. А. Знаменской, о которой еще в 1904 году симбирские жандармы писали: "Эта особа в политическом отношении неблагонадежна, круг ее знакомых составляют большей частью лица, скомпрометированные в политическом отношении"[20].

Квартира Знаменской использовалась для конспиративных встреч не только эсерами, но и социал-демократами. Осенью 1907 года Брешко-Брешковская жила в Симбирске по паспорту

местной эсерки Е. В. Кочетковой. Приехала она для подготовки "губернского съезда крестьян", но была арестована и отправлена в Петербург.

В 1905—1907 годах эсеры, как политическая сила, значительно укрепили свое положение, но овладеть революционным движением они так и не смогли. После подавления революции партия социалистов-революционеров переживала как идейный, так и организационный кризис.

В 1908 году на Лондонской конференции один из лидеров этой партии М. В. Чернов, "обобщая сведения с мест, констатировал, что организация растаяла, улетучилась", партия удалилась от масс, множество членов партии уходят от работы, их эмиграция достигла "ужасающих размеров"[21].

Но с Черновым не могли согласиться симбирские жандармы. Членам этой партии они по-прежнему уделяли пристальное внимание, и в Государственном архиве Ульяновской области хранится немало дел 1908—1910 годов, которые ждут своего исследователя.

Примечания

[1] ГАУО, ф. 76, оп. 6, ед. хр. 58, л. 85.

[2] ЦГАРФ, Д ПОО, 1905 г., ф. 102, оп. 235, д. 1800, ч. 10, лл. 16—17.

[3] ЦГАРФ, ф. 102, 4-е дел-во, д. 700, ч. 19, л. 24.

[4] Архив В. И. Добрыниной в музее "Конспиративная квартира Симбирской группы РСДРП 1904—1906 гг.", с. 5.

[5] Там же, с. 6.

[6] Л. В. Яшвиль "Воспоминания о Симбирске 1905—1906 гг.", Киев, 1906 г., с. 1—2.

[7] Л. В. Яшвиль "Воспоминания о Симбирске 1905—1906 гг.", Киев, 1906 г., с. 7.

[8] Там же, с. 29.

[9] ГАУО, ф. 855, оп. 1, д. 300, л. 27.

[10] ГАУО, ф. 81, оп. 1, ед. хр. 1710, лл. 46, 88.

[11] ГАУО, ф. 81, оп. 1, ед. хр. 1668, л. 7.

[12] "Красная летопись", сб. материалов по истории Симбирской организации РКП(б) и революционного движения в Симбирской губ. под редакцией Л. Я. Ильинского и А. Н. Рытикова, 1923 г., с. 30.

[13] ГАУО, ф. 855, оп. 1, д. 414, л. 32 об.

[14] ЦГАРФ, ф. 102, 1905 г., ед. хр. 1350, л. 41.

[15] г. "Симбирские Вести", № 312 от 1 февраля 1907 г.

[16] г. "Симбирские Вести", № 266 от 30 ноября 1906 г.

[17] По страницам неизданной рукописи краеведа А. В. Курдюмова: г. "Ульяновская правда", 23 июля 1994 г.

[18] УКМ. Архив В. Кротова.

[19] ГАУО, ф. 855, оп. 1, ед. хр. 651, л. 127.

[20] ГАУО, ф. 855, оп. 1, д. 651, лл. 14, 28, 28 об.

[21] "История политических партий России" под редакцией профессора Зевелева, М., 1994 г., с. 174.

С. Б. ПЕТРОВ

Литератор А. С. Глинка (Волжский) и его личный фонд в РГАЛИ

Последнее десятилетие характеризуется активным изданием в нашей стране сочинений В. В. Розанова, С. Н. Булгакова, Н. А. Бердяева, Д. С. Мережковского и многих других авторов, прежде неугодных официальным властям. Вместе с ними читателю возвращено имя в прошлом известного литературного критика, публициста, литературоведа Александра Сергеевича Глинки (18.6.1878—7.2.1940), публиковавшего свои работы под псевдонимом "Волжский"[1]. Однако встречается оно пока лишь только в приложениях и примечаниях к трудам маститых философов и писателей, с которыми А. С. Глинка дружил, переписывался, дискутировал, о творчестве которых писал. Специальных работ биографического и аналитического плана о Волжском не создано. Данная публикация преследует целью в первом приближении ввести в научный оборот документы личного фонда А. С. Глинки, хранящегося в Российском Государственном архиве литературы и искусства в Москве[2].

Этот фонд составляют: 1) автобиографические и биографические документы литератора, его переписка с родными и знакомыми, с учреждениями и организациями; 2) рукописи А. С. Глинки, посвященные творчеству Г. Успенского, Ф. М. Достоевского, А. П. Чехова, Л. Н. Толстого и других писателей; 3) автобиографические материалы известной общественной деятельницы А. А. Знаменской — матери жены А. С. Глинки Ольги Федоровны; 4) письма корреспондентов А. С. Глинки, в том числе Н. А. Бердяева, В. Д. Бонч-Бруевича, С. Н. Булгакова, М. О. Гершензона, А. Гр. Достоевской, Н. О. Лосского, Д. С. Мережковского, В. Л. Олсуфьева, Ал. Ст. Пругавина, А. М. Ремизова, В. В. Розанова, С. А. Толстой, Д. Вл. Философова, П. А. Флоренского, К. И. Чуковского, М. С. Шагинян, А. И. Яковлева.

Существенную часть фонда А. С. Глинки составляют шесть вариантов его автобиографии — основной источник сведений о жизненном пути литератора[3]. Из них следует, что А. С. Глинка принадлежал к старинному смоленскому дворянскому роду. Приведем несколько фрагментов из наиболее полного варианта

автобиографии А. С. Глинки: "Родился в 1878 году в городе Симбирске в семье адвоката С. В. Глинки. Отец принадлежал к старому роду безпоместных дворян*. Уже дед его, небезызвестный Сергей Николаевич Глинка (автор "Записок 1812 года" и редактор "Русского вестника"), жил, по его выражению, "чернильным трудом", отказавшись от небольшого... участка в Смоленской губернии, следуемого ему по наследству. Оригинальная фигура этого московского чудака достаточно известна историкам русского общества начала XIX века, как и младшего брата его, поэта Федора Глинки, умершего бездетным. Оба они переселились с родины Глинок, Смоленщины, в Москву. Михаил Иванович Глинка, их брат в четвертой степени, сохранил... связь со Смоленской губернией. Никого из них я, конечно, не могу помнить лично. Проживший более 90 лет Ф. Н. Глинка умер, когда мне было лишь два года. Отец мой (1844—1887) перебрался в Симбирск в 1860-х годах (как говорил мой дядя, Ф. С. Глинка, профессор кристаллографии, умерший в 1933 году), будучи выслан из Москвы впоследствии знакомства с Ишутиным. Всю жизнь мать моя, дочь причетника (церкви) села Солдатской Ташлы Сызранского уезда, не получила никакого образования и училась некоторым предметам (географии, арифметике), уже выйдя замуж... Отец после увлечений юности стал культурным обывателем... При отце мы жили вполне достаточно... Когда он умер, мать осталась с пятью детьми. Я был младшим... В 1889 году я поступил в гимназию, где протянул до 7 класса, когда был исключен. Датой моей сознательной жизни считаю 1893 год, когда я остался на 2 год в 4 классе гимназии... В 1896—1897 гг. расстался с ненавистной гимназией навсегда. Следующую зиму был преподавателем в деревне Симбирской губернии, в семье Хлебниковых, где среди моих учеников оказался известный впоследствии Виктор Хлебников. Весной 1898 г. я выдержал экстерном экзамен на аттестат зрелости и поступил в Московский университет. В университетские годы (1898—1901) мое умонастроение сложилось под влиянием Михайловского. Еще в 5 классе гимназии я много читал по экономической литературе, познакомился с "Капиталом" Маркса..., книгами В. В. Воронцова, Даниельсона... В 1901 г. я был исключен из университета за участие в студенческом движении... и сослан на родину. В Симбирске, в отрыве от широкой общественности, я еще более усиленно занялся литературой. Кормился уроками, корреспон-

* Дедом А. С. Глинки был Владимир Сергеевич Глинка. См. о нем в книге "Записки Сергея Николаевича Глинки". М., 1895. С. 336.

денциями в Самару... в Москву. В годы поднадзорной жизни в Симбирске вышли две мои книги: "Очерки об Успенском и Достоевском" и "Очерки о Чехове". В 1903—1904 гг. жил в Самаре, работал в "Самарской газете"... В 1904—1905 гг. — в Петербурге. Летом 1905 г. я, устав от петербургского круговорота, уехал к себе на родину, с семьей... с женой и детьми... жил в узком, замкнутом круге... служил в казенной палате. Из симбирской казенной палаты я поехал в нижегородскую, где и застала меня империалистическая война и революция"[4]. В Петербурге А. С. Глинка познакомился и встречался с Мережковским, Философовым, А. Белым, Вяч. Ивановым, Бердяевым, Булгаковым, Розановым, В. Г. Короленко, Ф. Соллогубом, Пругавиным, Венгеровым, Минским, Л. Шестовым, Овсянико-Куликовским, Н. Ф. Анненским, Вл. Эрном, В. Свенцицким, Л. Андреевым, Арцыбашевым, Чуковским, Гершензоном, Блоком, Ремизовым и многими другими[5]. В Москве — с А. М. Горьким на квартире С. А. Скирмунта[6]. В Симбирске в 1905—1906 гг. встречался с О. А. Аптекманом, доктором Кудрявцевым, А. С. Пругавиным, В. В. (Воронцовым), экономистом Катаровским, З. П. Соловьевым, Авксентьевым, Д. И. Ульяновым[7]. В Нижнем Новгороде А. С. Глинка жил с 1913 по 1922 год. Переехав из Нижнего в Москву, занимался литературным трудом, в 1933 г. вступил в группком писателей при издательстве "Академия", работал по договорам с другими издательствами (АН СССР, "Молодая Гвардия"), главным образом по изучению литературного наследства писателя Глеба Успенского[8]. В Москве А. С. Глинка жил в доме № 7 на Новинском бульваре (к. 26). Автобиографические материалы фонда Глинки позволяют составить следующую краткую хронологию его жизни. Родился в 1878 г. в Симбирске в семье юриста, делопроизводителя общества попечения о воинах*. Детство провел в доме на Мартыновой улице (ныне Радищева), о чем свидетельствует недавно установленная мемориальная доска. До 1884 г. учился у Ф. Зыкова, в 1884—1885 г. — в школе А. Г. Суровой, в 1886—1887 г. был приходящим учеником в пансионе Крейтер. В 1887—1889 гг. учился в приходской школе, в 1889—1896 гг. — в Симбирской мужской классической гимназии. В 1896 до 1897 г. учился в Московской гимназии и в гимназии в Крыму. В 1897—1898 годах был домашним учителем в семье Хлебниковых в селе Помаево Симбирской губернии. В 1898—1901 гг. — студент Московского

* См.: Календарь Симбирской губернии на 1879 г. Симбирск, 1878. Приложение. С. 21, 26.

университета. В 1901 г. А. С. Глинка исключается из университета, ссылается в Симбирск, где живет с женой Ольгой Федоровной, урожденной Знаменской. В Симбирске рождаются его дети — 31 октября 1901 г. — дочь Лиля, а 24 марта 1903 г. — сын Глеб. В 1903—1905 гг. работает в Самаре, затем в Петербурге. С 1905 по 1913 г. живет в Симбирске, работает в казенной палате, в 1913—1922 гг. — в Нижнем Новгороде, 1922—1940 гг. — в Москве. Таким образом, большая часть жизни А. С. Глинки прошла в Поволжье. Большой интерес для историков Поволжья представляет корпус документов тещи А. С. Глинки Александры Александровны Знаменской, урожденной Делярю. Прежде всего ее автобиография и 18 тетрадей дневников[9].

В автобиографии, написанной в июле 1918 г., А. А. Знаменская, в частности, сообщала: "Родилась я 31 декабря 1852 г. в деревне Макаровке Лаишевского уезда Казанской губернии. Родители по мужской линии и по женской... православные. Андре Даниэль Делярю, мой прадед, во время гонений на кальвинистов в царствование Людовика XIV бежал из Франции, сначала в Швецию, а потом в Россию, где он принял русское подданство и женился на русской, дочери екатерининского опального вельможи Левашева. По женской линии прадед — немец Реслен, женился на русской, которая вела свое происхождение от татарского мурзы Матюнина. Отец мой, помещик, с традициями революционной эпохи Великой французской революции. Отношение к крепостным было гуманное... Жили безвыездно в своей вотчине. Девяти лет я была привезена вместе с сестрой и братом в Казань... Мать решила отдать меня и сестру в казанский Родионовский институт..."[10]. Далее А. А. Знаменская пишет о венчании 12 мая 1869 г. в возрасте 16 лет со своим домашним учителем и переезде с мужем зимой 1871 г. в Симбирск, невдалеке от которого при селе Анненково было куплено около 1000 десятин земли. В 1883 г. семью Знаменских поразило страшное горе: от скарлатины и дифтерита умерли сразу четверо маленьких детей. Семейная жизнь закончилась разрывом и разъездом в 1884 году. Открылась измена мужа с гувернанткой детей Анной Юльевной Тролле. А. А. Знаменская пережила роман с юристом А. М. Сахаровым. Оставив уцелевших детей мужу, она уехала на некоторое время в Казань. Психологическое состояние несчастной женщины характеризуют строки автобиографии: "Я была близка к сумасшествию... В это время увлекалась спиритизмом".

Забвения А. А. Знаменская искала в общественной и политической деятельности: "Культуртрегерская работа велась мною главным образом в Симбирске. Учреждена там публичная и

народная библиотека имени Гончарова, общество взаимопомощи учителей, женская воскресная школа... Заведовала Засвияжским приютом, организовала учительский... клуб. Организовала рассылку по сельским школам прочитанных симбирскими обывателями газет. Мне приносили до 20 названий разных газет. В 1903 г. познакомилась с членами симбирского кружка социалреволюционеров. Даже не читая программы..."

Осенью 1904 г. А. А. Знаменская "в своем доме в Чернышевке" на два месяца предоставила убежище Е. К. Брешко-Брешковской, пригласившей ее в 1905 г. сотрудничать в казанской газете "Волжские вести". В 1907—1910 годах А. А. Знаменская жила за границей: в Кенигсберге, Берлине, Женеве, Париже (два года), где встречалась с В. Н. Фигнер. 30 августа 1918 года А. А. Знаменская бежала из Симбирска, т. к. принадлежала к фракции объявленных врагами народа и подлежащих расстрелу "правых социалреволюционеров — оборонцев". Под именем Ксении Рыбкиной пыталась устроиться на работу в Карамзинскую психиатрическую больницу, но безуспешно[11]. В черновике краткой биографии А. А. Знаменской, написанной А. С. Глинкой, указано, что она родилась 1 мая 1853 г. в селе Макаровке Лаишевского уезда Казанской губернии и умерла от сыпного тифа в Симбирске в феврале 1922 г.[12]. Многочисленные интересные документы личного фонда А. С. Глинки, хранящегося в РГАЛИ, заслуживают глубокого изучения и публикации с должными научными комментариями.

Примечания

[1] Свои книги А. С. Глинка публиковал под псевдонимом "Волжский" без инициалов. Основные из них:

Два очерка об Успенском и Достоевском. Спб., 1902;

Очерки о Чехове. Спб., 1903; Ф. М. Достоевский. Спб., 1906;

Из мира литературных исканий. Спб., 1906; Скитания. Спб., 1906; Гаршин как религиозный тип. М., 1906; Святая Русь и русское призвание. М., 1915; Социализм и христианство. Н. Новгород, 1919.

[2] РГАЛИ, ф. 142, оп. 1 и оп. 2.

[3] РГАЛИ, ф. 142, оп. 1, е. х. 361, лл. 1—90.

[4] Там же, лл. 14—33.

[5] Там же, л. 51.

[6] Там же, л. 53.

[7] Там же, л. 46, л. 54.

[8] Там же, л. 67, л. 90, лл. 361—369.

[9] Там же, оп. 1, е. х. 383—403.

[10] Там же, оп. 1, е. х. 460, лл. 1—6.

[11] Там же, лл. 20—70.

[12] Там же, оп. 1, е. х. 405, лл. 1—9.

Е. К. БЕСПАЛОВА

М. Л. Магницкий. Неизвестная страница истории Симбирского губернского управления

"В половине 1817 г. получил он Высочайший указ, определяющий его Симбирским губернатором, с назначением... вместо 3 тыс. руб., до того им получаемых, 6 тыс. из государственного казначейства".

"В 1819 г., будучи по отпуску в Петербурге и желая оставить службу, в которой видел он одно продолжение какого-то прикрытого изгнания, получил он от Высочайшего имени предложение вступить в члены главного Правления Училищ".

(" О службе Действительного Статского Советника М. Л. Магницкого". М. Л. Магницкий. Собственноручная черновая записка. 14 сентября 1829 г.)[1].

* * *

Лето 1817 — январь 1819 года — период в истории Симбирска, связанный с деятельностью в должности гражданского губернатора Михаила Леонтьевича Магницкого — государственного деятеля, снискавшего громкую, хотя и незавидную известность. Крайний обскурант, ретроград, неукротимый "погаситель" вольнодумства и просвещения, изувер — такие эпитеты использовали современники для характеристики его личности.

Ярким подтверждением таких оценок являются те полтора года, которые он провел в Симбирске. Более того, именно здесь и начинает складываться подобное мнение о нем, которое сильно отличалось от прежней его репутации.

Будучи родным внуком известного при Петре I Л. Ф. Магницкого — сочинителя первой на русском языке учебной энциклопедии по математике под названием "Арифметика, сиречь наука числительная и т. д." (1703 г.), — М. Л. Магницкий унаследовал от своего деда блестящий ум и высокие способности.

Обучался в Московском университетском благородном пансионе как раз в то самое "новиковское десятилетие", когда в стенах этого учебного заведения разворачивалась литературная и просветительская деятельность Дружеского Ученого Общества. В

молодости писал стихи, которые помещались в изданиях сочинений пансионских воспитанников и в тогдашних журналах. Н. М. Карамзин удостоил их опубликованием в своем альманахе "Аониды", сопроводив одно из них (стихотворение "Поэзия") следующим примечанием: "Читатели, конечно, простят молодому автору неисправность рифм за многие хорошие и сильные стихи, которые они найдут в сем сочинении"[2].

После успешного окончания университета и непродолжительной службы в гвардейском Преображенском полку Магницкий определился в Министерство иностранных дел и молодым человеком побывал в Вене (1798 г.) и в революционном еще Париже (1801 г.). Когда он жил в Париже, состоя на службе при нашем посланнике графе Маркове, за его особую находчивость и остроумие французы называли его "русским львом". А супруга первого консула Жозефина обратила на него внимание. В это время считался он вольнодумцем и последователем Вольтера. Как писал о нем Вигель Ф. Ф., "когда он возвратился в Отечество, то сперва вместо трости носил якобинскую дубинку с серебряною бляхой"[3].

По свидетельству лиц, знавших М. Л. Магницкого в разные эпохи его жизни, он был человеком умным, образованным, ловким, имел привлекательную и видную наружность, светскую походку и прекрасные манеры, которые производили на всех, особенно на женщин, сильное впечатление. При этом современники отмечали, что порой он был горяч, вспыльчив и не властен обуздывать порывов своего гнева, чем и наживал себе врагов[4].

Обладая недурными способностями, вкрадчивым характером, значительным честолюбием и постоянным стремлением к деятельности, он обратил на себя внимание Михаила Михайловича Сперанского — ближайшего к Александру I человека. Приобретя доверенность М. М. Сперанского и сделавшись его приятелем, стал исполнителем его планов по преобразованию государственной, административной и судебной власти в России. Но исполнителем ревностным, талантливым, в котором нельзя было отрицать ни остроумия, ни живости, ни прилежания к труду. Уже в это время, когда он назначен был (в 1810 г.) в должность статс-секретаря Государственного Совета по департаменту законов, им, по словам очевидца, овладело "лихорадочное стремление к власти, почестям и богатству"[5]. Дочь М. М. Сперанского Е. М. Фролова-Багреева вспоминала, что "Магницкий, постепенно возвышаясь, утратил отличавшую его живость и беззаботность, особенно же с того времени, как стал иметь личные доклады у государя"[6].

Все улыбалось, по-видимому, этому честолюбивому человеку, едва переступившему тридцатилетний возраст. Как вдруг катастрофа и падение М. М. Сперанского, ложно обвиненного в сообщничестве с Францией, разом разбили все его надежды. Магницкий, как ближайший соратник М. М. Сперанского, разделил его участь: лишился расположения императора и в марте 1812 года был "отвезен на житье в Вологду"[7].

Четыре года провел он в Вологде в бездействии и нужде, уповая лишь на материальную помощь М. М. Сперанского. Последний, зная его затруднительное положение, постоянно через своего знакомого П. Г. Масальского препровождал "своему сострадальцу" денежную помощь. "Не забудьте, ради бога, Вологодского страдальца, я достоверно знаю, что он крайне нуждается в деньгах" — просил М. М. Сперанский в письме от 11 мая 1815 г. П. Г. Масальского передать деньги бывшему статс-секретарю Государственного Совета[8].

30 августа 1816 г. последовал указ императора Александра I.

"Пред начатием войны в 1812 году, при самом отправлении моем в армии, доведены были до сведения моего обстоятельства, важность коих принудила меня удалить от службы тайного советника Сперанского и действительного статского советника Магницкого, к чему во всякое другое время не приступил бы я без точного исследования, которое в тогдашних обстоятельствах делалось невозможным. По возвращении моем, приступил я к внимательному и строгому рассмотрению поступков их, и не нашел убедительных причин к подозрениям. Потому, желая преподать им способ усердною службой очистить себя в полной мере, всемилостивейше повелеваем: тайному советнику Сперанскому быть пензенским гражданским губернатором, а действительному статскому советнику Магницкому воронежским гражданским губернатором"[9].

Получив возможность снова начать службу, М. Л. Магницкий решился достигнуть во что бы то ни стало предположенной им ранее цели. Поэтому, недолго оставаясь вице-губернатором Воронежа и какими-то путями снискав расположение приближенного к императору министра народного просвещения князя А. Н. Голицына, он был перемещен губернатором в Симбирск. Здесь и начинается, по словам В. И. Панаева, "второй, важнейший по последствиям период его политической жизни, где он является совершенно иным человеком"[10].

* * *

Итак, примерно, летом 1817 года М. Л. Магницкий приезжает в Симбирск, полный решимости любыми средствами продвинуться по службе и вновь обратить на себя внимание императора.

Свою деятельность в новой должности он начинает с очень решительных мер. Доказательством этого может служить письмо к нему М. М. Сперанского. Оно отправлено было из Пензы (где М. М. Сперанский исполнял должность губернатора) 23 ноября 1817 г., т. е. спустя всего лишь несколько месяцев со дня приезда в Симбирск М. Л. Магницкого. "Долго ли мне молчать пред Вами, любезный мой М(ихаил) Л(еонтьевич)!... Старая стоустая богиня... принесла ко мне вести о Ваших подвигах. Как ни желал бы я, чтоб ни Вы, ни я ничем не отличались, но признаюсь, от души порадовался блистательным, резким и верным чертам, коими начали Вы ваше управление", — хвалит М. М. Сперанский действия своего приятеля во вверенной ему Симбирской губернии. Хотя тут же прибавляет: "Не отвечаю за последствия, и кто может их угадать, но что сделано, то сделано свято. Самых ненавистников ваших Вы можете утешить тем, что были справедливы по строгой необходимости, и точно, как Вы говорите, потому, что у Вас на роду так написано"[11].

Этот отрывок из письма, несмотря на доброжелательный тон, теплые отзывы и похвалы, живо характеризует различие в характере и образе действий автора и его адресата. На это указывает и сам М. Л. Магницкий в примечаниях к тексту этого письма, опубликованному им в журнале "Москвитянин" (1843 г., № 4), подчеркивая, что между ним и М. М. Сперанским существовали разногласия "в понятиях об управлении губернском"[12]. По всей вероятности, эти разногласия привели к размолвке между ними, последовавшей в 1818 году.

В письме к П. Г. Масальскому от 26 ноября 1818 г. М. М. Сперанский пишет: "Крайне сожалею, что Михаил Леонтьевич резко с вами разошелся, но он так разошелся и разойдется, наконец, и со всеми. **Со мною это давно уже кончено!** Бог с ним! Вы можете всем, кому ведать надлежит, сказывать, что он для меня человек совершенно посторонний и сим окажете мне по некоторым соображениям немаловажную услугу. Вредить ему никогда не буду... **Но никакого участия в судьбе его принимать я не могу...**"[13].

Действительно, когда М. Л. Магницкий, возвысившись, снова пал и находился в удалении сначала в Ревеле, а потом в Одессе

(где и кончил дни свои в 1855 г.), М. М. Сперанский, будучи близок к Николаю I, не оказал никакого влияния на его судьбу. Между тем Магницкий по смерти М. М. Сперанского в 1839 г. написал "Думу на гробе графа Сперанского", которая долго ходила по рукам ненапечатанная. В этой биографии автор, хвалясь "сорокалетнею дружбою", называет Сперанского "бывшим благодетелем и другом своим"[14].

Но вернемся к Симбирску. Начало деятельности нового губернатора связано с довольно шумным делом татарина Абдульменя Еремеева, "судимого в завладении целым уездом, в вырубке казенных лесов, в собирании с крестьян податей и употреблении их на свои обороты, в убийстве, в делании фальшивых ассигнаций, в продолжении 16-ти лет"[15]. Дело в том, что бывший до Магницкого губернатор В. М. Сушков дал А. Еремееву право разыскивать разбойников, воров и беглых в Буинском уезде. Еремеев, "совершенно овладев этим народом и не поймав ни одного вора, стал злоупотреблять возложенным на него поручением". М. Л. Магницкий в "Записке о Казанском деле", написанной им в 1829 г., отмечает: "Я открыл и поймал его в Москве, где он укрывался от полиции, захватил всю его переписку, обнаружил тем связи его с разными чиновниками, обличил Сенатскую Канцелярию в лихоимстве собственными письмами виновных"[16]. У А. Еремеева, в самом деле, были найдены письма сенатских служащих и шести провиантских комиссионеров из Оренбурга, Саратова, Астрахани, а также казанского прокурора Кисловского.

"По окончании этого дела, — пишет М. Л. Магницкий, — государь утвердить изволил все мои действия, щедро наградив употребленных мною по сему делу чиновников и приказав подвергнуть строжайшему следствию Канцелярию Сената, которая однако же так была в сем случае счастлива, что не только дело сие не имело для нее последствий, но главный виновник был уже юрисконсультом"[17].

Будучи в свое время близким к М. М. Сперанскому, М. Л. Магницкий знал тайные помышления Александра I об уничтожении крепостного права и сокращении власти помещиков. Поэтому в этом направлении предпринимает некоторые меры. Во все той же "Записке" он указывает:"... Восемь помещиков, за тиранство, предал я суду, и в том числе известного богача Наумова, который имея 30 тысяч рублей дохода, употреблял для истязания железную шапку в 16-ть фунтов"[18]. Речь идет о Михаиле Михайловиче Наумове — владельце села Головкина Ставропольского уезда Симбирской губернии.

Сохранились воспоминания об этом деле Д. Н. Свербеева, гостившего в то время у своих родственников Ермоловых и назвавшего действия губернатора "весьма странною выходкой"[19].

Другой современник — писатель В. И. Панаев, у которого два родных дяди И. В. и А. В. Страховы принадлежали к симбирскому дворянству и имели в Тетюшах родовое имение, — в своих мемуарах описывает "дело Наумова" следующим образом: "По какому-то доносу **(говорят, им же самим направленному)**, что один из значительнейших симбирских помещиков, Наумов, будто бы тиранствует над своими людьми, заковывает их в цепи, сажает в колодки, в рога, — он, без всякого предварения, внезапно с большою свитою и командою, отправляется в село его, Головкино, и, собрав всех крестьян, идет прямо к подвалам старинного барского дома. С трудом отперты были заржавленные замки и отодвинуты засовы. В подвалах, действительно, найдены цепи, колодки, рога, оставшиеся от прежних владельцев Головкина и несколько десятков лет лежавшие без употребления. Губернатор приказывает их взять, и торжественно, при стечении всего народа, бросить в реку. Можно предполагать, что, любя разглагольствие и обладая талантом хорошо говорить, большею частью резко и фигурно, он не воздержался от какой-нибудь, приличной настоящему случаю, речи, потому что между крестьянами вскоре оказались волнение, неповиновение. Оскорбленный помещик принес жалобу высшему правительству, началось дело, достигшее комитета министров"[20].

"Защита" М. Л. Магницким крестьян от насилия и притеснений помещиков вскоре приобретает такой размах, что симбирское дворянство вынуждено было искать поддержку у правительства. Ходатаем за дворянские интересы выступил князь Михаил Петрович Баратаев, исполнявший тогда обязанности губернского предводителя дворянства и возглавлявшего открытую им масонскую ложу "Ключ к Добродетели".

9 июля 1818 г. М. П. Баратаев, используя свои масонские связи, писал Авг. Лерхе — доктору прав, секретарю цензурного комитета при Министерстве полиции и, одновременно, Великому секретарю директориальной ложи "Астреи".

"...Вследствие отсутствия губернского предводителя дворянства я должен исполнять его обязанности вместе с моими. С некоторого времени, а говоря откровенно, со времени приезда Магницкого, мы беспрестанно заняты разбором дел дворян по жалобам их крестьян, они находят в нем усердного, но часто несправедливого защитника людей злонамеренных, старающих-

ся так же несправедливо очернить репутацию своих господ. Часто на основании только слухов и несмотря на разбор дел дворянством, он (а так же и его теперешний заместитель) без толку назначал опеку и принимал жалобы крестьян, приходивших с ними сотнями, чтобы избегнуть работы, ожидая возможности ничего не делать... Судя по последнему решенному нами делу, было совершено обратное нашему решению, и невинный обвинен в убийстве своего слуги, которому, как видно даже из дела, он велел дать только 5 ударов палками, причем сам не присутствовал... Я посылаю все дело в министерство полиции и прошу приказать пересмотреть его. С этою почтою оно отправлено по просьбе и по постановлению дворянства... Магницкий там (в Петербурге — прим. авт.), и он может нас очернить, хотя наше дело правое, но я даже прошу министра хорошенько проверить мое поведение и готов подвергнуться всему, если мы действовали неправильно. Таков мой долг, как предводителя дворянства, как управляющего ложею... Все здешнее дворянство страдает, и мой долг защищать его и рисковать всем для моих собратьев, которые вверили мне свою судьбу"[21].

Комитет министров был крайне недоволен такою энергиею симбирского губернатора.

Довольно важным источником, позволяющим судить о деятельности М. Л. Магницкого, являются дневниковые записи Николая Ивановича Тургенева, сделанные им в Симбирске летом 1818 года. Его свидетельства тем более интересны, что сам он, будучи автором книги "Россия и русские", мечтал об освобождении крестьян. Достоинство названного источника заключается в том, что записи Н. И. Тургенева, отражая сложившееся в Симбирске общественное мнение о Магницком, позволяют нам судить об отношении к нему людей различных социальных слоев. Это хорошо прослеживается в приведенных ниже выдержках из дневника.

17 июля 1818 г. Николай Иванович приехал в Симбирск и застал тамошнее общество, целиком занятым разговорами о новом губернаторе. На следующий день в его дневнике появляется первая запись: "Вчера у Баратаева видел я некоторых здешних чиновников и дворян... Вице-губернатор (И. Ф. Шигорин — прим. авт.) неприятен и, как говорят, берет взятки. Почти все недовольны Магницким. Я же, по рассказам, начинаю уважать его, как защитника крестьян, хотя и вижу в действиях его неосторожность и неопытность, а может быть и желание выслужиться, превышающее желание добра"[22]. Последнее замечание

чрезвычайно интересно и вполне соответствует тем надеждам, с которыми М. Л. Магницкий приехал в Симбирск.

Этим же числом, 18 июля, датирована следующая запись, из которой видно какое влияние оказывали "подвиги" губернатора на крестьян: "Магницкий делает здесь некоторую эпоху своим управлением. По всей губернии беспрестанные следствия против дворян, употребляющих во зло власть свою. Некоторые мужики, так называемые бунтовщики, говорили своим помещикам и управителям: "Ныне-де ведь уж, управлять нами должно по закону". — Будет ли из всего этого польза? — Все это есть какое-то приготовление, но много жертв погибнут"[23]!

Предчувствуя возможность негативных последствий подобного служебного рвения губернатора, Н. И. Тургенев определяет причину вероятных осложнений следующим образом: "Есть ли Магницкий истинно желал добра и умел его сделать, то ему не надобно было раздражать против себя помещиков"[24].

По мере того, как Н. И. Тургенев из разговоров в симбирских гостиных все больше узнавал о "поступках" губернатора, менялось его мнение о последнем. Но пока еще Магницкий предстает в его глазах как защитник крестьян, хотя действующий несколько резко и неосмотрительно. Пока еще Тургенев сомневается в истинных намерениях его. Что это: желание выслужиться или, действительно, добрые побуждения облегчить участь крестьян?

20 июля в дневнике появляется запись иного характера. "Во время всенощной я был в Соборе, — пишет Н. И. Тургенев, — совсем его не помню, — и в Девичьем Спасском монастыре. В сем последнем недавно дьякон покрал на несколько тысяч. Рассказывают и уверяют, что полиция допрашивала двух монастырских сторожей: они не признались ни в чем, один из них умер от допроса, другой болен. Через несколько дней дьякон признался. В сей жестокости обвиняют Магницкого, да и, конечно, он виноват, ибо без его приказания Полицмейстер не осмелился бы того сделать. Это приводили мне в пример жестокости Магницкого. Рассказывали несколько других примеров, которые возродили во мне чувство ненависти и презрения к Магницкому... Острог во время управления М(агницкого) был так полон, как не бывал никогда, и многие были посажены по неосновательному подозрению и после выпущены. Других, еще не осужденных, М(агницкий) приказывал приковать за шею, за руки и ноги к стене и т. д."[25]. Далее Н. И. Тургенев задает вопрос: "Это ли человек, любящий Отечество и человечество?" И сам же отвечает на него: "Нет! Нет!" В конечном итоге его отношение к

М. Л. Магницкому, в апреле 1821 г., будет ярко выражено такими словами: "Нельзя без омерзения подумать об этом человеке! Досадно, что и его надобно называть человеком"[26].

Безусловно, все эти факты, изложенные Н. И. Тургеневым в дневнике, не могли не вызывать холодного отношения симбирского дворянства к своему губернатору. Может быть поэтому М. Л. Магницкий вел, по словам Д. Н. Свербеева, очень скромную жизнь, редко являясь в обществе[27]. Особые неприязненные взаимоотношения установились между губернатором и исполняющим обязанности губернского предводителя дворянства. Даже Н. И. Тургенев, встретившись с последним у своих родственников Аржевитиновых, заметил, что, если те еще в каких-то случаях хвалят М. Л. Магницкого, то "Баратаев же бранит его без пощады"[28]. Это объясняется не только тем, что М. П. Баратаев не принимал его методов управления губернией, из-за которых ему пришлось взять на себя, по своей должности, обязанность защищать интересы дворянства от порой необоснованных преследований губернатора. Причина столь сильной неприязни между ними связана была, в основном, с историей открытия в Симбирске масонской ложи "Ключ к Добродетели".

* * *

Князь Михаил Петрович Баратаев в масонском братстве александровского времени являлся чрезвычайно деятельным его членом. Признавая за масонским орденом великое значение и большую общественную пользу, он всячески способствовал распространению этого учения и охотно принимал на себя обязанность учреждения новых лож. Его стараниями в 1817 г. была открыта в Москве ложа в честь императора с наименованием ее "Александра к тройственному спасению". За это директориальная ложа "Астрея" выражала ему письмом от 18 июня 1817 г. свою признательность. Эта же ложа спустя месяц, 24 июня, предоставила ему, отъезжающему на жительство в Симбирск, полномочия на учреждение там и в соседней Казанской губернии масонских лож[29].

Но, приехав на родину и приступив к работе по организации ложи, Баратаев встречает всяческие препятствия со стороны недавно прибывшего в город губернатора. Сохранились любопытные подробности этих событий.

Вначале М. Л. Магницкий пытался личными просьбами уговорить князя Баратаева хотя бы повременить с открытием ложи, указывая на те последствия, которые могли быть вызваны

слухами в народе о поиске масонами для их ритуальных церемоний гробов и черепов. Затем, ссылаясь на невозможность дать разрешение собственной властью, заявил о запрещении открытия ложи. Но ничто не помогло, и, по выражению М. Л. Магницкого, М. П. Баратаев "нагло настаивал, утверждая, что в Москве граф Тормасов (главнокомандующий столицы — прим. авт.) по особенному высочайшему рескрипту масонству покровительствует". Тогда губернатор потребовал от М. П. Баратаева письменного прошения для донесения начальству, а после его получения запросил еще добавочно списки членов его ложи и масонский катехизис, в котором изъяснялся сокровенный смысл различных обрядов и символов. На такое требование М. П. Баратаев ответил отказом. Для получения этих бумаг М. Л. Магницкий прибегнул к посредству полиции. А затем из предосторожности о вреде ложи поспешил донести графу Вязьмитинову, управляющему Министерством полиции[30].

По следам этих событий князь Баратаев написал письмо к Великой Ложе "Астреи", в котором упрекал ее в бездеятельности и предоставлении возникающих лож воле судеб. Откликом на это обращение, отчасти, является письмо Великого Мастера "Астреи" графа В. В. Мусина-Пушкина-Брюса графу Вязьмитинову, датированное январем 1819 г. В нем он просит министра полиции "защитить ложи от притеснений губернаторов". "Ныне масонство, — жалуется В. В. Мусин-Пушкин-Брюс, — не имеет уже счастья пользоваться покровительством правительства... Губернаторы некоторых провинций, из коих наименую только **симбирского гражданского** и рижского военного губернаторов... от самих себя запрещают открытие таких лож, за коих Великая ложа приняла на себя ответственность пред Министерством полиции"[31].

Дело в том, что еще в 1810 г. было принято постановление (в 1817 г. оно было дополнено и уточнено), по которому все имеющиеся и вновь возникающие масонские ложи попадали под надзор полиции. Открытие новых лож происходило только с разрешения министра полиции, который об этом давал знать начальству того города, где ложа учреждалась.

По всей видимости, М. Л. Магницкий хотел пренебречь этим постановлением и действовал по своему усмотрению. Поведение его тем более непростительное, т. к. он был масоном, масоном уже во втором поколении, а воспитание "луфтонов" (т. е. сыновей масонов) было построено так, чтобы привить молодому поколению высокую нравственность и преданность ордену. Вместе с М. М. Сперанским он состоял членом тайной ложи "Полярная

звезда", работавшей в Петербурге под руководством И. А. Фесслера. Неизвестно, что привело его в масонское братство: родственные связи, само учение, дань молодости и общему увлечению, когда масонство раскинулось широкой сетью по всей России. Кто только не был тогда масоном: родовитые дворяне, мещане, именитые граждане, общественные деятели, люди науки и искусства, поэты, духовные лица, военные... Следует еще заметить, что в начале царствования Александр I не боялся окружать себя масонами. Большинство представителей высшей администрации в той или иной степени были причастны к масонским работам[32].

Возможно, пребывание в этом ордене для М. Л. Магницкого было важно для сближения с сильными мира сего и продвижения по служебной лестнице. Однако, при устройстве карьеры после своего падения и ради личных интересов его увлечение масонскими идеями (если оно и было) отодвинулось на задний план. Он пошел на прямое предательство ордена и стал одним из главных борцов против масонства. Вначале — его попытки помешать открытию ложи в Симбирске, затем — уничтожение книг философского и мистического содержания, в конечном итоге — постоянные доносы о мнимых иллюминатах в России. Так выглядит его переход от масонства к "охранительству" — случай исключительный в истории русского масонского братства.

Несмотря на все преграды, воздвигаемые М. Л. Магницким, симбирская ложа стараниями князя М. П. Баратаева была открыта. Имеются данные, что эта ложа открылась ко дню рождения императора, т. е. к 12 декабря 1817 г.[33].

В 1831 г. в записке к императору Николаю I М. Л. Магницкий, припоминая о своем усердии воспретить учреждение симбирской ложи, возмущался, что она в свое время не только была создана, но пользовалась большим успехом в губернии. Члены в нее поступали из всех уездов, и князю Баратаеву, "отставному, кажется, гусарскому поручику, в самое короткое время удалось приобрести такое значение, что он был избран в губернские предводители дворянства помимо других лиц более пожилых и заслуженных"[34].

Судя по контексту приведенного отрывка, М. Л. Магницкий ревниво воспринимал успехи и популярность у симбирского дворянства М. П. Баратаева. Можно предположить, что между этими непримиримыми противниками (последний даже отказался из-за неприязни к губернатору вступить в открытое тем отделение Библейского Общества) шло негласное соперничество. Чем же тогда объясняется следующий факт? Князь Барата-

ев открыл масонскую ложу в Симбирске ко дню рождения императора. Губернатор Магницкий в честь этого события организовал в городе широкое празднование.

Подробности празднования дня рождения Александра I в Симбирске 12 декабря 1817 г. передавала заметка, опубликованная в газете "Московские ведомости". Из нее узнаем, что "после Божественной Литургии и Благодарственного Господу Богу молебствия г. Гражданский губернатор М. Л. Магницкий давал большой обеденный стол для почетнейшего Духовенства, чиновников и Дворянства. За столом при питии здоровья Его Императорского Величества и Августейшей фамилии производилась пушечная пальба, между тем угощаемый на площади народ оглашал воздух радостными восклицаниями ура! После обеда был в гимназии спектакль в пользу здешнего Воспитательного Дома, а ввечеру в Дворянском Собрании маскарад, где некоторыми Старшинами собрания открыта в пользу здешней Гимназии подписка, по которой составилась довольно значительная сумма"[35].

* * *

Следует отметить, что не все действия М. Л. Магницкого вызывали негативную оценку в симбирском обществе. Это подметил и Н. И. Тургенев в дневнике после посещения дома своего двоюродного брата Ивана Семеновича Аржевитинова — отставного военного, прошедшего всю французскую компанию, в котором, по словам Д. Н. Свербеева, "были все зачатки декабристов"[36]. Н. И. Тургенев 20 июня 1818 г. в дневнике о губернаторе записал: "В нем нет души, нет сердца", говорили мне люди беспристрастные и которым можно верить (например, Иван Семенович Арж(евитинов), который в других случаях хвалит Магницкого"[36].

Действительно, в глазах жителей соседних с нашей губерний М. Л. Магницкий пользовался славою ловкого, распорядительного и энергичного администратора. Эти положительные качества его проявились при организации им двух благотворительных обществ религиозного характера: Женского Общества Христианского милосердия, открытого в 1818 г., и отделения Российского Библейского Общества. В этом случае вновь сказались, с одной стороны, его карьеристские устремления и, с другой стороны, умение ориентироваться в ситуации, понимание тенденций общественной жизни. А ситуация была такова.

После Отечественной войны 1812 г. в душевном настроении Александра I произошел сильный перелом. Он стал более и более предаваться богомыслию и религии. Отсюда его охлаждение к

свету, к увеселениям, склонность к уединению, к мистицизму. Конечно, это было известно в обществе, и вскоре сему явились последователи и подражатели: одни — по искреннему убеждению, другие — по расчету. В числе последних оказался М. Л. Магницкий. Отличаясь в молодости свободомыслием и страстью к либерализму, вдруг делается он религиозным до фанатизма. Хотя, как вспоминал один его знакомый, "внешняя его набожность ничем не отличалась от обрядностей и обычаев людей его круга: он стоял и держал себя в церкви точно также, как бы случайно зашедший туда отъявленный, но благовоспитанный вольнодумец"[37].

По поводу такого резкого изменения душевного состояния М. Л. Магницкого князь П. А. Вяземский сочинил эпиграмму на него, несколько переделав фамилию:

"N.N., вертлявый по природе,
Модницкий, глядя по погоде,
То ходит в красном колпаке,
То в рясах, в черном клобуке,
Когда безбожье было в моде,
Он был безбожья хвастуном,
Теперь в прихожей и в приходе
Он щеголяет ханжеством"[38].

Переход к чрезмерной религиозности сразу же проявился в его поведении и действиях. В. И. Панаев в своих мемуарах рисует яркую картину этого, отмечая, что в Симбирске он "ездит по церквам, беседует с духовными лицами, посещает чаще всего обыкновенного больницы, тюрьмы (что император обыкновенно делал в своих вояжах), учреждает в Симбирске, едва ли не первым из губернаторов, в подражание столице и в угождение князю Голицыну, общество библейское, выходит из кареты, несмотря на грязь и холод, чтобы принять благословение бегавшего по симбирским улицам так называемого Блаженного в надежде, что об этом дойдет до князя Голицына, а через него, может быть, и до государя"[39].

Выше уже говорилось, что при Магницком в Симбирске в 1818 г. открыто было Женское Общество Христианского милосердия. Главной обязанностью его было, согласно уставу, оказание материальной помощи и милосердия всем, оказавшимся в тяжелом положении, разоренным и пришедшим в бедность и нищету от несчастных случаев, попечение о тюрьмах, госпиталях, больницах, воспитательных домах. М. Л. Магницкий был избран секретарем этого Общества, а функции председателя

исполняла его жена. На одном из заседаний он, как губернатор, известил членов, благотворителей и комиссаров Женского Общества Христианского милосердия о высочайшем утверждении его и о принятии государыней Елизаветой Алексеевной звания его покровительницы[40].

Особую ревность и старание проявил М. Л. Магницкий при открытии в Симбирске отделения Российского Библейского Общества.

Российское Библейское Общество представляет собой одно из любопытнейших явлений общественной жизни александровского времени. Как и многое другое в этой столь давней жизни, его история почти неизвестна нынешним поколениям, хотя не лишена большого интереса. Началом Общества можно считать 6 декабря 1812 г., когда император утвердил доклад главноуправляющего духовными делами иностранных исповеданий князя А. Н. Голицына и представленный при этом проект об учреждении в Петербурге Библейского Общества (первое собрание его состоялось 11 января 1813 г.). Оно, по словам доклада, "должно иметь единственным предметом издание книг Ветхого и Нового Завета на языках иностранных" (славянском, немецком, польском, латышском, армянском, греческом и пр.) и распространение их среди людей всевозможных христианских исповеданий, а также же среди иноверцев и язычников[41]. Предполагалось, что те, кто в состоянии купить книги Священного писания, будут получать их по дешевой цене, а "бедные несчастливцы", не имеющие возможности их приобрести, будут получать даром.

Для того, чтобы это общество, санкционированное свыше, имело успех, необходимо было рассчитывать на участие публики. И чтобы объяснить этой публике цель Общества и пригласить ее к пожертвованиям, комитет его, действующий в Петербурге, счел наиболее эффективным обратиться к начальствующим особам на местах. В провинции стали рассылать приглашения и воззвания о поддержке Библейского Общества, которые там уже рассматривались как административный циркуляр, который следовало неукоснительно исполнять. А так как Александр I был расположен к нему и принимал в нем непосредственное участие, то идея его учреждения возбудила такое сочувствие в публике, что повсеместно стали открываться отделения, получавшие названия тех губернских и уездных городов, где они находились. Местные власти и влиятельные граждане считали обязанностью записываться в члены Библейского Общества и участвовать в местных комитетах. Это привело к тому, что в Обществе наряду с людьми

искренними и убежденными (как, например, председатель Общества кн. А. Н. Голицын или секретарь его А. И. Тургенев[42]) появилась масса лицемеров, которые при других обстоятельствах едва ли стали бы много думать о Библии и христианской любви. Среди них оказался и Магницкий. Вначале он сильно поддерживал Библейское Общество, открыл его отделение в Симбирске. Известно, до каких невозможных крайностей довел он свое библейское усердие, когда стал попечителем Казанского университета: не покупая почти никаких книг для его библиотеки, приобрел, однако, на 10000 руб. Библии и Новых Заветов. Но после падения князя А. Н. Голицына он отрекся от Общества, во имя которого так недавно совершал свои подвиги. Как заметил Ф. Ф. Вигель, М. Л. Магницкий "вообще нападал на все то, что сам прежде исповедовал"[43].

В то время князем Гундоровым была написана на него эпиграмма, имеющая основой факт предательства им кн. Голицына, человека, которым он был облагодетельствован.

"Магницкий, право, в свете чудо,
Но жаль, что поздно он родился для чудес:
За тайной вечерью он верно б был Иуда,
А в Директории — Сиэс"[44].

В. И. Панаев, видимо, ошибался, когда написал в своих "Воспоминаниях", что Магницкий "учреждает в Симбирске, едва ли не первый из губернаторов, в подражание столице... Библейское Общество". На самом деле, Симбирское отделение открыто было лишь 1 января 1818 г., когда в России существовало уже 25 отделений.

Сообщение об открытии отделения Общества в Симбирске было помещено в "Московских ведомостях". В заметке рассказывалось об этом событии: "По сему случаю приемлющие участие по подпискам собрались в Троицкий Собор для слушания вечерни и молебствия, а потом был крестный ход при колокольном звоне в Губернаторский дом, назначенный для открытия Отделения. Там, по совершении водоосвящения и по возвращении крестного хода в собор, последовало заседание"[45].

На этом заседании присутствовал Д. Н. Свербеев, который впоследствии вспоминал: "В первый день нового года (вероятно, 1818 г.) был я при открытии симбирского отделения Российского Библейского Общества, в котором председательствовал Магницкий и первым членом был, кажется, архиерей. С резким ораторским искусством Магницкий произнес увлекательную речь при этом открытии"[46].

Об этой знаменитой речи симбирского губернатора можно узнать из письма Н. М. Карамзина к своему брату В. М. Карамзину от 8 апреля 1818 г.: "На сих днях читал я библейскую речь вашего губернатора: молодец! Я слышал, что она полюбилась императору и князю Голицыну. Это главное"[47].

Другие современники, более строгие в своих отзывах, иначе думали о речи М. Л. Магницкого. В. И. Штейнгель, отставной подполковник, заключенный в Петропавловской крепости по делу декабристов, в письме на имя Николая I 11 января 1826 г. писал: "Общее бедствие 1812 года наклонило умы и сердца к набожности. Отселе начался период мистицизма... Открылось Библейское Общество. Магницкий при открытии отделения оного в Симбирске сказал весьма блазнительную речь, и она была напечатана во всех публичных листах, как образцовая, хотя имела вид более тонкой сатиры, нежели истинной набожности"[48].

На первом заседании Симбирского отделения Общества был избран его комитет в следующем составе: вице-президенты — архиепископ Казанский и Симбирский Амвросий и губернатор М. Л. Магницкий, директоры — генерал-майор П. Н. Ивашев, вице-губернатор И. Ф. Шигорин, губернский предводитель дворянства А. Ф. Ермолов, граф В. А. Толстой, протоиерей Троицкий Андрей Милонов и Спасский Василий Утехин, председатель уголовной палаты Е. Ф. Андреев, курмышский уездный предводитель дворянства М. С. Брехов, совестный судья А. А. Столыпин, купец А. П. Твердышев, казначей — директор Симбирской гимназии А. И. Гапонов, секретари — доктор А. П. Владимирский и губернский секретарь С. А. Андреев[49].

В целом в Симбирском отделении при его открытии состояли членами 125 человек и благотворителями — 105. Ежегодных пожертвований насчитывалось 1.860 руб. и единовременных — 2.587 руб. На деньги, собранные по объявленной комитетом подписке, приобретались книги Священного Писания, Библии, которые потом либо продавались по низкой цене, либо давались или дарились безвозмездно. Известно, что в июле 1818 г. члены комитета Симбирского отделения присутствовали "при испытании учеников Симбирской гимназии и обратили при сем случае особое внимание свое на нравственное их образование. Для поощрения юношества к изучению в Законе Божьем они доставили Славянской Библии — 21, Латинской — 1, Французской — 10, Немецкой — 5 и Нового Завета Славянского — 35 экземпляров, всего на 355 руб. 50 коп. для раздачи отличившимся в Законе Божьем ученикам как в самой гимназии, так и в училищах, находящихся в ее ведении"[50].

К сожалению, ничего нельзя сказать о том, занималось ли Симбирское отделение Российского Библейского Общества изданием и печатанием Библии, книг Ветхого и Нового Завета или же переводом их на языки национальностей, проживающих на территории губернии. Имеются сведения о деятельности в этой области Курмышского сотоварищества, созданного для содействия работе отделения и комитету. В нем в 1818 г. предпринят был перевод Евангелия на чувашский и черемисский языки. В переводе Евангелия, Посланий и Деяний Св. Апостолов, Апокалипсиса на чувашский язык принимали участие священники с. Красных Четей Курмышского уезда Николай Базилевский и Михаил Вознесенский[51]. Перевод этот должен был печататься в Казани под надзором архиепископа Казанского Амвросия. Об ощутимой пользе этих предприятий Курмышское сотоварищество в 1819 г. сообщало: "Добрые чуваши, в языческом суеверии утопавшие и не слыхавшие доселе слова закона Божия, начинают внимать оправданию и судьбами Божьим на собственном своем языке, и многие из них пожелали обучать детей своих грамоте"[52]. Сотоварищество, узнав об этом и о том, что один из его сочленов брался обучать чуваш даром, постановило выстроить за свой счет школу в одном из чувашских селений и приступило к выполнению своего решения.

В Алатыре, вероятно, тоже существовало сотоварищество. Там предпринят был перевод Евангелия на мордовский язык, который выполнили священники этого уезда А. Охотин (с. Никольское), Ф. Веселицкий (с. Сабанчеево), С. Васильев (с. Чукалы) и А. Иванов (с. Дубинки)[53].

Но странное, не повторившееся в других отделениях Библейского Общества, явление произошло в 1818 г. в Симбирске. Дело в том, что Симбирскому отделению доставлено было одним из его членов, оставшимся неизвестным, письмо, в котором предлагалось комитету заняться истреблением всех вредных книг.

Вот как писал неизвестный: "Будучи давнишним и усерднейшим чтителем библейских обществ, а вместе и членом Симбирского отделения, я возымел мысль быть неизвестным корреспондентом вашим, дабы из уединения небольшой деревеньки одного из отдаленнейших уездов здешней губернии разговаривать с вами свободно о всем, что пошлет мне Бог на мысль к пользе Библейского Общества...

Итак, прошу побеседовать. Главная цель Библейского Общества в России есть: сеяние слова Божия на всем пространстве сей обширной империи... Сеятелей много, все вышли на работу, и

золотые струи сыплются обильно на ниву господню, под влиянием благотворного неба. И я в числе сеятелей, выйдя с прочими на свой участок работы, преткнулся на камни и увидел волчец... Слово Божие разумею я семенем, благословенное Отечество наше нивою, членов Библейского Общества сеятелями, все книги, прямо или косвенно порицающие Слово Божие и отрицающие воплощение Бога-Слова, разумею камнями и волчцем на ниве Господней. И по сему разумению заключаю, что доколе благочестивое правительство наше не примет общие меры к истреблению всех безбожных книг, которыми наводнены лавки наших книгопродавцов, бóльшая часть библиотек публичных и частных, и даже самые отдаленные провинции, доколе обязанность каждого истинного члена Библейского Общества есть ... истреблять их".

И далее в качестве примера приводит свои действия:" ...Купил я несколько подобных книг и рукописей и, препровождая у сего при списке в симбирский комитет, прошу истребить их. ...А между тем стану в тесном круге своем продолжать покупать все подобные произведения, и от всей души желаю, чтобы каждый член Библейского Общества хотя одну подобную книгу представил для истребления"[54].

Вместе с этим письмом в комитет Симбирского отделения препровождены были книги, которые неизвестный купил для истребления. Тут же приложен был список их, состоящий из 14 наименований печатных книг и 7 — сочинений в рукописях[55]. В основном это были произведения философского и мистического содержания, хотя среди них присутствовали и художественные сочинения. Симбирский комитет, прочитав письмо и посчитав "мысль сего неизвестного члена благонамеренною", в свою очередь, решил спросить письменного разрешения на их истребление у Комитета Российского Библейского Общества. Письмо из Симбирска произвело в Петербурге столь сильное впечатление и так удивило членов Комитета, что президент Общества князь А. Н. Голицын счел нужным ответить на него публично в газетах.

Напоминая о правилах Библейского Общества — "облегчить каждому желающему способов получать книги Слова Божия", — князь А. Н. Голицын подчеркивал, что "Общество сие не может никак принимать на себя другого дела, каково есть истребление противохристианских сочинений". Следовательно, это занятие не может стать непременным правилом ни Библейского Общества, ни правительства. А если у кого и появилось желание истреблять книги, то это его личное дело. Поэтому "неизвестный член

Общества, препроводя купленные им сего ради книги в комитет Симбирский на истребление, имел все право поступить с ними так, как с собственностью своею. А потому комитет и исполнил его желание"[56].

Таким образом, мысль неизвестного члена Симбирского отделения образовать из Библейского Общества нечто в роде центрального инквизиционного судилища для литературы не сбылась. А сама ошибка отделения, первым членом и руководителем которого был М. Л Магницкий, устранена благоразумием князя Голицына

Уже в то время многие не сомневались, что автором этого таинственного послания был сам М. Л. Магницкий[57], мастер составления различных донесений, записок и мнений, писанных им крайне витиевато и полных остроумия (что и заметно в стиле письма). В этом современники находили проявление его своеобразного литературного дарования. Поэт Н. М. Языков подтверждал это: "Надобно признать, что он мастер писать по-русски"[58]. К тому же, многим была известна его мысль об истреблении вредных книг, давно уже сделавшаяся его манией.

Так как большая часть подвергшихся сожжению книг имела философский характер, то, думается, будет небезинтересным привести здесь высказывание М. Л. Магницкого о философии, взятое из его сочинения "Отломки от философского мозаика степного отшельника", опубликованного в издаваемом им журнале "Радуга". "Все учения философские, будучи отрицательны, или что одно и тоже разрушительны, имеют общим началом: господство человека; а как скоро человек признает себя самовладыкою, то он тем самым есть уже бунтовщик против всякой власти, от Бога установленной, — бунтовщик же только ненавидеть может, — следовательно, общее чувство, философскими учениями рождаемо, есть ненависть"[59]. Вполне вероятно, что человек, подобным образом отзывающийся о философской науке, не остановился бы перед возможностью уничтожить книги такого свойства.

Своеобразным подтверждением принадлежности авторства этого анонимного письма М. Л. Магницкому могут служить строки из дневника Н. И. Тургенева за 27 февраля 1819 г.: "Читая теперь Минерву и вспомнив о наших мракобеснующихся, как-то: о Магницком, который в речи своей проклинал науки, и т. п. ... — я подумал о различии, оказывающемся между теперешними нашими светскими проповедниками христианства и теми почтенными христианами-отшельниками, монахами, которые во глубине своих келий сохранили свет учения посреди всеобщего вар-

варства... Наши проповедники — Губернаторы, Начальники Отделений, Директоры, — не зная наук, но зная средства, ведущие к выгодам, восстают против просвещения. Они кричат, подобно Омару: Сожжем все книги! — Есть ли они сходны с Библею, то они не нужны, есть ли же ей противны, то вредны. — А невежды, видя здесь похвалу своему невежеству, убеждаются есть ли не во вреде, то, по крайней мере, в излишности учения и, желая видеть более себе подобных, стремятся к распространению мрака — уничтожением света"[60].

По всей видимости, не случайно Н. И. Тургенев рядом с фамилией Магницкого поставил упоминание о призыве истреблять и сжигать книги, выдвинутом последним.

* * *

Вскоре после этого происшествия в Симбирском отделении Библейского Общества М. Л. Магницкий в начале января 1819 г. решил по собственному желанию оставить место губернатора, в котором, по его словам, видел "одно продолжение какого-то прикрытого изгнания". Основной причиной этой отставки можно считать тот конфликт, который установился между губернатором и симбирским обществом в целом. На его возникновение влияло: и многочисленные дела, начатые Магницким, о тиранстве и злоупотреблениях помещиков, и преследования некоторых невиновных лиц по неосновательному подозрению в совершении различных проступков, и чрезмерное усердие губернатора на поприще Библейского Общества, дошедшее до самых крайних, инквизиционных мер, и прямое его предательство масонства, борьба с идеями этого братства в то время, когда большинство представителей губернской администрации являлось членами местной ложи "Ключ к Добродетели".

Существование столь недружелюбных отношений с дворянством хорошо сознавал сам виновник этого. В "Записке о Казанском деле", упоминая о тех скандальных делах в Симбирске, инициатором которых он выступал, М. Л. Магницкий признавался: "Между тем они-то (т. е. эти дела — прим. авт.) дали мне ту гибельную известность, от которой приобрел я множество врагов. Дворянство видело во мне, по его мнению, не раз мною самим слышанному, предателя собственного моего сословия, из преданности к правительству, весь многочисленный класс подъячих и лихоимцев — опасного и смелого обличителя, получестные их покровители — человека жестокого и злонамеренного". "Борясь со всеобщим злом в одном маленьком углу Империи, — далее

указывал М. Л. Магницкий, — не только другим, но и самому себе казался я тем несчастнейшим Донкишотом, что прекратить драку с мельницами, по совести, не мог"[61]. Не вызывает сомнений, что эти признания, сделанные им в 1829 г., когда он вновь оказался в опале, предназначались для его очередной реабилитации и для напоминания о своих заслугах на службе императору. Следует заметить, вероятным получателем этой оправдательной "Записки" являлся либо сам Николай I, либо другое высокопоставленное лицо.

Решив покинуть ненавистный ему Симбирск, М. Л. Магницкий сам поехал в Петербург просить увольнения от "нестерпимого звания губернатора". "Хлопоты его увенчались успехом. Н. М. Карамзин 27 января 1819 г. извещал своего брата в Симбирске: "Спешу вас известить, что бывший ваш губернатор определен здесь в члены училищ управления под начальством министра просвещения"[62]. Следовательно, назначение М. Л. Магницкого последовало около 27 января 1819 г. До 10 февраля он находился еще в Симбирске, где и получил предписание по дороге в Петербург заехать в Казань и осмотреть университет. От него требовалось представить заключение: может ли это учебное заведение и впредь существовать с пользою?

М. Л. Магницкий немедленно отправился в Казань, где пробыл не более 6 дней. По приезду в столицу он представил министру просвещения подробный отчет об осмотре университета, описав его самыми черными красками и заключив тем, что "университет подлежит уничтожению, которое должно быть произведено в виде публичного разрушения"[63]. И только мудрость императора спасла Казанский университет. "Зачем разрушать, можно исправить", — сказал Александр I министру кн. А. Н. Голицыну[64]. Исправлять поручено было самому М. Л. Магницкому, назначенному в июне 1819 г. попечителем Казанского университета и учебного округа.

Тогда говорили, и не без основания, что М. Л. Магницкий сам напросился на это поручение. Как отмечал В. И. Панаев, "ему нужно было неотлагательно блеснуть перед соседним, не любившим его, Симбирском таким важным поручением, таким доверием правительства, и в тоже время иметь случай показать пред новым начальством и государем ревность свою"[65].

С прибытием Магницкого в Казань для тамошнего университета началась новая эпоха в его истории, длившаяся около 7 лет (с 1819 по 1826 гг.) и связанная с ревностным гонением всякой свободы мысли и слова, с искоренением вольнодумства и само-

стоятельности в его стенах, осуществляемых новым попечителем. Вместе с тем для Симбирской губернии завершился неспокойный, напряженный период губернаторства Михаила Леонтьевича Магницкого.

Примечания

[1] 19 век. Исторический сборник, издаваемый П. Бартеневым. М., 1872, кн. 1, с. 237.

[2] "Аониды". М., 1797, кн. 2, с. 209.

[3] Вигель Ф. Ф. Записки. М., 1867, часть 7, гл. 1.

[4] Фортунатов Ф. "Памятные записки вологжанина". — "Русский архив", 1867, с. 1705.

[5] Феоктистов Е. Материалы для истории просвещения в России. Магницкий. СПб., 1865, с. 3.

[6] Корф М. А. Жизнь графа Сперанского. 1861, ч. 1, с. 283.

[7] Дмитриев И. И. "Взгляд на мою жизнь." Ч. 3, кн. 7. — Дмитриев И. И. Сочинения. М: Правда, 1986, с. 344.

[8] Дружеские письма гр. М. М. Сперанского к П. Г. Масальскому, писанные с 1798 по 1819 год. Изд. 1862, с. 71.

[9] "Русский вестник", 1859, октябрь, кн. 2, с. 561.

Составление этого указа сопровождалось большими затруднениями. Статс-секретарь Марченко, которому приказано было изготовить этот указ, четыре раза посылал его исправлять к императору Александру I, и государь каждый раз был им недоволен. По этому поводу очевидец пишет: "Сие произошло от того, что Император неопределительно дал свои повеления, приказав сказать в указе, что, назначая места Сперанскому и Магницкому, он имел ввиду предоставить им возможность выслужиться, обнаруживая мысль, что они виноваты, потому что прощают только виновных, но сего последнего выражения Государю не хотелось произнести. Наконец, после многократных поправок, ночью подписан сей указ, который неясностью и двусмысленностью своею показывает, что сочинитель оного был в великом затруднении, что именно намеревался выразить". (Русский биографический словарь. СПб., 1896, т. 1, с. 354).

[10] Воспоминания В. И. Панаева. — "Вестник Европы", 1867, т. 4, с. 74.

[11] "Москвитянин", 1843, ч. 4, с. 480—481.

[12] Там же, с. 481.

[13] Дружеские письма гр. М. М. Сперанского к П. Г. Масальскому.., с. 114.

[14] "Москвитянин", 1843, ч. 4.

[15] Магницкий М. Л. "Записка... о Казанском деле. Ревель, 1829 год, 14 сентября".

Это — собственноручная черновая записка, оставшаяся после смерти М. Л. Магницкого среди его бумаг. Неизвестно, на чье имя она подана была и намерен ли он был ее подать. — 19 век. Исторический сборник. М., 1872, кн. 1, с. 240—241.

[16] Там же, с. 241.

[17] Там же, с. 241.

[18] Там же, с. 240.

[19] Свербеев Д. Н. Записки. М., т. 1, с. 200.

[20] "Вестник Европы", 1867, т. 4, с. 74—75.

[21] Семевский В. И. "Декабристы-масоны". — "Минувшие годы". 1908, 5/6, с. 394—395.

[22] Архив братьев Тургеневых. Петроград., 1921, вып. 5, т. 3, с. 131—132.

[23] Там же, с. 132.

[24] Там же, с. 133.

[25] Там же, с. 134.

[26] Там же, с. 264.

[27] Свербеев Д. Н. Записки, с. 199.

[28] Архив братьев Тургеневых, с. 133.

[29] Соколовская Т. О. Русское масонство и его значение в истории общественного движения. (18 и 1-ая четверть 19 столетия). СПб., 1908.

[30] Соколовская Т. О. "К масонской деятельности кн. Баратаева". — "Русская старина". 1909, № 2, с. 424.

[31] "Русская старина", 1909, № 3, с. 28.

[32] Граф Ростопчин в "Записке о мартинистах", представленной в 1811 г. Великой княгине Екатерине Павловне, писал: "И эта мундирная чиновная Россия не стеснялась открыто признавать себя масонами, хотя это звание служило во всяком случае ярлыком некоторого вольномыслия, некоторого прогрессивного стремления". — "Русский архив", 1875, № 3, с. 81.

[33] А. Н. Пыпин в "Хронологическом указателе русских лож" (Пыпин А. Н. Русское масонство 18 и первой четверти 19 в. Петроград, 1916, с. 529) указывает другое время — 12 марта 1818 г. И. Н. Тургенев в письме к своему брату Сергею Ивановичу, находящемуся при главной квартире русского корпуса в Мобеже, во Франции, 11 февраля 1818 г. сообщал: "Князь Баратаев пишет мне, что завел в Симбирске ложу "Ключ к Добродетели" и предлагает мне титло почетного члена и представителя их ложи у здешней директориальной (т. е. "Астреи" — прим. авт.)" ("Минувшие годы", 1908, март, с. 144.) Следовательно, к началу февраля 1818 г. симбирская ложа уже существовала.

[34] "Русская старина", 1909, № 3, с. 648.

[35] "Московские ведомости", 1818, № 5, 16 января, среда, с. 116.

[36] Архив братьев Тургеневых, с. 134.

[37] "Магницкий. М. Л. Новые данные к его характеристике. 1829—1834 гг. Сообщение Ч-ва". — "Русская старина", 1875, ноябрь, с. 478.

[38] "Вестник Европы", 1868, ноябрь, с. 230.

[39] "Вестник Европы", 1867, т. 4, с. 74.

[40] Попов А. А. "Общество любителей Отечественной словесности и периодическая литература в Казани, 1805—1834 годы". — "Русский вестник", 1859, сентябрь, кн. 1, т. 23, с. 78.

Сообщение из Симбирска, 20 мая 1819 г.: "Дела здешнего Женского Общества Христианского милосердия, состоящего под особенным покровительством Государыни Императрицы Елизаветы Алексеевны, сопровождаются благословением свыше. На сих днях получены в кассу оного тысяча руб., Всемилостивейше пожалованные от Ея Императорского Величества. Последуя примеру Августейшей Покровительницы, многие почетнейшие особы содействуют Обществу с живейшим участием. Сверх того 18 числа дан был в Гимназической зале чиновниками Гимназии с учащимися, посторонними благородными особами спектакль в пользу бедных, состоящих под покровительством оного Общества". ("Московские ведомости", 1819, июнь 21, № 50, суббота, с. 1258).

[41] Пыпин А. Н. "Российское Библейское Общество. 1812—1826 гг." — "Вестник Европы", 1868, август, с. 656.

[42] С момента основания Библейского Общества А. И. Тургенев был его секретарем. Речи его в Обществе И. И. Дмитриев называл "прекрасными произведениями искусного литератора". ("Русский архив", 1866, стлб. 1085).

[43] Вигель. Записки. Ч. 7, гл. 1.

[44] "Вестник Европы", 1867, т. 4, отд. 1, с. 98.

[45] "Московские ведомости", 1818, № 13, 13 февраля, с. 353.

[46] Свербеев Д. Н., т. 1, с. 201.

[47] "Атеней", 1858, т. 3, с. 656.

[48] Восстание декабристов. Документы. М., 1976, т. 14, с. 187.

[49] "Московские ведомости", 1818, 13 февраля, с. 353.

[50] "Московские ведомости", 1818, 20 октября, № 86, с. 2345—2346.

[51] "Русский вестник", 1859, сентябрь, кн. 1, с. 74.

[52] "Вестник Европы", 1868, август, с. 689.

[53] "Русский вестник", 1859, сентябрь, кн. 1, с. 74.

[54] Там же, с. 79—80.

[55] Реестр книгам: "Черный Иван или Нелюдим", "Принцесса Вавилонская", "Рассуждение о неравенстве между людьми", "Повесть о двух турках", "Кандид или Оптимизм", "Задиг или судьба", восточная повесть, "Человек в сорок талеров", "Философические речи о человеке", "Тактика Волтера", "Здравое рассуждение Гельвеция", "Критические письма", "Исповедание веры", "Общественная система", "Система природы".

Рукописи: Сокращенное учение нравственных философов, Белый бык, Естественный закон, Поэма в 4 частях, Поэма на разрушение Лиссабона, Энни или мудрец и атеист, Послание к слугам моим (известное сочинение Фон-Визина), Библиотека здравого рассудка, в 2-х т. ("Русский вестник", 1859, сентябрь, кн. 1, с. 80—81).

[56] "Казанские известия", 1818, № 39.

[57] Феоктистов Е., с. 85.

[58] Языковский архив, вып. 1. Письма Н. М. Языкова к родным за дерптский период. Под ред. Е. В. Петухова. СПб., 1913, с. 250.

[59] "Русский архив", 1867, с. 1694.

[60] Архив братьев Тургеневых, вып. 5, т. 3, с. 188.

[61] 19 век. Исторический сборник. Кн. 1, М., 1872, с. 241.

[62] "Атеней", 1858, № 26, с. 661—662.

[63] "Вестник Европы", 1867, т. 4, с. 76.

[64] Там же, с. 76.

[65] Там же, с. 75.

И. В. СМИРНОВА

Е. М. Перси-Френч. Последняя из симбирских Киндяковых

История старинного дворянского рода Киндяковых давно привлекает внимание краеведов[1]. Эта семья всегда играла заметную роль в общественной и культурной жизни Симбирска. Влияние и вес, которые они имели среди симбирской аристократии благодаря древности рода и личным заслугам, подкреплялись и родством с известнейшими фамилиями России: Пашковыми, Раевскими, Полторацкими, а через них с графами Толстыми, графами Мусиными-Пушкиными, графами Чернышовыми-Кругликовыми, Тимашевыми и другими. Киндяковы вошли в пушкинское окружение, послужили возможными прототипами героинь лермонтовского романа "Герой нашего времени", их имение Винновку описал в романе "Обрыв" И. А. Гончаров.

Но история дворянского рода — это, как правило, история деяний, подвигов, заслуг дедов и прадедов, отцов и сыновей. Женские судьбы, за редким исключением, проследить почти не удается. В случае с Екатериной Максимилиановной Перси-Френч мы имеем такую возможность благодаря тому, что в Государственном архиве Ульяновской области в ее личном фонде сохранилось несколько сотен писем[2], которых до сих пор не касались исследователи. Знакомство с письмами и документами убеждает, что перед нами женщина незаурядная: сильная, умная, властная, она сама строила свою судьбу. А судьба ее интересна тем, что она единична, как жизнь каждого человека, и в то же время типична для дворян, живших на рубеже веков и попавших в круговорот революционных событий.

По линии матери Софьи Александровны (6.03.1834—13.07. 1902 гг.) Екатерина Максимилиановна принадлежала к роду Киндяковых, а по линии отца Роберта Максимилиана Перси-Френча (9.10.1832—22.04.1896 гг.) к старинному ирландскому роду Френчей. Этот род известен в Ирландии с 16 века. Уже в то время Френчи владели замком Монивей в графстве Галуэй и землями в баронатстве Тайквин[3]. Во время завоевания Ирландии

Кромвелем (1655 г.) земли у них отобрали, но после реставрации монархии в Англии они им были возвращены. В 18 веке двое Френчей были членами английского парламента от графства Галуэй. Поскольку замок Монивей был майоратным владением и по закону переходил к старшему сыну (по семейной традиции он получал имя Роберт), то остальные сыновья должны были служить. Как правило, Френчи служили или мировыми судьями в своем графстве, или поступали в Королевскую армию. В 19 веке несколько Френчей участвовали в завоевании Индии.

Роберт Максимилиан Перси-Френч получил образование в престижном колледже Rygby и с 1852 года служил в дипломатическом корпусе в Бельгии, Швейцарии, Испании, в 1872 году — секретарем посольства в Санкт-Петербурге, позднее в Вене, откуда и ушел в отставку в 1878 году. Вероятно, в конце 70-х годов он был принят в члены Мальтийского ордена[4].

История знакомства Софьи Киндяковой и Роберта Перси-Френча неизвестна. Венчание их состоялось в Свято-Троицкой Александро-Невской церкви в Париже 17 апреля 1863 года, когда невесте было 29, а жениху 31 год[5]. 20 июня 1864 года родилась их единственная дочь, была крещена по католическому обряду и получила имя Кэтлин Эмилия Александра Перси-Френч[6]. Место рождения Е. М. Перси-Френч в ее родословной не указано, но судя по косвенным данным из письма ее отца[7], это произошло в Лондоне в собственном доме на Лоуэр Гросвенор Плейс, 3.

Семейная жизнь Софьи и Роберта Перси-Френчей не сложилась. Возможно, виной тому была тонкая, нервная, неуравновешенная натура Софьи Александровны. Отголоски семейного неблагополучия звучат в письме ее мужа из Брюсселя (1869 г.): "Этот визит в Гейдельберг меня очень огорчил, я совершенно не в состоянии переносить такие сцены. Софья... в таком ужасном умственном возбуждении, что ей нужен будет на долгое время неусыпный уход хорошего врача. Я почти уверен, что это состояние называется истерией..."[8].

Через несколько лет по взаимному соглашению супруги Френчи разъехались навсегда, не возбуждая дело о разводе. Вероятно, в самом начале 70-х годов С. А. Перси-Френч с дочерью поселилась в Киндяковке у своих родителей Александра Львовича и Эмилии Александровны (дочери богатейшего симбирского землевладельца и фабриканта А. Н. Скребицкого). Вместе с ними приехала в Россию и гувернантка юной Кэтлин мисс Дженни Томкинс. Она прожила рядом со своей воспитанницей более 20 лет, до самой смерти. Дженни Томкинс сумела стать для Екатерины не только

учительницей, но и близким другом. На склоне лет Екатерина Максимилиановна утверждала, что именно благодаря Дженни Томкинс она получила настоящее английское воспитание и всем добрым и светлым, что есть в ее душе, она обязана мисс Томкинс.

Р.-М. Перси-Френч, выйдя в отставку, вел рассеянную жизнь английского аристократа. Будучи склонным к туберкулезу, он большую часть времени проводил на курортах Франции и Италии, вращаясь в кругах европейской знати. Но о дочери своей никогда не забывал. Они поддерживали постоянную переписку, Екатерина несколько раз гостила у отца в Ирландии. Делясь впечатлениями о своей поездке в Монивей (вероятно, в конце 70-х годов), Екатерина писала бабушке в Висбаден: "...Как только я приехала, все захотели со мной познакомиться... Я проведу с Розамондой (Розамонда Френч — двоюродная сестра Е. М. Перси-Френч. — И. С.) два дня у Стэкпулов, оттуда мы поедем к лорду Клинбруку, который ждет нас с нетерпением, затем мы поедем к лорду Валскоту, у которого чудесная яхта... Я все еще в восторге от Монивея и думаю, что я могла бы провести с удовольствием всю жизнь здесь"[9].

Но, конечно, большую часть времени она проводила в Киндяковке рядом с дедушкой и матерью. Екатерина росла в семье высококультурной и богатой духовными традициями. Александр Львович Киндяков был человеком прекрасно образованным. В своем прошении об увольнении с воинской службы (в 1833 году он был майором Каргопольского драгунского полка) он записал: "по-российски, по-немецки, по-французски и латыни, риторике, алгебре, геометрии, арифметике знаю"[10]. В барском доме в Киндяковке находилась богатейшая библиотека, которую собирало не одно поколение Киндяковых и Скребицких. В ее составе было 75-томное издание Вольтера, 125 томов Естественной истории Бюффона[11], сочинения Руссо, Макиавелли, Лагарпа. В библиотеке были собраны редкие и ценные книги, например: "О повреждении нравов в России" кн. М. Щербатова, "Путешествие из Петербурга в Москву" Радищева, изданное с предисловием Искандера в Лондоне в 1858 году. Из русских книг, изданных за границей, были "Записки, мнения и переписка адмирала А. С. Шишкова". Берлин, 1870 (в России не издавалось), "Записки А. П. Ермолова о войне 1812 года", Лондон, 1863, "Записки Д. В. Давыдова, в России цензурою непропущенные", Лондон, 1863,"Тайные общества и 14 декабря в России", Лейпциг, 1875 и другие.

Составитель описания этой библиотеки, сотрудник Дворца книги в 1920-е годы, известный книговед Н. Н. Столов отмечал:

"Классики французской мысли во всех областях науки представлены в этой библиотеке превосходно и делают честь владельцу за выбор и, очевидно, недюжинные познания. Эти книги не "праздные", они читаны, перечитаны, отчеркнуты и подчеркнуты во многих местах"[12]. Естественно, широко была представлена в библиотеке французская беллетристика: В. Гюго, О. Бальзак, Пьер Лоти[13], А. Франс, А. Дюма и другие. В Киндяковке была собрана и богатейшая библиотека по искусству[14].

Любопытно, что один из первых в Симбирске печатных экслибрисов принадлежал Киндяковым, а точнее Софье Александровне Киндяковой-Перси-Френч. Он был составлен из гербов рода Киндяковых и Френчей, а на ленте, окаймляющей оба герба, был начертан девиз Френчей:"Malo mori guam foedari" ("Предпочитаю умереть, нежели обесславить")[15].

А. Л. Киндяков около 15 лет (1848—1862 гг.) был действительным членом совета Карамзинской общественной библиотеки. С. А. Перси-Френч с 1882 года состояла членом Санкт-Петербургского общества поощрения духовно-нравственного чтения[16]. Софья Александровна превосходно знала языки. По сообщению Н. Лендера, который встречался с ней в 1891 году, она переводила на английский язык стихотворения М. Ю. Лермонтова, Н. А. Некрасова, А. К. Толстого, и переводы эти снискали некоторую известность за границей[17].

Она была одарена музыкально: великолепно играла на рояле, обладала хорошим голосом. В молодости С. А. Перси-Френч была участницей благотворительных концертов, которые устраивало симбирское дворянство. На одном из них, 31 декабря 1855 года, дававшемся в зале Дворянского собрания в пользу раненых воинов, участников Крымской войны, она выступала дважды, исполнив арию из Монтекки и Капулетти (Se Romeo) в сопровождении хора и "Соловья" Алябьева[18]. Примечателен тот факт, что на втором этаже барского дома в Киндяковке была устроена органная комната, где стоял орган красного дерева в 10 валов и, вероятно, устраивались концерты органной музыки для гостей[19].

Безусловно, воспитанию и образованию Екатерины в этой семье уделялось много внимания. "Читаю исторические книги", — сообщает она бабушке в Висбаден — "Мама хочет меня учить. Так как она очень образована, это будет не потерянное время. Я не думаю прощаться с роялем, наоборот, мы выбрали один из лучших у Юргенса"[20]. Кроме матери и мисс Томкинс с Екатериной занимались и приглашенные учителя.

В 1878 году 14-летняя Екатерина проходит в Симбирске обряд конфирмации[21].

Можно сказать, что детство ее было счастливым и безмятежным. Ее окружали заботой и любовью не только Киндяковы, но и чета Стремфельдт. Софья Александровна Стремфельдт (урожденная Скребицкая) была родной сестрой Эмилии Александровны Киндяковой. В 1863 году после первого неудачного брака она вновь вышла замуж за шведского барона, принявшего русское подданство, Клааса Карловича Стремфельдта. А в 1864 году после смерти отца А. Н. Скребицкого она получила богатейшее наследство: села — Тереньгу, Епифановку, Гладчиху, Русскую Темрязань Сенгилеевского уезда с состоящими при них суконными фабриками, мельницами, стекольным заводом[22].

С. А. Стремфельдт поселилась вместе с мужем в огромном трехэтажном барском доме в Тереньге, построенном еще прежними владельцами князьями Голицыными. Не имея своих детей, они полюбили Екатерину как родную внучку, и она отвечала им нежной привязанностью.

И только повзрослев, Екатерина начала понимать, что материальное положение их семьи далеко не блестяще. С 60-х годов с Киндяковыми происходила та же "обыкновенная история", что и со многими дворянскими семьями после реформы 1861 года — медленное разорение. В марте 1863 года Софья Стремфельдт писала сестре Эмилии Киндяковой: "Ты жалуешься в своем письме, дорогая Эмилия, что ваши дела идут плохо. Это не удивительно, любой страдал бы после такого кризиса и таких перемен"[23]. Тем не менее Киндяковы продолжали вести прежний образ жизни. Э. А. Киндякова с 60-х годов почти постоянно жила в Висбадене, выезжая оттуда на курорты Франции и Италии и доверив управление своим имением Белый Ключ Симбирского уезда мужу. Александр Львович должен был содержать дочь и внучку, обеспечивая им привычный комфорт.

В 1861 году он сдает в аренду на 5 лет крестьянам с. Канадей Мякишевым мукомольную мельницу в с. Головино Сызранского уезда[24] (с. Головино, Покровское тож А. Л. Киндяков приобрел в 1857 году у Языковых). В 1866 году Александр Львович берет в Сызранском общественном банке ссуду в 4 тыс. рублей под залог принадлежащих ему 209 дес. 2087 саж. земли при д. Отрада Симбирского уезда. В следующем году ему приходится заложить в Санкт-Петербургском обществе взаимного поземельного кредита 4118 дес. земли при с. Головино под ссуду в 19375 рублей[25].

С возрастом держать в руках управление четырьмя имениями Александру Львовичу становилось не под силу. В 1882 году он оформляет дарственную на с.Головино на имя своей дочери[26].

Софья Александровна переезжает туда вместе с Екатериной. К сожалению, надежды Александра Львовича не оправдались. Софья Александровна не желала вникать в хозяйственные дела, полностью доверив их управляющему. Все это очень беспокоило Александра Львовича. 11 августа 1882 года он пишет дочери: "Нужно положить конец беспорядкам, которые царят в Головино... За посев было уплачено гораздо дороже, хотя посеена всего половина... Постарайся контролем, порядком и экономией восстановить положение. А его можно переменить"[27]. В другом письме добавляет : "Впрочем, из-за отсутствия книг учета ты даже не знаешь, сколько ты расходуешь"[28].

В 1881 году закончился срок временнообязанного состояния крестьян. Симбирское губернское по крестьянским делам присутствие приступило к оформлению выкупных сделок. Пока в ГАУО удалось найти документы о выкупной сделке А. Л. Киндякова только с крестьянами с. Винновки, начатое 4 декабря 1883 года.

В Винновке в это время числилось 168 душ крестьян мужского пола, им было отведено 625 дес. 739 саж. земли, что составило 3 дес. 1732 саж. на душу, при максимальном для Симбирской губернии душевом наделе в 4 дес. Выкупная ссуда составила 21352 рубля 27 копеек. За вычетом долга Московской сохранной казне А. Л. Киндяков должен был получить 15418 рублей[29].

Но получить этих денег он уже не успел. Александр Львович внезапно скончался 18 ноября 1884 года в возрасте 79 лет[30]. 22 ноября он был похоронен на кладбище Покровского монастыря, где были погребены и его предки. Наследницами его стали Э. А. Киндякова и С. А. Перси-Френч.

В ГАУО хранится важный для нас документ "Об утверждении великобританской подданной С. А. Перси-Френч в правах наследства к имению отца отставного подполковника А. Л. Киндякова при д. Винновке Симбирского уезда. 15 декабря 1884 — 6 июня 1885 гг."[31]. Поскольку завещания Александр Львович не оставил, то с 21 по 25 ноября 1884 года судебный пристав при Симбирском мировом съезде Лебедев составляет подробную опись имущества, оставшегося после умершего А. Л. Киндякова, как движимого, так и недвижимого. Комнату за комнатой Лебедев описывает обстановку киндяковского дома: столовую, кабинет, спальню, залу, гостиную, органную комнату. Комнаты были наполнены старинной мебелью пальмового, орехового, красного дерева, напольными и настенными часами, старинными зеркалами, шкафами с книгами. В кладовой стояли шкафы с чайной и столовой посудой и столовым серебром. Всем этим вещам производилась

оценка, так шубка с петлицами на норковом меху, крытая сукном, была оценена в 15 рублей.

При усадьбе находилась большая оранжерея (впервые о ней упоминается в документах по Киндяковке, относящихся к 1794 году)[32].

В 1884 году в оранжерее было 635 горшечных растений, 76 фруктовых деревьев в кадках и 5 в грунте. Кроме того при усадьбе располагался скотный двор и гумно. В недвижимой собственности А. Л. Киндякова состояло 618 дес. 2113 саж. земли и разных угодий при д. Винновка, 209 дес. 287 саж. при д. Отраде и 40 дес. сенокосных лугов в пойме р. Волги на Тихомировском острове. Симбирский окружной суд 21 декабря 1884 года постановил: все движимое имущество оценить в 54783 руб. 12 коп., недвижимое в 39066 руб. 3/4 движимого и 6/7 недвижимого имущества по закону получила С. А. Перси-Френч, остальное отходило Э. А. Киндяковой.

Возможно, кончину А. Л. Киндякова ускорили неприятные события, разыгравшиеся в семье. Дело в том, что Екатерина Перси-Френч привыкла ежегодно выезжать за границу для встреч с отцом. Но с 1880 года в течение трех лет ее мать под разными предлогами откладывала эти поездки. Тогда, в сентябре 1884 года 20-летняя Екатерина решила уехать одна. Но ей удалось добраться только до Динабурга, где она по телеграмме матери была задержана полицией. Разразился скандал, о котором узнали в Симбирске, и в Петербурге, и знакомые за границей. Давний знакомый семьи Френчей барон Мюльгаузен написал Софье Александровне резкое письмо: "Английский закон, который нами управляет, также защищает и Вашу дочь. Она захотела уехать, Вы заставили жандармерию в Динабурге арестовать ее. Ее желание уехать остается, а Вашему обещанию отвезти ее самой за границу ни она, ни я больше не верим. Какую бы Вы ни указали причину — кражу или политический мотив — это ничего не меняет. Ваша дочь имеет полное право выехать за границу"[33]. Здесь необходимо сказать, что отношения Софьи Александровны с дочерью давно уже были непростыми. Возможно, причиной тому было полное несходство их натур: нервная, экзальтированная, склонная к истерическим припадкам мать и обладающая трезвым умом, твердым, волевым и даже авторитарным характером дочь. Екатерина не могла спокойно смотреть, как Софья Александровна беззаботно проматывает наследство своего отца, не думая о последствиях. В феврале 1885 года Е. Перси-Френч все-таки уезжает за границу и ставит условием своего возвраще-

ния передачу ей Киндяковки. Она страстно мечтала стать наконец независимой и попытаться спасти хотя бы родовое имение.

В марте 1885 года неизвестный адресат писал Софье Александровне: "Самое лучшее, что Вы можете сделать, это уехать на некоторое время из Головина и вообще из Симбирской губернии и передать Ваши денежные дела надежному человеку, чтобы он устроил их без Вас. Если Ваши дела не устроятся в денежном отношении, то Вам трудно рассчитывать на Екатерину Максимилиановну. Она девушка молодая и хочет жить, Вы же вполне показали Вашу неспособность в финансовых расчетах,... последний залог Киндяковки доказывает это еще больше"[34].

В конце концов условия Екатерины были приняты. 24 сентября 1885 г. и 25 июля 1886 г. были оформлены дарственные С. А. Перси-Френч и Э. А. Киндяковой на передачу в собственность Е. М. Перси-Френч Киндяковки[35]. 16 декабря 1886 года у симбирского нотариуса А. Н. Попова была составлена еще одна дарственная на передачу Е. М. Перси-Френч д. Отрады с переводом на нее долга Симбирскому городскому общественному банку 4200 рублей. Цена даримому имению была объявлена "по совести" в 12 тыс. рублей[36].

Тогда же, в 1886 году, Е. М. Перси-Френч начинает хлопотать о причислении ее к русскому дворянству. По ее просьбе дальний родственник Киндяковых, управляющий Симбирской губернской земской управой А. А. Пашков наводит соответствующие справки и сообщает: "...Все, что я узнал о том, как Вы могли бы перейти в русское подданство — не очень утешительно. Надо этого достичь своей государственной службой или другим легальным способом. Но Государь иногда жалует русское дворянство иностранцам и пример этому барон Стремфельдт. Во всяком случае, я думаю, это можно будет сделать, т. к. Вы внучка Александра Львовича и наследница его имения. Если Вы решитесь на этот шаг, поговорите с княгиней Эдинбургской, если это возможно, и дядя Тимашев[37] Вам тоже может быть полезен"[38].

Судя по тому, что Е. М. Перси-Френч до конца жизни оставалась великобританской подданной, хлопоты ее успехом не увенчались.

Став землевладелицей, она серьезно взялась за хозяйственные дела, хотя опыта не было никакого. Отец советовал ей: "Тебе следовало бы познакомиться с некоторыми из ваших помещиков, которые преуспевают, и узнать у них, как они ведут свое хозяйство. Не слишком огорчайся, когда не все удается, и утешай себя тем, что все в таком же положении"[39].

Но кроме своих забот, на плечи молодой девушки на много лет легла тяжелая ноша: устраивать финансовые дела матери, порой в последний момент спасая ее имение от торгов. 3 июня 1889 года Екатерина писала барону Стремфельдту: "Только в этом году я отправила все деньги в Головино для отдачи долгов и погоня за деньгами должна вновь начаться для жатвы. В доме все убрано, благодаря мисс Томкинс, т. к. у меня нет времени чем-либо заниматься и все мои чудесные планы рухнули. Самые лучшие годы прошли, они были очень тяжелыми. Будет ли лучше моя вторая четверть века? Один Бог знает это! Несмотря ни на что, я стараюсь не терять мужества..."[40].

Отдушиной для Екатерины Максимилиановны были путешествия с отцом. Зиму они проводили в Ницце или на курортах Италии. Р.-М. Перси-Френч ввел свою дочь в круг европейской аристократии, у нее появилось много светских знакомств. Почти ежегодно она навещала родных в Англии и даже была принята при дворе королевы Виктории.

Но очень часто тревожные письма из России заставляли ее прерывать отдых. "Моя дорогая Катрин! — писал ей барон Стремфельдт 21 декабря 1890 года, — "...хотел бы, чтобы ты наслаждалась в Лондоне и провела праздники без волнений, а это тебе нужно после каторжного труда в Симбирске. Но я считаю своим долгом сообщить тебе, что дела здесь идут неважно. Твоей матери должны объявить о несостоятельности и твое присутствие здесь необходимо. Я думаю, что ты должна вернуться в Симбирск к февральской ярмарке. Я знаю, что все основано в Симбирске на доверии к тебе и личном влиянии"[41].

Постоянные хозяйственные заботы оставляли мало времени для развлечений. Иногда Екатерине удавалось выкроить день или два, чтобы отправиться в Акшуат на именины своей подруги Марии Поливановой, или побывать на балу у давних друзей Киндяковых семейства фон Брадке, или посетить театр в Симбирске. В июне 1889 года на 25-летие дочери в Киндяковку приезжал Р.-М. Перси-Френч. Целых два месяца он гостил у нее. А вернувшись в Англию, написал ей о том, что все больше беспокоило его в последние годы: "Мы, конечно, говорили о тебе и мы находим, что ты особа, которую труднее всего выдать замуж. Монби считает, что ты сможешь выйти замуж только за русского, так как будет трудно найти иностранца, который захотел бы похоронить себя в Симбирске и который мог бы помогать тебе в твоих предприятиях. Княгиня опасается также, что ты будешь тяжелым человеком и что белого дрозда (диковинку такую), который тебе

нужен, трудно найти. И это самая большая озабоченность моих старых дней"[42]. В другом письме Роберт Перси-Френч добавляет: "Я хотел бы, чтобы ты нашла покупателей на все свое состояние и, имея 200 тыс. рублей, навсегда уехала бы из России. Думаю, что с этими деньгами ты могла бы хорошо обосноваться в Европе и не тратить свою молодость на то, чтобы постоянно думать о том, как свести концы с концами, без какой-либо надежды на удовлетворительный результат"[43].

Но поступить так Екатерина Максимилиановна не могла. Отец и не подозревал, как много значила для нее Россия. "Будучи уверенной в том, что в старости меня ждет покой и изобилие, — писала она, — я все же считала своим долгом отдать земле, которая обеспечила мне их, будь то через мой труд или иным способом, все мои силы".

90-е годы стали для Екатерины Максимилиановны временем утрат близких ей людей. В октябре 1893 года умирает Софья Александровна Стремфельдт. Она была похоронена в фамильном склепе Скребицких рядом с Александро-Невской церковью села Тереньги[44]. В декабре 1893 умирает бабушка Екатерины Максимилиановны — Эмилия Александровна Киндякова[45]. В том же 1893 году умерла и незаменимая Дженни Томкинс. Ее похоронили в склепе в Киндяковке[46].

22 апреля 1896 года в Неаполе скончался Роберт Максимилиан Перси-Френч, оставив дочери в наследство замок Монивей и дом в Лондоне[47].

26 октября 1899 умер один из самых близких Е. М. Перси-Френч в Симбирске людей барон К. К. Стремфельдт[48]. В январе 1900 года Екатерина Максимилиановна отправилась в Швецию, чтобы выполнить его последнюю волю: передать его родственникам семейные портреты и другие семейные реликвии. Согласно завещанию барона Стремфельдта, все благоприобретенные и доставшиеся ему по духовному завещанию от покойной жены имения он отдавал в полную собственность Е. М. Перси-Френч. Таким образом она стала владелицей д. Вельяминовка, Поповка тож Сызранского уезда с 2813 дес. земли, с. Трубетчина и д. Нов. Демидовка Сызранского уезда с 217 дес. земли и двумя водяными мельницами, с. Русская Темрязань Сенгилеевского уезда с 609 дес. земли и стекловаренным заводом. Все наследственное имущество оценивалось в 278650 руб. Кроме того барон Стремфельдт оставил Е. М. Перси-Френч всю завещенную ему женою и личную движимость в с. Тереньге, Епифановке Сенгилеевского уезда и д. Волосниковке Симбирского уезда (золото, серебро,

бриллианты, драгоценные камни и другие фамильные вещи, библиотеки и тому подобное)[49].

Таким образом, к началу XX века Е. М. Перси-Френч становится одной из крупных землевладелиц в Симбирской губернии[50].

13(26) июля 1902 года в возрасте 68 лет скончалась Софья Александровна Перси-Френч и была похоронена на кладбище Покровского монастыря. 25 июля Сызранская дворянская опека своим постановлением назначила Е. М. Перси-Френч опекуншей над движимым и недвижимым имуществом матери при селах Тереньга, Епифановка и Гладчиха Сенгилеевского уезда. Финансовые дела С. А. Перси-Френч оказались совершенно расстроены. Незадолго до смерти, 1 мая 1902 года, она взяла под эти имения в Государственном Дворянском земельном банке ссуду в 311900 рублей сроком на 66 1/2 лет. Кроме того, после ее смерти были предъявлены к оплате векселя от разных лиц более, чем на 700 тыс. рублей[51]. Размер долга был просто астрономическим. 3 мая 1905 года Е. М. Перси-Френч приобретает имения матери с торгов, проведенных Симбирским отделением Государственного Дворянского земельного банка[52]. Чтобы расплатиться с долгами, ей пришлось сразу же продать д. Епифановку[53]. Тем не менее к 1905 г. Е. М. Перси-Френч стала обладательницей колоссального состояния: более 13 тыс. десятин земли и около 8 тыс. десятин леса. Перед 1 мировой войной она оценивала свое состояние в 50 миллионов рублей.

Благодаря переходу на интенсивные методы ведения хозяйства, Екатерина Максимилиановна добилась рентабельности своих имений, а Киндяковка стала одной из самых образцовых экономий в Симбирской губернии. Е. М. Перси-Френч постоянно принимала участие в сельскохозяйственных выставках в Симбирске. В 1908 году отмечалось 50-летие Симбирского общества сельского хозяйства и была организована большая юбилейная выставка. По итогам выставки Е. М. Перси-Френч была отмечена серебряной медалью (золотые не присуждались) Главного управления землеустройства и земледелия за озимую рожь, овес разных сортов и интенсивное ведение хозяйства. По отделу плодоводства и огородничества Е. М. Перси-Френч было присуждено право на серебряную медаль Московского общества сельского хозяйства за персики, сливы, абрикосы оранжерейной культуры и огородные овощи, а садовнику А. Л. Сироткину за умелое ведение дела постановили выдать похвальный лист Главного управления землеустройства и земледелия. Была отмечена Киндяковская экономия серебряной медалью за разведение овец каракульской породы и коров бестужевской породы[54].

В Отчете о Симбирской губернской выставке полеводства, огородничества, цветоводства и крестьянских хуторских хозяйств за 1910 год[55] помещено описание нескольких лучших хозяйств губернии и среди них первым идет описание Киндяковской экономии. Сейчас, когда от имения Киндяковых остался маленький островок-Винновская роща, думаем, интересно будет узнать какой была Киндяковка в 1910 году.

Расположена была Киндяковская экономия при д. Винновка и с. Белый Ключ, в 5-ти верстах от Симбирска и 4-х от железнодорожной станции Симбирск[56]. Участок земли в Киндяковской экономии составлял 1025 дес. 1480 саж. земли. Преобладающей почвой был чернозем, который залегал слоем до 20 вершков (90 см.). По угодьям все земли распределялись так: пашни — 542 дес. 48 саж., леса — 343 дес. 3327 саж., выгона — 40 дес., под усадьбой — 3 дес., сад и огород — 18 дес., луга — 30 дес., неудобной земли — 449 дес. 105 саж. Построек к 1 апреля 1908 года насчитывалось 18: дом управляющего, контора, две конюшни, каретник, баня, кегельбан, машинный двор, скотный двор и прочее. На машинном дворе стояли 4 жнейки, сенокосилка, паровая молотилка с локомобилем и прессом, 25 плугов, 8 борон, 5 сеялок и другой инвентарь. Уборка хлеба производилась преимущественно машинами-сноповязалками и только полегший или очень низкий хлеб убирали косой и серпом. Молотьба производилась сложной молотилкой, после чего зерно сортировалось по объему и весу. Для сельскохозяйственных работ содержалось 42 лошади.

Стадо коров насчитывало 32 головы бестужевской породы с прилитием крови симментальской. Полученное от них молоко сбывалось в Симбирске в непереработанном виде и частью в виде сливок и сметаны.

Овцеводство было заведено в 1904 году, в 1908 году стадо насчитывало 117 голов.

Штатных служащих в имении было 22 человека: управляющий, конторщик, садовник, два сторожа, два полесовщика, кучер, два конюха, кузнец, плотник, три скотницы-доильщицы, экономка и другие.

Количество рабочих определялось количеством упряжного скота, размерами обычных и чрезвычайных работ. Наем производился с 15 марта по 15 ноября с платой от 50 до 70 рублей, на экономических харчах. В среднем постоянных рабочих было 10—12 человек. Управлял имением по нотариальной доверенности Карл Филиппович Гельд, прослуживший в имении 27 лет. Он

сам вел счетоводство и кассу и ежемесячно представлял отчеты Е. М. Перси-Френч. Все служащие, кроме жалования, получали квартиру и провизию: от 2 пудов 20 фунтов до 6 пудов ржаной муки, по 30 фунтов пшена, по 15 фунтов мяса и по 1/8 ведра молока в месяц.

Нанималось до 12 поденных рабочих с весны до осени. Женщинам платили от 20 до 50 копеек в день, а мужчинам от 40 до 80 копеек. На поденных рабочих также отпускалась провизия, но только при посадке картофеля и молотьбе хлеба, а в остальное время они были на своих харчах.

До 1893 года земля обрабатывалась, главным образом, наемными крестьянами и их инвентарем и навоз почти не применялся. С 1893 года экономия перешла на интенсивное ведение хозяйства, был введен четырехпольный севооборот: пар, удобренный навозом, рожь, картофель и овес по 100 десятин в поле, небольшая часть земли сдавалась в аренду местным крестьянам по 25 рублей за десятину. С 1893 года экономия обзавелась собственным инвентарем и стала усиленно удобрять паровое поле. Это сразу отразилось на урожайности полей. Если средний урожай за 10 лет с 1883 по 1892 год составил: ржи — 45 пудов, картофеля — 799 мер, овса — 55 пудов с десятины, то за следующие 10 лет составил: ржи — 96,5 пудов, картофеля — 601 мера, овса — 78 пудов.

Сады занимали около 18 десятин и располагались на берегу Волги. В них насчитывалось около 5000 штук яблонь, основными сортами были анис и скрут. Сады ежегодно сдавались в аренду и составляли доходную статью. Огород занимал небольшую площадь и обслуживал нужды владелицы и экономии.

Главными сбыточными продуктами в экономии были зерновой хлеб, картофель и молочные продукты. Хлеба сбывались ежегодно от 9 до 17 тыс. пудов, картофеля от 40 до 70 тыс. мер и молока от 2,5 до 3 тыс. ведер.

Екатерина Максимилиановна писала, что крайне редко использовала доходы на какие-либо цели, кроме самого необходимого в личных целях, вкладывая практически все в землю.

С начала 900-х годов Е. М. Перси-Френч много времени отдает общественной работе и благотворительности. В 1905 году она была избрана председательницей Симбирского общества христианского милосердия и попечительницей Симбирской общины сестер милосердия Красного Креста и находилась в этой должности 12 лет[57]. Екатерина Максимилиановна не просто формально возглавляла эти общества, в 1897 году она закончила медицин-

ские курсы в Москве[58]. Во время постигшего Симбирскую губернию неурожая 1906 года симбирское местное управление Красного Креста создало специальную комиссию для помощи голодающим. С октября 1906 года по июль 1907 года в Симбирске была открыта сеть бесплатных столовых, раздаточных и питательных пунктов. Е. М. Перси-Френч принимала самое деятельное участие в их организации и сама пожертвовала 100 рублей на организацию столовой на Дворцовой улице в доме М. В. Красникова[59].

За работу по организации помощи голодающим в 1906 году Е. М. Перси-Френч была награждена нагрудной золотой медалью на Аннинской ленте, а в 1907 году — знаком Красного Креста[60].

В 1913 году на средства Е. М. Перси-Френч в Тереньге была построена ремесленная столярная школа для мальчиков. В том же году симбирский губернатор утвердил ее в звании почетной блюстительницы Тереньгульского женского одноклассного училища "согласно избранию Тереньгульского сельского общества от 15 сентября 1913 года". В приговоре сельского общества было записано: "...принять попечение о школе по просьбе нас, крестьян, и учительницы Жемчужниковой изъявила согласие местная наша землевладелица Ее Превосходительство Е. М. Перси-Френч, известная своею благотворительностью и отзывчивостью на дела народного просвещения"[61].

Е. М. Перси-Френч была также и покровительницей искусств. Она исполняла должность председательницы Симбирского Музыкально-Драматического и Художественного обществ[62].

В 1910 году Е. М. Перси-Френч становится действительным членом Симбирской ученой архивной комиссии. В 1912 году архивная комиссия вела подготовку торжеств в Симбирске, посвященных 100-летию со дня рождения великого писателя-земляка И. А. Гончарова. Этот юбилей не мог оставить равнодушной и Екатерину Максимилиановну. В Киндяковке, где все напоминало симбирянам о гончаровском романе, также готовились торжества. На свои средства Е. М. Перси-Френч заказала известному симбирскому архитектору А. А. Шодэ проект памятника И. А. Гончарову. Закладка его состоялась в Винновке 6 июня 1912 года, в день рождения писателя. Для участия в этом знаменательном событии были приглашены родственники И. А. Гончарова, прибывшие в Симбирск, члены Симбирской ученой архивной комиссии и другие представители симбирского общества.

Газета "Симбирянин" от 9 июня 1912 года писала: "6 июня перед вечером дорога на знаменитую Киндяковку имела необы-

чайно оживленный вид. По ней мчались тройки, пары, одноколки, вызывая недоумение прохожих. Это мчались гости Екатерины Максимилиановны Перси-Френч почтить память Гончарова на "обрыв". У границ имения гарцевали черкесы и, встречая подъезжавших, показывали путь к "обрыву". К 8 часам вечера на этом историческом месте на верху горы собралась масса публики. Здесь на площадке устроено возвышение, на котором сооружается памятник И. А. Гончарову. Сооружение памятника не закончено, но, судя по всему, должно быть удачным".

После торжественной церемонии на волжском обрыве все присутствующие были приглашены в имение Е. М. Перси-Френч. На лужайке перед домом для гостей были накрыты столы. Играл духовой оркестр. Был подан роскошный ужин. Празднества в Киндяковке продолжались до рассвета.

Когда памятник И. А. Гончарову в виде белоснежной беседки-ротонды был построен, он вызвал восхищение современников. Беседка была выполнена в дорическом ордере с соблюдением всех пропорций и правил из специального фасонного кирпича. На круглой площадке цоколя было установлено восемь колонн, поддерживающих купол с карнизом и антаблементом. Под куполом в центре площадки был установлен четырехгранный обелиск с двумя бронзовыми мемориальными досками. Одна представляла собой барельефный портрет И. А. Гончарова работы Цейдлера. Отливку барельефа производили, вероятно, на знаменитом Кусинском заводе на Урале[63]. На второй доске была сделана надпись о том, что памятник установлен в честь 100-летия со дня рождения И. А. Гончарова[64].

М. Н. Поливанова писала Екатерине Максимилиановне: "Я любовалась чудным мавзолеем Гончарова, построенным тобой в Киндяковке. Он замечательно удался по мысли и по местоположению. Браво, прекрасная архитектура!"[65]

Е. М. Перси-Френч принимала деятельное участие в осуществлении проекта постройки нового костела в Симбирске[66]. Численность католической общины в городе с каждым годом росла и прежний костел, который размещался в перестроенном частном доме, перестал удовлетворять нуждам прихожан. Вследствие этого на общем собрании общины 15 апреля 1912 года прихожане решили взамен старого деревянного построить новый каменный костел. На собрании был избран особый комитет из 10 человек, который должен был ходатайствовать о разрешении на постройку костела и на сбор средств для этой цели. Естественно, в состав комитета была избрана Е. М. Перси-Френч, как одна

из самых влиятельных членов общины.Примечательно, что в списке членов комитета ее имя стоит первым. Проект будущего костела был выполнен А. А. Шодэ. В 1912—1913 годах шла переписка с Могилевской римско-католической духовной консисторией, Симбирским губернским правлением и симбирским полицмейстером. Препятствий для строительства как будто бы не было. Но проект этот не был осуществлен, возможно, в связи с началом первой мировой войны.

События своей жизни в период первой мировой войны и революции Е. М. Перси-Френч описала сама (к счастью, чудом уцелело несколько ее писем, которые далее будут цитироваться)[67].

"Я сочла моим долгом, будучи президентом Красного Креста, не оставлять этот пост в час испытаний, — писала она. "Все власти Симбирска были в отъезде, и я получила указание мобилизовать все силы Красного Креста и предоставить их в распоряжение губернии. На протяжении нескольких недель я работала день и ночь, отправив на фронт несколько сотен госпитальных коек, полностью укомплектовав всем необходимым, персоналом и т. д. Затем мне пришлось сотни раз выезжать в расположение фронтовых госпиталей, специальных миссий и передовых постов, чтобы радеть интересам нашей симбирской милиции, которую посылали в различные точки необъятного фронта на просторах России, и никто кроме меня не беспокоился об их нуждах".

Уже в конце августа 1914 года был готов принять раненых госпиталь в Тереньге[68]. Симбирский госпиталь был организован в Киеве, на Подоле, в здании 3-й гимназии[69]. В трех симбирских лазаретах Красного Креста для раненых было организовано чтение лекций по полеводству, садоводству и скотоводству. Екатерина Максимилиановна в Москве приобретала необходимые для этого брошюры и книги и отправляла в Симбирск[70].

В 1915 году симбирская делегация прибыла с подарками для солдат в Белоруссию. В Молодечно Е. М. Перси-Френч встретилась с представителями английской миссии. "Я всегда радовалась встречам с английскими миссиями на русском фронте, — писала она графине Стэкпул, — радовалась, что мы союзники. Я испытывала гордость за то, что через меня Англия помогала России".

Представитель английской миссии Скотланд Лидделл написал позже книгу On the Russian front. London. 1916. (На русском фронте. Лондон, 1916), где рассказал о встрече с "русской англичанкой"[71]. Апрель 1915 года Е. М. Перси-Френч провела в Петербурге. Ей довелось присутствовать при последних днях жизни и кончине симбирского губернского предводителя дворян-

ства, многолетнего председателя Симбирской ученой архивной комиссии, члена Государственного Совета Владимира Николаевича Поливанова.

Она посещала петербургские госпитали, видела страдания раненых. Узнав, что Италия объявила войну России, в одном из писем писала: "Если бы я была монархом, то лучше вызвала бы на дуэль своего противника, но я никогда, никогда не смогла бы посеять такие страдания в моей империи. Между 1900 и 2000 годом произойдут великие события, увидим ли мы их?"[72].

Предчувствия надвигающихся грозных событий ее не обманули. Начавшаяся в Петрограде революция круто изменила ее жизнь. Осенью 1917 года Екатерина Максимилиановна вернулась в Симбирск, чтобы навестить свои владения и поправить дела, пришедшие в упадок за время войны. Здесь она узнает, что посягательства на ее собственность уже начались. 3 сентября 1917 года в погребах Киндяковки по требованию Симбирского Военно-Революционного комитета было уничтожено 3.000 бутылок вина, представляющего по выдержке и качеству огромную ценность[73].

Уже осенью 1917 года многие представители дворянства и буржуазии стали покидать Симбирск, но Е. М. Перси-Френч решила остаться. Она была уверена, что как иностранную подданную ее не тронут. Ей пришлось стать свидетельницей того, как одно за другим разоряли ее поместья. "Крушили и ломали все, что попадалось под руку, — писала она графу Стэкпулу, — картины, мебель, посуду, документы, одежду и многое другое. Затем некоторые из домов поджигали или сносили. Вырубали лес, уничтожали скот, крушили сельскохозяйственную технику. Дольше других продержалось поместье в Киндяковке. Но и его разорили и сожгли дотла крестьяне и Красная Армия".

27 февраля 1918 года Е. М. Перси-Френч обратилась с просьбой о помощи к Генеральному консулу Великобритании в Москве. Она описывает ситуацию, в которой к этому времени оказалась: "Десять комиссаров, один сумасшедшей другого, хотят выкинуть меня из моего дома[74]. На днях комиссар просвещения и искусств заявил мне, что мой дом переходит в его распоряжение согласно указанию Солонко[75] и что мне в нем теперь ничего не принадлежит. Однако, если я буду честно трудиться, то мне будет позволено снимать одну комнату. Вчера другой комиссар приказал мне разместить 38 человек в восьми комнатах, угрожая при этом, что пришлет красногвардейцев, если я немедленно не подчинюсь приказу... Сегодня ко мне пришлют комис-

сию, которая собирается отобрать картины и портреты из моей коллекции для музея. Меня могут арестовать в любой момент. Напряжение, непредсказуемость и тревога нарастают с каждым днем. Они разрушают все, ради чего я жила и что никакие деньги на свете не смогут возместить. Они даже посмели вломиться в склеп, где захоронена моя английская гувернантка... Если помощь не подоспеет в ближайшее время, спасать будет нечего".

4 марта 1918 года Е. М. Перси-Френч направляет великобританскому консулу второе письмо. Она просит прислать в Симбирск семь или восемь англичан, которые хотели бы уехать из Москвы, т. к. там, по слухам, нечего есть или разместить в ее доме какое-нибудь консульство. В записях Форин Оффис отмечается, что, получив первое письмо, консул немедленно связался с местным уполномоченным по иностранным делам и настоял на том, чтобы тот телеграфировал симбирским властям о немедленном прекращении их действий. Вмешался и шведский консул, который взял дом под свою защиту. Вероятно, на некоторое время Е. М. Перси-Френч оставили в покое.

22 июля 1918 года Симбирск был занят чехословацкой дивизией и офицерским отрядом Каппеля, в городе была объявлена власть Комуча[76].

25 июля из Самары в Симбирск прибыли член Учредительного собрания В. В. Подвицкий и член штаба Народной Армии В. И. Лебедев. Они организовали несколько митингов, где призывали поддержать Народную Армию в борьбе с большевиками. 6 августа в газете "Возрождение" появилось воззвание "К симбирским гражданкам" с объявлением о митинге, который должен был состояться в 7 часов вечера в городском театре. Митинг был посвящен "выяснению роли женщины в деле возрождения Родины и Народной Армии". Объявлялось, что на митинге выступят: член Учредительного собрания В. В. Подвицкий, г-жи Л. А. Бек, Е. М. Перси-Френч, Н. П. Иванова, Н. П. Николаевская[77].

Многие дворяне, поверив в победу белого движения стали возвращаться в Симбирск. Но уже в сентябре 1918 года Народная Армия потерпела поражение на Средней Волге.

А. В. Жиркевич[78] записал в своем дневнике 12 сентября 1918 года: "Вчера все, кто мог и кто имеет основания бояться мести большевиков в панике бросились к пароходным пристаням и вокзалу спасаться. Я сейчас (9 часов утра) выходил на балкон. Видно, как рвутся где-то около Киндяковки шрапнели"[79].

В ночь перед взятием города красногвардейцами Е. М. Перси-Френч выполнила свой последний долг перед гувернанткой —

похоронила ее тело на одном из русских кладбищ. Она по-прежнему жила в своем доме, продолжая надеяться, что охранные документы помогут пережить страшное время. Но в конце октября 1918 года Е. М. Перси-Френч была арестована. Четыре дня ее содержали под арестом у коменданта, а затем отправили в симбирскую тюрьму и поместили в камеру, где было еще четыре женщины.

Условия содержания были очень тяжелыми. "Мы все покрылись сыпью. Мыться было невозможно. Спать нам разрешали на каких-то подобиях матрасов, набитых горсткой протухшего сена. Что касается еды, то нам давали щи из кислой капусты с картошкой, вполне съедобно, но очень мало, так что, если бы не сестры Красного Креста, то я умерла бы с голоду" (из письма Е. М. Перси-Френчи графу Стэкпулу, 27 января 1919 г.).

Но и здесь, в этих условиях Екатерина Максимилиановна не теряет присутствия духа, держится с большим достоинством. Она сумела вызвать уважение к себе даже у охранников. Видя, как она мучается без воздуха (Е. М. Перси-Френч с 30 лет страдала тяжелым пороком сердца — И. С.), они стали выпускать ее из камеры и разрешили переносить овощи и ведра со двора на кухню, разогревать плиты, следить за тем, как кипятились чугунки. "Для меня это было огромным благом, — писала она, — которое продолжалось лишь с 17.30 до 21.30".

За два месяца, что она содержалась в тюрьме, ее четыре раза вызывали на допрос, но никаких обвинений, кроме того, что она британская подданная предъявить не могли. В конце декабря 1918 года Е. М. Перси-Френч под конвоем трех солдат отправили в Москву.

"В Москве меня вновь бросили в тюрьму, по сравнению с которой симбирская тюрьма показалась просто раем. Нас не выпускали ни на секунду. Шум стоял неописуемый и днем и ночью. Вся еда состояла из зловонной селедки и протухшей капусты, меня мутило от голода и анемии и донимали другие неудобства тюремной жизни" (из письма Е. М. Перси-Френч графу Стэкпулу, 27 января 1919 г.).

В московской тюрьме Е. М. Перси-Френч пробыла 12 дней. Освободиться ей помог случай. Однажды к двери камеры подошел Я. Петерс, и она решилась подойти к нему и все рассказать о себе. Через день Е. М. Перси-Френч освободили, объявив, что направленный материал не давал оснований для ареста. Она оказалась на улице без одежды, еды, крова. Екатерину Максимилиановну приютил датский Красный Крест, приняв в свои ряды

в качестве сестры милосердия. "Это пришлось весьма кстати, — писала она, — поскольку к тому времени я уже напоминала скелет, на котором обвисла одежда".

Находясь в Москве, Е. М. Перси-Френч продолжала хлопотать о возвращении ей дома в Симбирске, уцелевших фамильных реликвий, а также о компенсации за разрушенные имения. Она не могла смириться с мыслью о потере своих огромных богатств.

В 1919 году МИД Великобритании проводил работу по репатриации английских подданных, находящихся в России. В августе 1919 года в Форин Оффис поступили сведения о пребывании Е. М. Перси-Френч в Москве. Зимой 1920 года ее переправили в Финляндию, где недалеко от Териоки находился штаб Британского Красного Креста и карантинный лагерь.

Здесь ее разыскал дальний родственник Конрад О'Брайен Френч. В своих воспоминаниях он так описал эту встречу: "Она больше не походила на элегантную состоятельную леди, а скорее напоминала маленькую старушку, утомленную душой и телом. Неторопливо и обстоятельно она поведала мне свою историю, описав свои злоключения и страдания, разрушившие ее жизнь. Немногим, лишившимся в этом мире всего и вынужденным вновь пробивать себе дорогу в жизни, удается пройти это испытание..."

Но, как оказалось, испытания еще не закончились. В апреле 1920 года Е. М. Перси-Френч приехала в Монивей, где всегда мечтала провести остаток жизни. Здесь ее ждал новый удар. Дело в том, что после смерти отца, она разрешила своему дяде Эчсону и его незамужней дочери Розамонд Френч жить в замке. После смерти Эчсона Френча Розамонд продолжала жить в нем одна. Население графства постепенно привыкло видеть в ней владелицу замка, а на Екатерину стали смотреть как на персону "нон грата" в Ирландии. И, когда после 20-летнего отсутствия она появилась в Монивее, двоюродная сестра встретила ее весьма недоброжелательно. Розамонд дала понять, что именно благодаря ее хорошим отношениям с местными арендаторами замок остался цел и что они не уживутся вместе.

Юридически все права были на стороне Екатерины Максимилиановны, но у нее уже не было сил вступать в борьбу с сестрой. А скорее всего она признала моральное право Розамонд оставаться хозяйкой Монивея. Некоторое время Е. М. Перси-Френч жила в своем доме в Лондоне, по-видимому, она имела в иностранных банках некоторый капитал. Но жизнь в Лондоне показалась ей слишком дорогой и она перебралась в Харбин, где снимала

половину виллы у настоятельницы русского монастыря. В 20-е годы в Харбине было около 300 тысяч населения, из них до 65 тысяч европейцев, большей частью русских эмигрантов.

В Харбине ее посетил Конрад О'Брайен Френч. Он был направлен родственниками с деликатной миссией: выведать о том, как она собирается распорядиться Монивеем. Благодаря его воспоминаниям, мы знаем о жизни Е. М. Перси-Френч в Харбине. "Британский консул уже известил Кэтлин о моем прибытии. — писал он. "Вскоре я уже трясся в такси по пыльным улицам, пестревшим восточными людьми. В доме 16 по Большому проспекту мне отворила дверь княгиня Ухтомская[80], подруга Кэтлин. Я увидел Кэтлин сидящей в шезлонге... Она очень располнела, выглядела состарившейся. Ее лицо было обрамлено седыми прядями волос... На стеганом одеяле покоились ее руки, ногти на которых отросли до такой длины, как у китайского мандарина. После обмена приветствиями я покорно выслушал ее горести и печали и отчетливо понял, что, несмотря на все понесенные ею потери, она не утратила память и рассудок. Она активно беседовала и могла бегло разговаривать на любую тему на большинстве европейских языков. Но главной темой, волновавшей ее, была политика...

После этого визита я часто бывал у Кэтлин. Обычно я оставался на ужин. Заезжали британский, французский и итальянский консулы, и вскоре эти встречи стали центром политических дискуссий, если не сказать интриг в Харбине".

К. О'Брайен Френч запомнил ее "униженной страданиями, но несломленной материалисткой".

Умерла Е. М. Перси-Френч в 1938 году в возрасте 74 лет и была похоронена в Харбине. Спустя несколько месяцев после ее смерти было обнаружено завещание, где она просила похоронить ее в склепе фамильной церкви в Монивее. Гроб с телом перевезли по морю в Ирландию и похоронили рядом с могилой отца.

Согласно завещанию Е. М. Перси-Френч, замок Монивей предназначался в качестве приюта для пожилых дам знатного происхождения и из аристократических слоев и передавался в распоряжение правительства Ирландии.

Она также распорядилась о том, чтобы Розамонд Френч могла провести в этом имении оставшиеся дни. Розамонд умерла в октябре 1939 года, ненадолго пережив свою сестру. После ее смерти старинный замок стал разрушаться буквально на глазах.

Правительство Ирландии отказалось от завещания Е. М. Перси-Френч. Замок выставлялся то на одном, то на другом аукционе.

Фамильные реликвии скупили представители других ветвей рода Френчей. Огромный парк был разбит на мелкие участки и продан. А замок Монивей разрушен и пущен на камни для мощения дорог.

Единственной, сохранившейся до наших дней постройкой, является фамильный склеп. На надгробии Екатерины Максимилиановны Перси-Френч высечены слова: "Последняя из рода Френчей".

Примечания

[1] Киндяковыми много занимались краеведы А. Н. Блохинцев, А. И. Титовский, А. М. Авдонин. В книге А. Н. Блохинцева "И жизни след оставили своей..." Саратов, 1980 Киндяковым посвящена глава "Приверженцы вольности". Существуют также десятки газетных и журнальных публикаций, посвященных Киндяковым и их имению Винновка, Киндяковка тож.

[2] ГАУО, ф. 665, Е. М. Перси-Френч. Фонд насчитывает более 1000 ед. хранения. Большую часть его составляют письма Е. М. Перси-Френч, К. К. Стремфельдта, Р. М. Перси-Френча, несколько писем А. Л. Киндякова, а также письма разных лиц. Подавляющая часть писем на французском языке, но встречаются на английском, русском, испанском. Примерно две трети писем на французском языке переведены. Переписка охватывает период с 1860-х годов до 1918 года. Наибольшее количество сохранившихся писем относится к 1880—90-м годам. К сожалению, примерно половина всех писем не датирована, что затрудняет работу с ними.

[3] ГАУО, ф. 665, оп. 2, д. 1. Родословная баронов Френч.

[4] Там же, оп. 1, д. 100. Письмо Р. М. Перси-Френча Е. М. Перси-Френч.

[5] ГАУО, ф. 1, оп. 15, д. 165, л. 13

[6] Это имя значится в родословной баронов Френч.

[7] ГАУО, ф. 665, оп. 1, д. 349. Письмо Р. -М. Перси-Френча отцу, 20 августа, б. г.

[8] Там же, оп. 1, д. 357. Письмо Р.-М. Перси-Френча неустановленному лицу. Б. Д.

[9] Там же, д. 41. Письмо Е. М. Перси-Френч Э. А. Киндяковой. Б. д.

[10] Там же, д. 5. Прошение майора А. Л. Киндякова об увольнении его от службы с правом ношения мундира. Декабрь 1833 г.

[11] Бюффон Жорж Луи Леклерк (1707—88 г.) — французский натуралист, автор "Естественной истории животных" и "Общей естественной истории".

[12] Столов Н. Н. Облик одной библиотеки. "Казанский библиофил", Казань, 1923, с. 196.

[13] Лоти Пьер (1850—1923 г.) — псевдоним французского писателя Луи Мари Жюльена Вио, писал повести из жизни рыбаков Бретани и романы, действие которых происходит в экзотических странах.

[14] После революции библиотека была передана в Симбирское губернское книгохранилище. В настоящее время основная часть сохранившихся книг находится в Областной библиотеке — Дворце книги им. В. И. Ленина.

[15] Яценко Н. И. Первые экслибрисы в Симбирске. В кн. "Вечно живой Сент-Экзюпери", Саратов, 1990, с. 120.

[16] ГАУО, ф. 665, оп. 2, д. 189. Членский билет № 80 от 12 мая 1882 г.

[17] Лендер Н. Волжский спутник, СПб, 1892.

[18] Симбирские губернские ведомости, 1856, 7 января.

[19] ГАУО, ф. 1, оп. 15, д. 165. "Об утверждении великобританской подданной С. А. Перси-Френч к имению отца, отставного подполковника А. Л. Киндякова при д. Винновке Симбирского уезда. 15 декабря 1884 — 6 июня 1885 г.".

[20] ГАУО, ф. 665, оп. 1, д. 40. Письмо Е. М. Перси-Френч Э. А. Киндяковой, 3 сентября б. г.

[21] ГАУО, ф. 659 А. Л. Киндякова. Письмо А. Л. Киндякова Э. А. Киндяковой. 16 апреля 1878 г.

[22] ГАУО, ф. 256 А. Н. Скребицкого, д. 6. Духовное завещание А. Н. Скребицкого, 12 июня 1864 г.

[23] ГАУО, ф. 659, оп. 1, д. 302. Письмо С. А. Стремфельдт Э. А. Киндяковой, 22 марта 1863 г.

[24] ГАУО, ф. 317, оп. 7, д. 170. Апелляционное дело по жалобе крестьян-собственников с. Канадей Мякишевых на решение Сызранского суда по делу о взыскании с них денег за содержание мукомольной мельницы, снятой в аренду в 1861 году сроком на 5 лет у подполковника А. Л. Киндякова в с. Головино Сызранского уезда. 19 сентября 1867 — 2 августа 1868 г.

[25] Там же, оп. 6, д. 739. Дело о выдаче подполковнику Киндякову свидетельств на землю Сызранского и Буинского уездов. 17 марта 1866 — 6 июня 1866 г.

[26] ГАУО, ф. 665, оп. 1, д. 378. Проект акта на подаренное С. А. Перси-Френч имение с. Покровское, Головино тож ее отцом А. Л. Киндяковым. Февраль 1882 г.

[27] Там же, оп. 2, д. 114. Письмо А. Л. Киндякова С. А. Перси-Френч. 11 августа 1882 г.

[28] Там же, оп. 2, д. 114, л. 17. Письмо А. Л. Киндякова С. А. Перси-Френч, 1884 г. л. 24.

[29] ГАУО, ф. 85, оп. 1, д. 711. О выкупной сделке Киндякова с крестьянами с. Винновки Симбирского уезда. 4 декабря 1883 — 29 декабря 1886 г.

[30] ГАУО, ф. 1, оп. 15, д. 165, л. 15. Копия свидетельства о смерти А. Л. Киндякова. Запись о смерти А. Л. Киндякова сделана в метрической книге Петропавловской церкви.

[31] См. сноску 19.

[32] ЦГВИА, ВУА, д. 19023, л. 2. Описание и алфавит к атласу Симбирской губернии.

[33] ГАУО, ф. 665, оп. 1, д. 118. Письмо барона Мюльгаузена С. А. Перси-Френч. Висбаден, 6 октября 1884 г.

[34] Там же, оп. 2, д. 133, л. 4. Письмо С. А. Перси-Френч от неустановленного лица. Кусково, 23 марта 1885 г.

[35] ГАУО, ф. 401, оп. 1, д. 625, л. 12. Дело о выдаче залогового свидетельства на имение великобританской подданно Е. М. Перси-Френч. 18 сентября 1886 — 16 января 1887 г.

[36] Там же, д. 621, л. 18. Дело об утверждении дарственной записи на имения Э. А. Киндяковой и С. А. Перси-Френч, подаренные Е. М. Перси-Френч. 17 декабря 1886 — 29 октября 1887 г.

[37] Тимашев Александр Егорович (1818—1893), генерал-адъютант, генерал от кавалерии, занимал ряд министерских постов, в 1868—77 годах министр внутренних дел России. Был женат на двоюродной племяннице А. Л. Киндякова Е. А. Пашковой.

[38] ГАУО, ф. 665, оп. 1, д. 129. Письмо А. А. Пашкова Е. М. Перси-Френч, 10 марта 1886 г.

[39] Там же, д. 84. Письмо Р.-М. Перси-Френч, 11 августа 1888 г.

[40] Там же, оп. 2, д. 11. Письмо Е. М. Перси-Френч барону К. К. Стремфельдту, 3 июня 1889 г.

[41] Там же, д. 76, л. 32. Письмо барона К. К. Стремфельдта Е. М. Перси-Френч, 21 декабря 1890 г.

[42] Там же, оп. 1. д. 80. Письмо Р.-М. Перси-Френча, 15 октября 1889 г.

[43] Там же, оп. 2, д. 13. Письмо Р.-М. Перси-Френча, 29 июня 1888 г.

[44] ГАУО, ф. 134, оп. 13, д. 91. Летопись Александро-Невской церкви с. Тереньги за 1876—1916 годы.

[45] ГАУО, ф. 665, оп. 2, д. 84. Письмо бывшего синдика А. Харкевича Е. М. Перси-Френч, 20 декабря 1893 г.

[46] Там же, ед. 38, л. 2. Письмо Е. М. Перси-Френч от жены управляющего Киндяковкой М. Гельд, 12 февраля 1894 г. М. Гельд сообщает: "... лестница к склепу мисс Женни хорошо закрыта, сделана новая дверь, хорошо прилаженная".

[47] Там же, оп. 1, д. 65. Письмо Е. М. Перси-Френч из Ирландии, 22 июля 1896 г.

[48] ГАУО, ф. 156, оп. 1, д. 696, л. 2, об. Дело о наследственном имении, оставшемся после смерти барона К. К. Стремфельдта. 4 февраля 1900 — 20 апреля 1900 г.

[49] Там же, л. 2. Копия духовного завещания барона К. К. Стремфельдта.

[50] Кроме названных имений ей по дарственной переходит 321 дес. 1460 саж. земли при д. Приятной, Белый Ключ тож Симбирского уезда (ГАУО, ф. 401, оп. 1, д. 850. Об утверждении дарственной записи на имение поручика Демидова, подаренное великобританской подданной Перси-Френч. 4 ноября 1899 — 12 января 1901 г.) В 1901 году Е. М. Перси-Френч покупает 320 дес. 870 саж. земли в Симбирском уезде в даче генерального межевания с. Архангельского, Тушна тож с селами (участки земли, составляющие оброчные статьи II Ключищенского имения Симбирского удельного округа.), (ф. 401, оп. 1, д. 884. Дело об утверждении купчей на имение Главного управления уделов, проданное великобританской подданной Перси-Френч.). В 1903 году она приобретает 54 десятины у крестьянина с. Трубетчина Сызранского уезда А. К. Чечина. (ф. 401, оп. 1, д. 955. Дело об утверждении купчей на имение крестьянина Чечина, проданное Перси-Френч. 24 марта 1903 — 18 сентября 1903 г.).

[51] ГАУО, ф. 401, оп. 1, д. 1340. Дело о выдаче залогового свидетельства на имение землевладелице Перси-Френч. 27 мая 1914 — 7 июля 1914 г.

[52] Там же, л. 9

[53] ГАУО, ф. 665, оп. 1, д. 75. Письмо Татаринова — Е. М. Перси-Френч, 10 декабря 1905 г. Он пишет: "Очень хорошо, что Вы продали Епифановку, еще бы часть тереньгульских полей распродать..."

[54] Отчет юбилейной Симбирской сельскохозяйственной выставки 1908 года. Симбирск, 1909.

[55] Отчет о Симбирской губернской выставке полеводства, садоводства, огородничества, цветоводства и крестьянских хуторских хозяйств в 1910 г. Симбирск, 1910.

[56] Под прокладываемую через Симбирск железную дорогу в Киндяковке было отчуждено 9 десятин 1900 сажен земли. (ГАУО, ф. 88, оп. 1, д. 11023. Дело по отношению Симбирской оценочной комиссии об отчуждении под Рузаевско-Симбирскую ветвь Московско-Казанской железной дороги недвижимого имущества Е. М. Перси-Френч. 18 февраля 1898 г.). Здесь был устроен полустанок "Киндяковка". Ныне здесь находится Центральный железнодорожный вокзал Ульяновска.

[57] Котляровская Л. Симбирский Красный Крест. "Истоки", № 3—4, 1992.

[58] ГАУО, ф. 665, оп. 1, д. 29. Письмо Е. М. Перси-Френч барону К. К. Стремфельдту, Москва, 9 августа 1897 г.

[59] Там же, д. 90. Письмо губернатора А. Яшвиля Е. М. Перси-Френч. Б. д.

[60] Там же, д. 571, л. 8. Список лиц, заслуживающих награждения знаком Красного Креста за труд по обществу Красного Креста во время продовольственной кампании 1906—1907 гг.

[61] Там же, д. 71. Письмо инспектора народных училищ Симбирской губернии Н. Самосатского Е. М. Перси-Френч, 14 января 1914 г.

[62] Там же, д. 36. Письмо Е. М. Перси-Френч из мануфактурного магазина О. Д. Пастухова, 23 ноября 1910 г.

[63] Аналогичный чугунный барельеф хранится в фондах Ульяновского краеведческого музея. На обратной его стороне буквы "Кус. з."

[64] В 1912 году беседка-памятник И. А. Гончарову была построена на юго-западной окраине д. Винновка, близ крутого обрыва, спускавшегося к волжской пойме. Интенсивная городская застройка и развитие глубокого оврага привели к необходимости переноса памятника. С июня по октябрь 1967 года велись работы по реконструкции беседки на новом месте севернее д. Винновка, на высоком берегу Куйбышевского водохранилища. Весной 1992 года, в год 180-летия со дня рождения И. А. Гончарова и 80-летия сооружения самого памятника беседка подверглась нападению вандалов XX века: были выломаны и похищены мемориальные доски.

[65] ГАУО, ф. 665, оп. 1, д. 126. Письмо М. Н. Поливановой Е. М. Перси-Френч. 1914 г.

[67] В 1988 году Розамонд Ломбард, представительница одной из ветвей рода Френчей, обнаружила в одной из книг своей библиотеки несколько писем Е. М. Перси-Френч. Она отправила письма в Австралию своему сыну Джону, тележурналисту. Джон Ломбард и его жена Джин в это время собирали материал для книги о роде Френчей. В июле 1991 года Джин Ломбард приезжала в Ульяновск для сбора материала о Е. М. Перси-Френч. Позже от ее переводчицы из Москвы были получены ксерокопии переведенных на русский язык писем Е. М. Перси-Френч и воспоминаний о ней. Письма представляют большой интерес, поскольку это одно из немногих свидетельств очевидца событий в Симбирске в 1918 году.

1) Отрывок из письма Е. М. Перси-Френч Генконсулу Ее величества в Москве. Симбирск 27 февраля 1918 г.

2) Отрывок из письма Е. М. Перси-Френч Генконсулу Ее Величества, Симбирск, 4 марта 1918 г.

3) Письмо Е. М. Перси-Френч поверенному в ее делах в Великобритании и другу графу Джорджу Стэкпулу. Москва, 29 января 1919 г.

4) Письмо Е. М. Перси-Френч жене графа Стэкпула Полин Стэкпул. Москва, февраль 1919 г.

5) Письмо представителя британского МИД Дж. Грегори Р. П. Максвеллу по вопросу репатриации Е. М. Перси-Френч из России. 20 января 1920 г.

6) Письмо Р. Ломбард Джону и Джин Ломбард. Шешероу, 6 ноября 1988 г.

7) Воспоминания Р. Ломбард о Розамонд Френч и Е. М. Перси-Френч. 21.04.91 г.

8) Отрывки из воспоминаний Конрада О'Брайена Френча "Деликатная миссия", касающиеся Е. М. Перси-Френч и ее жизни в Харбине. На основе этих материалов была подготовлена публикация С. Абраменкова "Письма ирландки с гражданской войны", Симбирский курьер, 8 февраля 1992 г. В данной

публикации на этих материалах построено описание последнего периода жизни Е. М. Перси-Френч. Ссылки на них даются в тексте статьи.

[66] ГАУО, ф. 88, д. 485. О разрешении постройки римско-католического костела в г. Симбирске и сбора пожертвований на эту постройку. 13 августа 1912 — 28 марта 1913 г. Ф. 137, об. 27, д. 556. Сборник проектных планов постройки католического костела в Симбирске. 1912 г., ф. 401, оп. 1, д. 1126.

Об отметке в реестре крепостных дел исполнительного листа на имение Симбирского римско-католического приходского костела. 9 апреля 1912 —4 мая 1912 г.

[68] ГАУО, ф. 665, оп. 1, д. 158. Письмо Е. М. Перси-Френч, 23 августа 1914 г.

[69] Там же, д. 45, л. 26. Телеграмма Е. М. Перси-Френч из Киева.

[70] Там же, д. 168. Письмо Е. Даниловой Е. М. Перси-Френч, 27 ноября 1915 г.

[71] В фонде Е. М. Перси-Френч сохранилось ее письмо С. Лидделлу, написанное в Петрограде 18 января. Исходя из года выхода книги Лидделла, его можно датировать 1917 годом. Е. М. Перси-Френч выражает сожаление, что не застала его в Петрограде и что нельзя уже нигде получить его книгу. Вероятно, С. Лиддел прислал ей экземпляр своей книги. Она хранится в отделе иностранной литературы Областной библиотеки-Дворца книги.

[72] ГАУО, ф. 665, оп. 1, д. 44. Письмо Е. М. Перси-Френч М. П. Фон-Брадке. 17 апреля 1915 г.

[73] Там же, д. 746.

[74] Дом на ул. Московской был приобретен Е. М. Перси-Френч, вероятно, в начале века. Ныне ул. Ленина, 59.

[75] Солонко П. Н. — чрезвычайный комиссар Совнаркома.

[76] Родной город Ильича. Ульяновск, 1976, с. 132.

[77] К симбирским гражданкам. "Возрождение", 1918, 24 июля (6 августа), с. 2.

[78] Жиркевич Александр Владимирович (1857—1927), военный юрист, известный общественный деятель, коллекционер, литератор. С 1915 по 1926 год жил в Симбирске.

[79] Симбирский дневник генерала А. В. Жиркевича 1915—22 годов. "Волга", 1992, № 9, с. 104.

[80] Пока не удалось установить о ком из представительниц симбирского рода князей Ухтомских идет речь.

Е. М. Перси-Френч (в центре) с сестрами Симбирской общины сестер милосердия Красного Креста. 1910-е годы.

Е. Г. ЧЕРНОВА

Из истории формирования палеонтологической коллекции в фондах Ульяновского областного Краеведческого музея

Палеонтологические коллекции являются одним из важнейших документов истории Земли и свидетельством формирования и изменения биосферы.

В конце прошлого века мысль о создании Симбирского губернского музея витала в воздухе. Письменные свидетельства прошлых лет повествуют об этом в отчетах, вестниках, памятных книжках и других публикациях.

При заседании Симбирского Статистического Комитета 9 июля 1868 года секретарь Вл. Ауновский представил на усмотрение присутствующих проект устройства Симбирского губернского музея. По мнению Секретаря, музей должен носить характер выставки произведений природы. Предполагались отделы: сельскохозяйственный, животного и растительного царств, минералогический и др. Комитет одобрил предложение Ауновского и предложил Секретарю Комитета обратиться с просьбой ко всем лицам, имеющим возможность помочь делу устройства в Симбирске местного музея, в особенности к заводчикам, фабрикантам и др., чтобы вносили пожертвования, как материальные, так и денежные. Сведения записывать в шнуровую книгу и немедленно публиковать в местных губернских новостях[1].

В 1902 году в "Симбирских губернских Ведомостях" А. В. Кудрявцева, указывая на отсутствие в Симбирске учреждений для правильного воспитания детей, писала: "У нас нет музея, пособий по естествознанию, физических приборов, картин, чучел, коллекций и пр." Эта мысль об учреждении естественного музея вошла в Устав Симбирского семейно — педагогического кружка. Уже

[1] Памятная книжка Симбирской губернии на 1869 год. Симбирск, 1869, стр. 37.

9-го марта 1903 года общее собрание этого кружка избрало и утвердило музейную комиссию. Эта первая комиссия с самого начала встретила большие затруднения в связи с отсутствием помещения и каких-либо средств.

27 сентября 1906 года после доклада в кружке М. Ф. Суперанского об устройстве музея общее собрание семейно-педагогического кружка постановило: просить автора препроводить извлечение из своего доклада в училищную комиссию при симбирской городской думе и уполномочить совет кружка окончательно решить вопрос об устройстве музея вместе с городской училищной комиссией. 8—11 декабря 1906 года это ходатайство кружка и доклад были внесены на общее собрание городской думы вместе с благоприятным отзывом управы и особым докладом председателя училищной комиссии и городской главы М. А. Волкова.

Городская дума тогда же охотно отозвалась на ходатайство кружка и постановила: отвести под естественно-исторический музей зал в доме по ул. Лосевая (ул. Федерации) и назначить пособие в 200 рублей. 6 марта 1907 года избрали 3 членов городской думы в особую комиссию по устройству музея. В новую комиссию вошли 4 члена от думы и 4 члена от семейно-педагогического кружка. В качестве заведующего музеем и председателя комиссии был избран П. А. Беркос, назначены секретарем А. П. Баженов и казначеем А. А. Мощанский[1].

К концу 1907 года музей имел уже около 40 чучел птиц, более 2000 экземпляров насекомых, коллекцию минералов в количестве 250 образцов и ряд других экспонатов.

В 1908 году музейная комиссия поставила себе задачу — не ограничиваясь собиранием случайных пожертвований отдельных естественно-исторических предметов, оборудовать музей систематическими коллекциями по главным отраслям естествознания. С этой целью для музея проводился сбор пожертвований по подписке. Было собрано около 500 рублей. Тогда же в музей поступили все экспонаты состоявшейся в Симбирске сельскохозяйственной выставки.

Главной целью и назначением музея являлось ознакомление местного (средне-поволжского) населения с естественной историей вообще и с местными особенностями природы, в частности, в научно-теоретическом и практическом отношениях.

---

[1] Записки Симбирского Областного естественно-исторического музея. Вып. 1. 1913 г. Под ред. К. К. Гильзена. С.-Петербург.

Музей должен собирать и изучать местных представителей животного, растительного и минерального царств, производить научные исследования, организовывать экскурсии, а также командировать особых лиц для выяснения отдельных вопросов.

Для большей успешности работы уставом было предоставлено широкое право всем лицам, интересующимся естественной историей и желающим воспользоваться помощью Музея, при небольшом годовом взносе (2 руб), вступить в члены Музея. Каждый член имел право пользоваться библиотекой и коллекциями Музея, заниматься научной работой в его помещениях и, путем представления письменных предложений правлению, принимать широкое участие в деятельности всей организации[1].

В музее 1 сентября 1913 года открылся платный кинематограф, где показывали учебные фильмы.

В 1914 году при музее был создан зоопарк, где содержалось 50 мелких животных.

С каждым годом фонды естественно-исторического музея пополнялись экспонатами по разделам орнитологии, энтомологии, ботаники, геологии. Поступали и палеонтологические материалы.

Палеонтологические коллекции были обусловлены характером территории края, расположенном в восточной части Русской платформы, в осадочном покрове которого представлены породы палеозойской, мезозойской и кайнозойской групп; накопление их происходило в течение последних 570 млн. лет. В отдельных частях края на поверхность выходят различные по возрасту породы. Заволжье сложено неогеновыми и четвертичными отложениями, Предволжье состоит из разновозрастных структур. Самые древние породы — верхнеюрские выходят на дневную поверхность. Горные породы из осадочного чехла содержат довольно разнообразную фауну как беспозвоночных, так и позвоночных животных.

Формирование палеонтологических коллекций имело свою историю.

Из отчета о деятельности Музея (11 апреля 1910 года) мы узнаем, что господином Жанерэ[2] был прочитан реферат "Геологический и палеонтологический очерк Среднего Поволжья", и докладчик, одновременно с пожертвованием своей палеонтологической коллекции этого края, предложил основать особый отдел

---

[1] Записки Симбирского Областного естественно-исторического музея. Вып. 1. 1913г. Под ред. К. К. Гильзена. С.-Петербург. Стр. 4.

[2] Жанерэ — палеонтолог, сотрудник музея.

геологии, минералогии и почвоведения имени симбирского уроженца геолога Петра Михайловича Языкова[1]. Это была достойная оценка выдающегося исследователя нашего края.

До сих пор в фондах Ульяновского Областного краеведческого музея находятся в хорошей сохранности материалы из "Коллекции горных пород, минералов и окаменелостей, собранных в России и за ее пределами" (инвентарный номер 13261) из отдела геологии, минералогии и почвоведения имени Петра Михайловича Языкова. Основание этой коллекции было положено крупными коллекциями Гильзена К. К., Фаворина К. П. и Красовского Н. В. — видных представителей местной интеллигенции, основателями музея (687 единиц хранения).

В коллекции, собранной Г. С. Рогозиным[2] в 1912 году на песках левого берега Волги, напротив деревни Городищи Симбирского уезда, имелись кости мамонта. Это были части скелетов. Среди них: челюсти молодых слонов, позвонки, ребра; кости носорога — 4 челюсти, 2 осколка черепа; кости быка; кости неизвестного копытного — позвонки, лопатки и др. Коллекция, собранная Г. С. Рогозиным в 1912 году на песках правой стороны р. Волги, в шести верстах выше д. Городищи Симбирского уезда, имела 3 ребра мамонта, 1 лопатку, кости неизвестного копытного. В 1913 году на песках левого берега р. Волги в 12 верстах выше д. Городищи, напротив "Собачьей Прорвы" Г. С. Рогозиным собрана коллекция четвертичных животных: кости мамонта — 2 челюсти молодых индивидуумов, 4 ребра, 2 лопатки; кости носорога — осколок черепа, 1 челюсть и другие кости скелета; кости быка; кости копытного[3].

Осенью 1913 года В. А. Туруновский (сотрудник музея) проводил регистрацию костей ископаемых четвертичных животных, находящихся в геологическом отделе музея. Среди недостат-

---

[1] Языков Петр Михайлович (1798—1851) — геолог, палеонтолог. Один из первых исследователей мезозойских отложений европейской части России. Впервые установил присутствие палеогеновых отложений в пределах Симбирской губернии. Имеются труды по стратиграфии (юра, мел. палеоген), палеонтологии, четвертичной геологии, генетическим типам континентальных отложений, геоморфологии и истории геологии.

[2] Рогозин Глеб Степанович (1891—1923) — геолог, проводил геологические исследования в Симбирской губернии в имении графини А. Ф. Толстой и прилегающих районах. Один из организаторов естественно-исторического музея.

[3] Записки Симбирского Областного естественно-исторического музея. Вып. 2, 1914. Стр. 5. "Из отчета о деятельности некоторых лиц, занимавшихся в Симбирском Областном естественно-историческом музее".

ков при формировании коллекций он отметил, что местонахождение некоторых костей музейной коллекции неизвестно, что впоследствии затруднит научную работу с ней. Это 1 челюсть мамонта, 5 бивней, 12 зубов, 13 позвонков и других частей мамонта, 2 черепа носорога, кости быка.

От А. М. Туруновского в музей поступили кости мамонта (зуб, позвонок), найденные в Ембулатовском овраге в Буинском уезде Симбирской губернии; череп носорога, найденный в овраге с. Кайбиц Тетюшского уезда Казанской губернии; череп быка из Недремаевского оврага в Буинском уезде Симбирской губернии. В том же году отдел пополнился систематической палеонтологической коллекцией, выписанной музеем из Швейцарии от фирмы Гребель Вендлер и К. (318 ед. хранения, инвентарный номер 13203).

На всем протяжении формирования коллекций ощущался недостаток помещений для их хранения и работы с ними. В 1913 году отдел им. П. М.Языкова переведен в особое помещение во дворе бывшего дома Филипп (сейчас ул. Матросова, 16).

Из отчета о деятельности некоторых лиц, занимавшихся в Симбирском Областном музее, в Записках Симбирского Областного естественно-исторического музея, вып. 2, 1914 г., значится, что в 1913 году в музей поступили кости мамонта: от С. К. Синицына (зуб), от пристава 1 стана Симбирского уезда (позвонок, найденный в с. Ундоры Симбирского уезда), от строителей моста Волго-Бугульминской железной дороги через реку Волгу у г. Симбирска (кости извлечены при кессонных работах на песчаном острове, "что на средине Волги против г. Симбирска").

Была получена палеонтологическая коллекция из геологического музея Российской Академии Наук, собранная в 1900—1908 годах (96 ед. хранения, инвентарный номер 13123).

К 1914 году естественно-исторический музей пополнился значительным количеством экспонатов по различным разделам, включая и палеонтологию. Особенно большую работу по его созданию провели А. П. Баженов, П. А. Беркос, П. Я. Гречкин, К. К. Гильзен.

В 1918 году по решению губернского отдела народного образования все симбирские музеи были объединены в "единый народный музей" (ныне Областной краеведческий музей).

Значительная часть собранных в дореволюционные годы коллекций из-за небрежного хранения была утрачена, сбор новых почти не проводился. Лишь в 60-е годы отдел природы Крае-

ведческого музея пополнился некоторым количеством экспонатов, что позволило улучшить его экспозиции[1].

В фондах музея хранится собрание геологического и палеонтологического материала, собранного в результате экспедиций музея в летний период с 1960—1961 годы в Сурском и Карсунском районах Ульяновской области и находок местных жителей области за 1951—1961 годы (67 ед. хранения, инвентарный номер 14207).

В 1961 году музеем было приобретено у З. И. Апраксиной собрание образцов пород, минералов и окаменелостей из отложений мезозоя и кайнозоя территории Ульяновской области и образцов горных пород Урала, собранных виднейшим ульяновским краеведом В. И. Апраксиным[2] (667 ед. хранения, инвентарный номер 13805).

Большую работу по пополнению и определению палеонтологического материала проделал К. А.Кабанов[3], работавший в музее с 1944 по 1950 годы. Он сделал ряд открытий в области палеонтологии, собрал ценную коллекцию из мезозойских и палеогеновых отложений Ульяновской области, которая насчитывает более 18 тысяч остатков ископаемых организмов. Ныне она хранится в Палеонтологическом институте РАН. Часть собранных им материалов (409 ед. хранения, инвентарные номера 13713, 13664, 7461, 7410) находится в фондах нашего музея. Они включают коллекцию по эволюционному развитию организмов — остатков ископаемой фауны: собрание горных пород и окаменелостей фауны третичного периода (палеоцен), крайне редко встречающиеся на территории Ульяновской области, а также окаменелости юрского и мелового периодов.

В ноябре 1987 года Ленинградский горный институт им. Плеханова передал в фонды Ульяновского Областного краеведческого музея часть палеонтологической коллекции окаменелостей беспозвоночных, собранных на территории Симбирской губер-

[1] Валкин Марк Харитонович — директор Ульяновского Областного краеведческого музея в 1950—1983 годах. "Возродить музей природы", Ульяновская правда, 24 июля 1990 года.

[2] Апраксин Владимир Иванович — краевед, член ученого совета музея с 1923—1958 годы. Проводил исследования в крае на выявление полезных ископаемых, лекарственных растений. Результаты работ хранятся в научном архиве Краеведческого музея.

[3] Кабанов Константин Андреевич (1894—1982) — геолог, палеонтолог. Много лет посвятил изучению нашего края, о чем свидетельствуют ряд работ на темы геологии и палеонтологии (30 работ).

нии в 1846—1874 годах (50 ед. хранения), принадлежавшей лично Петру Михайловичу Языкову[1]. Некогда эту коллекцию видели симбиряне. В записках Симбирского областного естественно-исторического музея 1914 года упоминается о выставке в г. Симбирске, устроенной в 1837 году, где были представлены "... все главные формации Симбирской губернии и многие редкие окаменелости. Своей организацией и коллекциями музей обязан был главным образом П. М. Языкову, который был не только организатором и вдохновителем этой выставки, но и сам знакомил горожан с ее экспонатами". В основном в этой небольшой части переданной нам коллекции находятся остатки беспозвоночных: раковины аммонитов, ростры с фрагмаконами белемнитов, пластинчато-жаберные моллюски, ядра морских ежей, окаменелое дерево, чешуя рыбы и другие окаменелости.

Палеонтологическая коллекция музея пополнилась после экспонирования выставки "Из глубины веков" (1987—1989), где были представлены материалы из фондов музея и частной коллекции Ефимова В. М.[2]. Часть остатков ископаемой фауны (ласт, позвоночный столб, отдельные кости скелета плезиозавра, отдельные позвонки; ласт, позвоночный столб с ребрами ихтиозавра; ребро, фаланги пальцев плиозавра, были переданы в дар музею (инвентарный номер 44028).

В 1988 году была приобретена коллекция шлифованных образцов и распилов горных пород и остатков древних животных (58 ед. хранения, инвентарный номер 44797).

В июне 1990 года Кривошеевым В. А.[3] в музей были переданы развернутые аммониты (13 ед. хранения, инвентарный номер 48094), собранные на территории края.

В марте 1992 года фонды пополнились коллекциями из музея природы средней школы номер 31 г. Ульяновска, собранными в

---

[1] Записки Симбирского Областного естественно-исторического музея. Вып. 2, 1914 г. Стр. 7. "Пока работал П. М. Языков, существовал и музей, но достаточно было уехать ему из родных мест, как дело рушилось. Во всяком случае музей, если не перестал существовать, то к 60-м годам, видимо, выглядел настолько жалким, что наследники П. М. Языкова (после его смерти), пожертвовав книги отца в Карамзинскую библиотеку, не решились поместить в местный Музей его богатую палеонтологическую коллекцию и некоторые рукописи, а подарили их Горному институту".

[2] Ефимов Владимир Михайлович — палеонтолог, гидрогеолог, заведующий Ундоровским палеонтологическим музеем.

[3] Кривошеев Владимир Александрович — методист областного экоцентра учащихся.

1969—1988 годах учителем — краеведом С. Е. Бирюковым[1] и его учениками на территории Ульяновской области и республик СССР во время экспедиций. Геологическая коллекция насчитывает 954 единицы хранения, палеонтологическая — 208 единиц, инвентарный номер 50577.

Уникальным приобретением музея был голотип — череп ихтиозавра, названный в честь краеведа Бирюкова С. Е., найденный им на территории края в 1979 году в районе с. Ундоры.

В настоящее время в фондах Ульяновского Областного краеведческого музея накоплено значительное количество палеонтологического материала. Это остатки древних вымерших животных в виде раковин, скелетов, чешуи, игл, их отпечатков, следов жизнедеятельности. Отпечатки мягких частей организмов встречаются чрезвычайно редко, и поэтому о морфологии вымерших животных можно судить только по их скелетам. Безусловно, легче судить о животных, дальние потомки которых живут и сейчас. Но есть и такие группы животных, которые вымерли полностью. На территории Ульяновской области встречаются остатки и тех и других. Большую часть коллекционного материала в фондах музея представляют ядра и отпечатки скелетов и раковин.

Окаменелые остатки древних организмов, захороненные на территории края, относятся ко многим типам животного мира. Наиболее полно представлены головоногие моллюски — аммониты и белемниты, содержащиеся в пластах юрского и мелового периодов. Несколько меньше здесь пластинчатожаберных моллюсков. Реже встречаются брюхоногие моллюски, иглокожие, плеченогие, кораллы, губки, черви, аммонитовая икра, аптихи аммонитов, фрагмаконы белемнитов. Всеми исследователями ископаемой фауны еще с середины прошлого века отмечалась изумительная сохранность раковин в глинах и конкрециях Ульяновского Поволжья.

Из простейших достаточно представлены фораминиферы. Из позвоночных юрского и мелового периодов встречаются остатки морских рептилий.

Из кайнозойских отложений фауна беспозвоночных представлена гораздо беднее, чем в отложениях более раннего геологиче-

---

[1] Бирюков Сергей Емельянович (1912—1994) — учитель, краевед, руководитель бывшего единственного в области школьного музея природы. В печати выходили его статьи и рассказы: " Сумка полная чудес", "В поход за открытиями", "В мире камня", "Шагать в зори" и другие. В фондах УКМ находится коллекция минералов, архив, личные вещи.

ского времени. Здесь преобладают пластинчатожаберные и брюхоногие моллюски. В континентальных четвертичных отложениях нередки находки костей животных. Наиболее часто встречаются различные части скелетов мамонта, шерстистого носорога, бизона, лошади, оленя и других млекопитающих.

Обработанные палеонтологические коллекции в краеведческих музеях представляют научную и материальную ценность и являются частью музейного фонда страны.

В результате научной обработки музейной коллекции автором настоящей статьи был составлен каталог "Палеонтологическая коллекция Ульяновского краеведческого музея им. И. А. Гончарова" (856 единиц хранения), который в значительной мере облегчит труд исследователя. Благодаря каталогу специалист может быстро выяснить место хранения экземпляров, наличие их в коллекции или утрату, номера, присвоенные при инвентаризации, данные по геологическому возрасту и мест находок, размеры[1].

В настоящий момент одной из важнейших задач музея является сохранение имеющихся материалов. К сожалению, наши фондохранилища не совсем соответствуют идеальным условиям хранения. Для некоторых пиритизированных экземпляров, уже захваченных процессом разрушения, необходимо предпринимать ряд спасательных мер. Необходимо не только соответствующее помещение для хранения коллекций, доступное для постоянного контроля за состоянием палеонтологического материала, но и комната для работы с коллекциями и их обработки. Причем планировать фондохранилище нужно с учетом будущего прироста палеонтологического материала. А этот материал, как правило, довольно объемен. Пополнять же фонды необходимо, так как палеонтологические находки уникальны и не беспредельны.

---

[1] Большую помощь в составлении каталога и определении беспозвоночных вымерших животных Ульяновскому краеведческому музею оказал Кабанов Георгий Константинович — кандидат биологических наук, палеонтолог, сотрудник Палеонтологического института РАН, с детских лет занимавшийся палеонтологией под руководством отца — Кабанова Константина Андреевича.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ СТАТЕЙ И ПУБЛИКАЦИЙ

БЕСПАЛОВА
Елена Константиновна — старший научный сотрудник Литературного музея "Дом Языковых"

ГРОМОВА
Татьяна Алексеевна — старший научный сотрудник Ульяновского областного краеведческого музея имени И. А. Гончарова

ГУЗЕНКО
Елена Станиславовна — ученый секретарь Ученого Совета Ульяновского государственного университета, начальник Международного отдела

КОЗЛОВ
Юрий Васильевич — директор Средневолжского филиала института "Спецпроектреставрация"

КОЧЕПАСОВА
Татьяна Юрьевна — аспирантка факультета гуманитарных наук Ульяновского государственного университета

ЛЮТОВ
Лев Николаевич — доцент Ульяновского государственного педагогического университета имени И. Н. Ульянова, кандидат исторических наук

МОРОЗОВА
Венера Вениаминовна — главный библиотекарь отдела редких книг областной научной библиотеки

ПАНОВА
Валентина Ивановна — старший научный сотрудник музея "Конспиративная квартира Симбирской группы РСДРП"

ПЕТРОВ
Сергей Борисович — старший преподаватель Ульяновского государственного университета, кандидат философских наук

СВЕШНИКОВА
Ольга Алексеевна — старший научный сотрудник государственного историко-мемориального заповедника "Родина В. И. Ленина"

СМИРНОВА
Ирина Вениаминовна — старший научный сотрудник музея И. А. Гончарова

СЫТИН
Сергей Львович — доцент Ульяновского государственного педагогического университета имени И. Н. Ульянова, кандидат исторических наук

ТОЛОЧКО
Фелория Шафиковна — заведующая музеем "Конспиративная квартира Симбирской группы РСДРП"

ЧЕРНОВА
Елена Георгиевна — старший научный сотрудник отдела природы Ульяновского областного краеведческого музея имени И. А. Гончарова

ШИМОНЕК
Елена Васильевна — зав. отделом использования и публикации документов Государственного архива Ульяновской области

СОДЕРЖАНИЕ

СЫТИН С. Л.	Дом Ульяновых на Московской улице Симбирска.	3—35
ШИМОНЕК Е. В.	Министр А. Д. Протопопов (по материалам Гос. архива Ульяновской области)	36—44
КОЗЛОВ Ю. В.	Румянцевский Третьяков	45—52
МОРОЗОВА В. В.	Несколько новых источников к родословию Ознобишиных.	53—63
ГРОМОВА Т. А.	Воейковы из Самайкино (отец и сын).	64—78
ЛЮТОВ Л. Н.	Промышленность Симбирской губернии в условиях либерализации централизованно-плановой экономической системы. 1920-е годы.	79—91
ГУЗЕНКО Е. С., КОЧЕПАСОВА Т. Ю.	Крупнейший симбирский промышленник, купец и меценат Н. Я. Шатров.	92—97
СВЕШНИКОВА О. А.	Дом Чугуновых на Мартыновой улице.	98—112
ПАНОВА В. И., ТОЛОЧКО Ф. Ш.	Жандармские документы о Симбирских социалистах-революционерах (период революции 1905—1907 гг.).	113—125
ПЕТРОВ С. Б.	Литератор А. С. Глинка (Волжский) и его личный фонд в РГАЛИ.	126—130
БЕСПАЛОВА Е. К.	М. Л. Магницкий. Неизвестная страница истории Симбирского губернского управления.	131—154
СМИРНОВА И. В.	Е. М. Перси-Френч. Последняя из симбирских Киндяковых.	155—180
ЧЕРНОВА Е. Г.	Из истории формирования палеонтологической коллекции в фондах Ульяновского областного краеведческого музея.	182—190

30

СИМБИРСКИЙ ВЕСТНИК